

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГБОУ ВО «РГГУ»)**

На правах рукописи

Савосткина Регина

**КОММУНАЛЬНЫЙ БЫТ СОВЕТСКИХ РАБОЧИХ (1917-1930-Е): ПРОЕКТЫ И ИХ
РЕАЛИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА)**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель

доктор исторических наук, доцент

Е.В. Барышева

Москва – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРОЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КОММУНАЛЬНОГО БЫТА НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЧАЛАХ.....	55
1.2. Представления теоретиков марксизма о принципах бытовой организации на социалистических началах	62
1.3. Вопрос бытовой организации на социалистических началах в трудах государственных и политических деятелей РСДРП(б).....	68
ГЛАВА 2. ПРОЕКТЫ БЫТОВОЙ РЕОРГАНИЗАЦИИ В 1920-1930-Е ГОДЫ.....	75
2.1. Государственная политика планирования жилищного пространства и архитектурные проекты жилищно-бытовой организации в 1920-е гг.	75
2.2. Государственная политика планирования жилищного пространства и архитектурные проекты жилищно-бытовой организации в 1930-е гг.	93
ГЛАВА 3. ПРОПАГАНДА НОВЫХ УСЛОВИЙ КОММУНАЛЬНОГО БЫТА И ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЛИЩА В СМИ В 1920-1930-Е ГГ.	114
3.1. Пропаганда жилищно-бытовой организации в СМИ в 1920-х гг.	114
3.1.1. Реорганизация жилищно-бытового устройства в дискурсе «женских журналов» «Работница» и «Женский журнал» в 1920-е гг...	114
3.1.2. Идеи обобществления быта в общественно-политическом журнале «Огонек»	132

3.2. Пропаганда жилищно-бытовой кооперации в СМИ в 1930-х гг.	142
ГЛАВА 4. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА РЕОРГАНИЗАЦИИ КОММУНАЛЬНОГО БЫТА В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В 1920-1930- Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА)	159
4.1. Решение жилищного вопроса в рамках решения задачи обобществления быта в 1917-1920-х гг.....	159
4.2. Реализация проекта обобществления бытовой организации в 1917-1920-х гг.....	191
4.3. Реализация проекта реорганизации коммунального быта в Москве и Ленинграде в 1930-е гг.	211
4.3.1. Воплощение проекта жилищного строительства и организации рабочего жилья в Москве и Ленинграде в 1930-е гг.....	215
4.3.2. Развитие системы общественного питания в 1930-е гг.	231
4.3.3. Воплощение идеи обобществленного воспитания детей в 1930-е гг.	243
4.3.4. Организация банно-прачечного сектора в 1930-е гг.....	251
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	259
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	269
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	321

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

После Октябрьской революции преобразование бытовых практик советских граждан, обобществление быта на социалистических началах рассматривалось как первостепенное условие для формирования новой системы общественных отношений, которые должны были не только определять условия существования людей в конструируемом коммунистическом обществе, но и сформировать сознание, создать «нового человека». Проблема быта в рамках коммунистической идеологии имела особое значение, т.к. предполагала формирование условий для гармоничного развития личности, готовой сосредоточить все свои усилия на защите коммунистических ценностей, идеалов социалистической революции. В связи с этим после Октябрьской революции вопросам преобразования коммунального быта в Советском государстве со стороны органов государственной власти уделяется особое внимание. На этом основании изучение бытовых практик советских граждан в 1917-1941-х гг. имеет особенное значение в связи с той идеологической значимостью, которую они приобретали в условиях проектирования нового советского социума.

Во-первых, изучение бытовых практик как условий выживания и существования человека, охватывающих такие стороны его жизни как место проживания, организацию питания, воспитания детей, гигиенические условия, позволяет рассмотреть жизнь рабочих в эпоху кардинальных перемен, связанных со сменой политического, экономического, культурного, идеологического курса. Быт советского рабочего имел глубочайшее влияние на формирование советской повседневной действительности, отражая сложности, преодоление которых фактически и формирует рутинную действительность послереволюционной эпохи, оказывая влияние на

мировоззрение людей, культуру общества, восприятие коммунистической идеологии.

С одной стороны, советские граждане оказались в тяжелых жилищно-бытовых условиях, которые вынуждали их действовать определенным образом, улучшая свой быт и условия существования. С другой стороны, государство, осознавая важность преобразования быта, оказывало влияние на граждан через проводимую государственную политику в сфере жилищно-коммунального строительства, осуществляя пропаганду изменения бытовых практик населения и, в первую очередь, рабочего класса. Эта ситуация породила конфликт между повседневной реальностью и пропагандируемой коммунистической идеологией, когда насущная реальность, имеющая большую важность, т.к. связана с повседневной рутинной существованием каждого рабочего, оказывала влияние на принятие тех идей, которые пыталась реализовать государство.

Во-вторых, коммунистическая идеология определяла особую важность трансформации бытовых практик, их обобществление должно было создать базу для построения новой системы общественных отношений на коллективистских началах. То, как советская власть воспринимала важность трансформации быта и то, какие усилия прилагала она в решении этого вопроса, демонстрирует фактическое восприятие советской властью задач построения социалистического общества. Действия власти в решении данного вопроса определяют и отношения государства с гражданами.

В-третьих, иным важным условием, определявшим особенность реализации проекта трансформации коммунального быта в 1917-1930-е гг., было неперенное участие женщин в решении данного вопроса. Задача преобразования быта приравнивалась к реализации проблемы женской эмансипации и поэтому все вопросы, решавшиеся в сфере жилищно-бытовой организации, непременно были связаны с решением «женского вопроса».

Опираясь на данное существенное обстоятельство, коммунально-бытовая реорганизация в данный период может рассматриваться в рамках непереносимого принятия во внимание участия в этом процессе женщин.

Таким образом, взаимодействие государства в рамках проводимой государственной политики в сфере жилищно-коммунального обеспечения и граждан определяют уровень доверия между обществом и властью, вовлеченность населения в реализацию коммунистического проекта построения социалистического общества, а также цели и задачи власти в этом процессе.

Проблема исследования состоит в определении степени взаимодействия государства и населения в процессе реализации проекта создания коммунального быта на коллективистских началах.

Степень изученности. В российской и зарубежной историографии проблема реорганизации советского быта в 1917-1930-е гг. рассматривалась в рамках направлений истории архитектуры, социальной истории, этнографии, истории повседневности, женской и гендерной истории.

Вопросу преобразования советского жилищно-бытового устройства уделялось особенное внимание в **исследованиях историков архитектуры**, которые хронологически можно разделить на три этапа: 1) период переоценки разработок в области жилищно-бытового устройства 1920-х гг., связанный с архитектурно-стилистической и ценностной переориентацией 1930-х гг. (1932 – середина 1950-х гг.); 2) этап советского научно-исследовательского анализа процессов развития идей организации социалистического жилища и быта (1960-1991 гг.); 3) постсоветский период (с 1991 года по наше время), характеризующийся новыми методологическими подходами в изучении проблемы.

Первый историографический период (1932 – середина 1950-х гг.) связан с процессом переориентации советской архитектуры в начале 1930-х гг. в направлении монументализма и продолжается до середины 1950-х гг. Этот этап характеризуется крайней идеологизированностью оценки опыта 1920-х гг.

В 1931 г. была опубликована работа экономиста и революционного деятеля Ю. Ларина¹, в которой указывается о неприемлемости дальнейшего строительства домов-коммун и необходимости полного превращения рабочего жилья в жилищный цех предприятия. Выходят в свет работы советского архитектурного критика и архитектора, одного из идеологов конструктивизма Р.Я. Хигера² и специалиста по жилищному строительству К. Лопяло³, в которых разработки 1920-х гг. характеризуются как «абстрактное изобретательство», технический утопизм, «социальное прожекторство, лишенное сколько-нибудь реальной базы в современных условиях общественного развития, и, наконец, сугубый эстетизм»⁴.

С 1933 г. главным изданием, представлявшим новое направление в архитектуре, стал журнал «Архитектура СССР», в котором ведущие архитекторы страны (М.О. Барщ, М.Я. Гинзбург, Г.А. Зундблат и др.), многие из которых в 1920-х гг. принимали активное участие в разработке нового типа социалистического жилища и системы бытового обслуживания, подвергли осуждению «перегибы» в разрабатывавшихся в конце 1920-х гг. концепциях жилищно-бытового проектирования⁵.

¹ Ларин Ю. Жилище и быт. Москва, 1931. 127 с.

² Хигер Р.Я. Пути архитектурной мысли. Москва, 1933. 143 с.

³ Лопяло К. Жилище – рабочим! Москва, 1932. 96 с.

⁴ Хигер Р.Я. Пути архитектурной мысли... С. 60.

⁵ Наши задачи // Архитектура СССР. 1933. № 1. С. 1-2.; Архитектура в борьбе за качество // Архитектура СССР. 1933. № 2. С. 1-8.; Голосов И.А. О большой архитектурной форме //

Второй этап (1960-1991 гг.) изучения жилищно-бытового проектирования историками архитектуры характеризуется появлением первых научно-исследовательских работ в данной области, а также многочисленных общих изданий по истории архитектуры⁶, рассматривавших и жилищное строительство довоенного периода. В начале 1960-х гг. публикуются и первые исследовательские работы в области жилищного проектирования довоенной эпохи⁷. Искусствовед, историк архитектуры В.Э. Хазанова изучает гражданскую архитектуру первых послереволюционных лет (1917-1925 гг.)⁸, значительное внимание уделяя вопросам проектирования жилья. Автор характеризует рассматриваемый период как время, в первую очередь, социальных, а не архитектурных завоеваний в области жилищного строительства, а разрабатываемые идеи обобществления быта относит к реализации требований общества. Путь от проектирования и строительства первых немногочисленных послереволюционных одноэтажных рабочих домов до разработки и реализации идеи домов-коммун В.Э. Хазанова оценивает как движение от романтики к трезвому утилитаризму.

В.Э. Хазанова подробно исследует дискуссию «урбанистов» (Л. Сабсович) и «безурбанистов» (М. Охитович) 1929-1930-х гг. о

Архитектура СССР. 1933. № 5. С. 34.; Перчик Л. Город социализма и его архитектура // Архитектура СССР. 1934. № 1. С. 3-7.; [и др.].

⁶ История советской архитектуры. 1917-1958. Изд. 2-е. М., 1962. 345 с.; Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 12. Кн. 1 : Архитектура СССР. Москва, 1975. 256 с.; Рябушин А.В., Шишкина И.В. Советская архитектура. Москва, 1984. 216 с.; История советской архитектуры, 1917-1954 гг. М, 1985. 256 с.

⁷ Полетаев В.Е. Жилищное строительство в Москве в 1931-1934 гг. // Исторические записки. 1960. Вып. 66. С. 3-19.

⁸ Хазанова В.Э. Из истории советской архитектуры первых послереволюционных лет : Гражданская архитектура РСФСР 1917-1925 гг. : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Москва, 1965. 22 с.; Хазанова В.Э. Советская архитектура первых лет Октября. 1917-1925 гг. М., 1970. 214 с.; Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. Москва, 1980. 364 с.

социалистическом расселении, определившую направление развития советского градостроительства и непосредственно связанную с разработкой идеального жилого пространства советского человека, настаивая на важности культурологического исследования процесса городского строительства.

Изучение советской архитектуры 1920-1930-х гг., жилищно-бытового строительства было продолжено историками архитектуры В.В. Кирилловым⁹, А.В. Иконниковым¹⁰, С.О. Хан-Магомедовым¹¹. Работы А.В. Иконникова и С.О. Хан-Магомедова, вышедшие в свет до 1991 г., характеризуются типичным для историографии советской эпохи в области изучения жилищно-бытового строительства фактографически-описательным подходом. Исследователей, в первую очередь, интересуют не массовая жилищная застройка рассматриваемой эпохи, не анализ задач, которые ставились перед жилстроительством и организацией бытового обслуживания, а отдельные выдающиеся сооружения (жилой дом Наркомфина архитекторов М.Я. Гинзбурга и И. Милиниса, дом архитектора Мельникова и др.), и деятельность ведущих архитекторов эпохи. С.О. Хан-Магомедов, специализируясь на изучении архитектуры русского авангарда, внес огромный вклад в сбор, систематизацию, анализ материалов по данной теме. Но исследователи не уделяют достаточного внимания идеологическим, экономическим, политическим, культурологическим предпосылкам для разработки концепции нового жилого пространства, так, например, А.В. Иконников характеризует эпоху проектирования домов-коммун как «увлечение», прошедшее само собой «по мере того, как развивались

⁹ Кириллов В.В. Путь поиска и эксперимента. Москва, 1974. 223 с.

¹⁰ Иконников А.В. Архитектуры Москвы. XX век. Москва, 1984. 222 с.

¹¹ Хан-Магомедов С.О. М.Я. Гинзбург. Москва, 1972. 184 с.; Хан-Магомедов С.О. Архитектор Константин Мельников. Москва, 1981. 48 с.; Хан-Магомедов С.О. Николай Ладовский. Москва, 1984. 64 с.; Хан-Магомедов С.О. Кривоарбатский переулок 10. Москва, 1984. 61 с.; Хан-Магомедов С.О. Илья Голосов. Москва, 1988. 232 с.

городские системы общественно-бытового обслуживания, смягчались и уничтожались временные трудности быта и материального снабжения»¹².

В данных исследованиях деятельность архитекторов трактуется как исключительно самостоятельная творческая инициатива, вмешательство государства в процесс жилищного проектирования расценивается как негативный фактор, влияющий на творческую мысль, но не придается должного значения условиям социального заказа на разработку проектов рабочего жилья со стороны государства. Архитектор и заказчик (государство) выступают как противоборствующие, но исключительно самостоятельные действующие лица. Воздействие экономических, социальных, политических факторов, влиявших как на одну, так и на другую сторону в данном сложном процессе, в некоторых случаях упоминается, но не происходит комплексного анализа влияния изменяющихся условий как на архитектурную мысль, так и на требования госзаказа.

Общей чертой для исследований советского периода в области архитектуры и жилищно-бытового проектирования в 1920-1930-е гг., является не только ограниченность методологических подходов, но и то обстоятельство, что эта тема разрабатывается исключительно искусствоведами или историками архитектуры, которых, в силу профессиональной специфики, интересуют, в первую очередь, искусствоведческие особенности изучаемых проектов. В некоторой степени внимание уделяется особенностям творческого процесса в условиях советского государства, взаимоотношениям между зодчим и заказчиком (т.е. государством), архитектурным спорам и дискуссиям, но с точки зрения развития архитектурной мысли, а не с точки зрения социального и идеологического значения проектируемого жилища.

¹² Иконников А.В. Архитектуры Москвы. XX век... С. 78.

Постсоветский период (с 1991 г. по наше время) исследования формирования жилого пространства характеризуется расширением круга изучаемых проблем, развитием методологических подходов. Идеологические ограничения, в значительной степени влиявшие на проблематику советского периода, были преодолены, что позволило обратить внимание на те аспекты развития жилищного строительства, которые ранее оставались за пределами интересов советских исследователей.

Продолжив свою исследовательскую деятельность в области жилищно-бытового строительства 1920-1930-х гг. в постсоветский период, В.Э. Хазанова, А.В. Иконников и С.О. Хан-Магомедов¹³ в значительной степени изменили подход к изучаемой проблеме. Общим для их научной деятельности в постсоветский период было рассмотрение архитектуры 1920-1930-х гг. как социалистической утопии.

С.О. Хан-Магомедов¹⁴ в работах, посвященных социальному значению жилищного строительства, трактует архитектурные эксперименты 1920-х гг. как попытку внедрения ортодоксальных форм социализма, инициированную задававшими в ту эпоху тон общественной жизни рабочими и беднейшими слоями крестьянства, поддерживаемыми в своих уравнилельно-коллективистских стремлениях лидерами большевистской партии¹⁵. Утопизм разработок нового социалистического быта рассматривается исследователем

¹³ Хазанова В.Э. Опыт изучения истории советской архитектуры 1917-1932 гг.; Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура. Москва, 2004. 399 с.; Хан-Магомедов С.О. ВХУТЕМАС-ВХУТЕИИ. Москва, 1990. 62 с.; Хан-Магомедов С.О. Пионеры советского дизайна. Москва, 1995. 423 с.; Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда : в 2 кн. Москва, 1996-2001.; Хан-Магомедов С.О. Творческие течения, концепции и организации советского авангарда. Москва, 1997. 325 с.; [и др.]

¹⁴ Хан-Магомедов С.О. Архитектура и утопия // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 2. С. 164-170.; Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда : в 2 кн. : Кн. 2: Социальные проблемы. Москва, 2001. 712 с.

¹⁵ Хан-Магомедов С.О. Архитектура и утопия... С. 166-167.

с точки зрения химеричности самой ортодоксальной социалистической модели.

В свою очередь А.В. Иконников рассматривает архитектурные утопии 1920-1930-х гг. как ответвление социальной утопии, величайшего социального эксперимента. Архитектура этой эпохи должна была отвечать на требования утопизированной реальности вне зависимости от смены самой утопической модели.

В.Э. Хазанова призывает расценивать роль советской архитектуры как средство материализации «грандиозной социальной утопии, которая обернулась антиутопией»¹⁶. При этом В.Э. Хазанова, в отличие от А.В. Иконникова и С.О. Хан-Магомедова, делает акцент не на социальной основе архитектурной утопии советской архитектуры, а на идее.

Другой общей тенденцией в работах С.О. Хан-Магомедова и А.В. Иконникова, написанных в постсоветский период, было обращение к изучению социального значения архитектуры 1920-1930-х гг. С.О. Хан-Магомедов посвятил социальным проблемам отдельный том своей работы «Архитектура советского авангарда». Основные вопросы, затрагиваемые автором в отношении проблемы перестройки быта и разработки новых типов советского жилища, рассматриваются с точки зрения взаимосвязи идей формирования в советском государстве нового быта и проектирования жилищно-бытового устройства в 1920-х гг. Особенное внимание автор уделяет разработке домов-коммун, деталям их бытовой организации. По мнению С.О. Хан-Магомедова, наибольшее влияние на архитектурные разработки 1920-х гг. имела социально-психологическая обстановка эпохи.

Постсоветский период характеризуется тем, что впервые к изучению данного вопроса обращаются не только искусствоведы и историки

¹⁶ Хазанова В.Э. Опыт изучения истории советской архитектуры 1917-1932 гг. ... С. 4.

архитектуры, но и историки, работавшие в рамках направления **социальной истории**, что способствует кардинальной смене круга рассматриваемых вопросов.

Изучение проблемы разработки города-сада, начатое в трудах В.Э. Хазановой, было продолжено в исследованиях М.Г. Мееровича, Ю.Л. Косенковой, Д.С. Хмельницкого, Е.В. Конышевой¹⁷. Исследователей нового поколения интересуют не столько вопросы архитектурных особенностей в области проектирования городов-садов в 1920-е гг., сколько государственная градостроительная политика с точки зрения ее значения в процессе экономического и политического развития Советского государства. Впервые авторы поднимают вопрос связи реального жилищного строительства в стране с теми проектами, которые разрабатывались архитекторами в качестве образцовых типов расселения. Исследователи постсоветского времени пересматривают отношения архитектора и заказчика при разработке нового типа советского жилища, и, в отличие от предыдущего поколения, архитектурная мысль и деятельность оценивается ими исключительно как подчиненная государственному заказу.

Если А.В. Иконников, С.О. Хан-Магомедов, В.Э. Хазанова оценивали разработки в области обобществления быта и связанные с этой идеей проекты домов-коммун как продукт архитектурной мысли и архитектурных поисков, то М.Г. Меерович, Е.В. Конышева, Д.С. Хмельницкий настаивают на том, что вся градостроительная дискуссия конца 1920-х гг., в рамках которой разрабатывались жилищные проекты с полным обобществлением

¹⁷ Меерович М.Г. Рабочие поселки-сады в послереволюционной России // Архитектурное наследство. Вып. 49. 2008. С. 301-311.; Косенкова Ю.Л. Управление застройкой городов в первые послереволюционные годы // Архитектурное наследство. Вып. 49. 2008. С. 291-300.; Меерович М.Г., Конышева Е.В., Хмельницкий Д.С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928-1932 гг.). Москва, 2011. 268 с.; Меерович М.Г. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. Москва, 2017. 352 с.; [и др.].

быта, являлась всецело продуктом заказа партгосаппарата. Так, например, участие Л. Сабсовича в дискуссии «урбанистов» и «дезурбанистов», по мнению авторов, непосредственно связано «с борьбой И. Сталина за увеличение планов пятилетки»¹⁸. Д. Хмельницкий, продолжая данную тему, настаивает уже на том, что вся деятельность Н. Милютин, Л. Сабсовича по разработке обобществленного типа жилища была ничем иным, как разработанной сталинской группой пропагандистской кампанией, необходимой для идеологического обоснования дальнейшего коммунального расселения в интересах индустриализации страны¹⁹.

Здесь мы наблюдаем опровержение идей А.В. Иконникова, С.О. Хан-Магомедова, В.Э. Хазановой, придававших слишком большое значение архитектурной мысли в проблеме формирования нового жилищно-бытового пространства в советском государстве, новым поколением исследователей. Но историки постсоветского периода впадают в другую крайность, и настаивают на полной и безоговорочной подчиненности любой градостроительной деятельности партийным директивам и сталинским планам индустриализации страны, не учитывая влияния жилищной кооперации, учета властью предпочтений масс на развитие жилищной и бытовой организации.

М.Г. Меерович первым обратился к таким важным аспектам жилищного и бытового строительства в 1920-1930-е гг., как влияние жилищной кооперации на развитие общих тенденций жилищного строительства и бытового устройства эпохи²⁰. Также М.Г. Меерович²¹

¹⁸ Меерович М.Г., Конышева Е.В., Хмельницкий Д.С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928-1932 гг.). ... С. 22.

¹⁹ Хмельницкий Д. Николай Милютин в истории советской архитектуры // Николай Милютин. Москва, 2013. С. 5-291.

²⁰ Меерович М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924-1937 гг. Иркутск, 2004. 272 с.

обращает внимание на использование жилищно-бытовой организации как средства социального управления населением, особенно в начале 1930-х гг., когда вопрос жилищно-бытовой организации должен был стать важным механизмом в индустриализации страны. Автор расценивает жилищное проектирование, строительство и его распределение в 1930-х гг. как способ закрепощения трудовой силы в интересах проводимой политики индустриализации²².

Ю.Л. Косенкова рассматривает градостроительные проекты советского государства с т.з. их социальной задачи: формирования «нового человека» и указывает на ошибочность самой концепции подхода к пониманию социальной сущности индивида и использования этой идеи в градостроительном проектировании.²³ Эта идея подтверждает мысль В.Э. Хазановой об антиутопичности самого проекта жилищно-бытовой трансформации 1920-х гг.

Историки, работавшие в рамках социальной истории, также вносят большой вклад в рассмотрение деятельности отдельных правительственных ведомств, влиявших на жилищное строительство и организацию хозяйственно-бытового обслуживания населения 1920-1930-х гг.

²¹ Меерович М.Г. Жилищная политика СССР как средство социального управления (1917-1941 гг.) // Социологические исследования. № 1. Москва, 2014. С. 95-101.; Меерович М.Г. Как власть народ к труду приучала: Жилище в СССР – средство управления людьми. 1917-1941 гг. Stuttgart, 2005. 138 с.; Меерович М.Г. Квадратные метры, определяющие сознание: государственная жилищная политика в СССР. 1921-1941 гг.: Stuttgart, 2005. 210 с.

²² Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 годы). Москва, 2008. 300 с.

²³ Косенкова Ю.Л. Трансформации гипотетической модели человека в градостроительстве советского периода // Петербургский исторический журнал. Санкт-Петербург. № 4 (36). 2022. С. 72-89.

Примечательны работы Ю.Л. Косенковой²⁴, рассматривающие деятельность ВСКХ при ЦИК СССР, Наркомата коммунального хозяйства РСФСР, Академии коммунального хозяйства в процессе градостроительного проектирования и жилищно-коммунального строительства 1930-х гг. Большую значимость в изучении коммунального хозяйства в 1920-1930-е гг. имеют работы И.Б. Орлова²⁵.

В изучении коммунального быта 1917-1930-х гг., интересен опыт советских **этнографов** в исследовании рабочего быта. Период первого десятилетия советской власти и вплоть до начала 1950-х гг. характеризуется особым вниманием этнографов к быту, материальной и духовной культуре малых народов. В середине 1950-х гг. в советском научном сообществе возникает дискуссия о проблеме изучения быта колхозного крестьянства. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. перед советскими исследователями встает проблема изучения быта рабочих, которая отмечается как первостепенная и наиважнейшая для дальнейшего уяснения закономерностей перестройки пролетарского быта²⁶, что должно было быть связано с практическими задачами строительства коммунизма. В этот момент идут интенсивные методологические поиски²⁷, целью которых является формирование метода

²⁴ Косенкова Ю.Л. Наркомат коммунального хозяйства РСФСР в системе управления градостроительством 1930-х годов: черты преемственности // АСАДЕМІА. Архитектура и строительство. Москва. № 4. 2022. С. 91-98.; Косенкова Ю.Л. Большая управленческая триада в советском градостроительстве 1930-х годов: между порядком и хаосом // Архитектурное наследие. М. № 76. 2022. С. 231-242.

²⁵ Орлов И.Б. «Коммунальная страна»: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941 гг.). М., 2015. 344 с.; Орлов И.Б. Советское жилищное хозяйство в 1920-1930-е гг.: между классовой линией и самокупаемостью // Современные проблемы сервиса и туризма. Т. 8. № 2. Пушкино, 2014. С. 78-85.; [и др].

²⁶ Крупянская В.Ю. Некоторые соображения по поводу этнографического изучения рабочих // Acta ethnographica: academiae scientiarum hungaricae. Budapest, 1956. P. 317-330.

²⁷ Робакидзе А.И. К некоторым спорным вопросам этнографического изучения нового быта // Советская этнография. № 2. М., 1952. С. 129-137.; Токарев С.А. Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии // Советская этнография. № 2. Москва; Ленинград, 1951. С. 160-178.; Пушкарева Л.П. Сопоставление авторского

этнографического исследования, соответствующего актуальной для того времени проблеме изучения современного быта. Одной из методологических особенностей в это время было предложение изучения полиэтнического пролетариата с учетом сохранившихся форм национальных и этнических особенностей до кануна социалистической революции, поэтому первые работы, выполнявшие запрос по изучению социалистического быта советского пролетариата, относились к периоду конца XIX – началу XX в.²⁸

В это же время предпринимается попытка этнографических исследований рабочих ряда промышленных центров России (горно-заводские предприятия Урала, Сормовского завода в нижегородской области и др.), но эти работы исследуют быт рабочих с точки зрения изучения бытовых особенностей русского пролетариата конца XIX в., несмотря на поставленную в начале 1950-х гг. научным сообществом задачу изучения современного пролетарского быта, особенностей его изменения в связи с установлением Советской власти. Так, например, этнограф В.Ю. Пастушин²⁹, исследуя быт рабочих украинского города Борислава в период между 1815 и 1953 гг., как и большинство этнографов этой эпохи, сосредотачивает свое внимание на изучении жилья, одежды, пищи. Описывая же изменение быта рабочих, произошедший с присоединением этого региона к СССР только с самых радужных позиций, автор не дает никакого детального и точного описания произошедшим изменениям.

коллектива по темем «Семья и семейный быт колхозного крестьянства народов СССР» // Советская этнография. № 1. Москва; Ленинград, 1955. С. 173-175.; Чижикова Л. Совещание авторского коллектива по теме «Современное жилище колхозного крестьянства народов СССР» // Советская этнография. № 1. Москва; Ленинград, 1955. С. 175-177.

²⁸ Робакидзе А.И. К некоторым спорным вопросам этнографического изучения нового быта... С. 135.

²⁹ Пастушин В.Ю. Быт рабочих Бориславского нефтяного района (1815-1953 годы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1954. 13 с.

Таким образом, этнографические исследования быта и культуры 1920-1950-х гг., несмотря на заявленное внимание к изучению пролетарского быта и культуры, его трансформации в советский период, практически полностью игнорируют период 1920-1930-х гг. Задачи, выдвинутые в этнографии советского периода в начале 1950-х гг., сосредотачиваются на дореволюционной, а также на современном этапе исследовательской эпохи.

Антропологический поворот в западной исторической науке, начавшийся в конце 1960-х гг., привлек внимание к **истории повседневности**, предмет изучения которой, в одной из интерпретаций, можно обозначить как повседневные практики, формирующие обыденный, типичный уклад человеческой жизни, влияющий на формирование человеческих представлений, поведенческих практик, определяющий его реакции и восприятие действительности. В полной мере к истории повседневности отечественные исследователи обратят свое внимание только в постсоветскую эпоху, но интересен и необычен для советской эпохи подход Т.П. Коржихиной³⁰ в выявлении причин неудач формирования Нового быта в 1920-1930-х гг.

В начале 1980-х гг. в советской историографии появляется исследование В.И. Исаева³¹, посвященное быту рабочих Сибири в 1926-1932 гг. Исследователь предлагает рассматривать быт не как «материальные условия внепроизводственной жизни людей³²», а как всю совокупность практик человека, направленных на удовлетворение культурных

³⁰ Коржихина Т.П. Из истории борьбы советских государственных и общественных организаций за новый быт в 20-е годы // Из истории партийно-государственного руководства культурным строительством в СССР : сб. статей. Москва, 1983. С. 126-146.

³¹ Исаев В.И. Быт рабочих Сибири в начальный период реконструкции народного хозяйства. 1926-1932 гг. (Условия и тенденции становления социалистического образа жизни): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1981. 19 с.

³² Там же. С. 2.

потребностей, а также иных форм внепроизводственного удовлетворения потребностей человека, т.е. автор рассматривает быт как материальную среду, включающую в себя удовлетворение потребностей в пище, одежде, жилище, отдыхе, развлечениях, поддержания здоровья и т.д., а также культурные условия, в которых протекает повседневная жизнь людей.

Таким образом, советский период изучения бытовых практик выявляет интересные тенденции, отчасти параллельные процессам в западной науке, связанным с антропологическим поворотом. Во-первых, призыв в начале 1950-х гг. к этнографическим исследованиям рабочего и крестьянского быта, указавший на важность не только фиксации бытовых особенностей, материальных условий жизни, но и исследование процесса трансформации бытовой культуры в рамках формирования Нового быта, хоть и не воплотился в удавшихся исследованиях, но тем не менее обозначил новые тенденции. Во-вторых, ряд исследований начала 1980-х гг. (Т.П. Коржихиной, В.И. Исаева) стремятся ответить на актуальные вопросы не с позиций изучения материальных условий развития быта, а через обращение к изучению культуры, повседневных практик населения, связанных не только с бытовыми особенностями жизни (еда, жилище, одежда), но, в первую очередь, с общими процессами становления повседневной культуры, отражающей восприятие действительности, влияющей на поведенческие практики.

В постсоветскую эпоху изучение повседневных практик (под повседневными практиками мы подразумеваем те обыденные, типичные действия людей, которые не только составляют часть его быта, но влияют на представления, поведение, реакции) и быта происходит в двух основных направлениях: в рамках истории повседневности и истории быта. При этом следует заметить, что происходит явное переплетение этих двух подходов: изучение быта часто приводит исследователей к конструированию

повседневных практик и, напротив, заявления об изучении повседневности сводятся к описанию быта. Российская историография пополняется рядом исследований, особенностью которых является разный исследовательских подход к восприятию самого предмета повседневности. Так выделяется два основных направления в восприятии повседневности: изучение обыденных злключений «маленьких людей»³³, повторяющихся изо дня в день практик, формирующих условия существования отдельных социальных групп и населения в целом и рассмотрение чрезвычайного, выделяющегося из будничной жизни³⁴.

Исходя из общих тенденций российской историографии в исследовании быта и повседневности, происходит и рассмотрение практик 1920-1930-х гг. Историки обращаются к исследованию изменений быта различных социальных групп: женщин³⁵, крестьянства³⁶, интеллигенции³⁷,

³³ Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии... С. 77.

³⁴ Пушкарёва Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. № 1. Т. 4. Санкт-Петербург, 2014. С. 9.; Тарасюк А.Я. Быт советских женщин как показатель традиций и нововведений повседневной жизни в первое послереволюционное десятилетие (на материалах Зауралья) // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. статей. Вып. 2. Из истории Южного Урала и российских регионов. Челябинск, 2004. С. 266-271.

³⁵ Мирошниченко М.И. «Старому быту гроб, даешь физкультуру и спорт!»: физкультурницы и спортсменки Урала во второй половине 1920 - х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: Научно-теоретический и прикладной журнал. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. 1., 2014. С. 153-154.

³⁶ Привалова Т.В. Быт российской деревни 60-е годы XIX – 20-е годы XX в. Москва, 2000. 199 с.

³⁷ Нефагина Г.Л. Быт художественной интеллигенции Петрограда в 1920-е годы // Феномены повседневности: гуманитарные исследования. Философия. Культурология. История. Филология. Искусствоведение: Материалы междунар. науч. конф. «Пушкинские чтения – 2005». Санкт-Петербург 6-7 июня 2005 года. СПб., 2005. С. 220-227.; Синохина И.В. Быт советского литератора в начале 30-х гг. // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. № 3/4. Иваново, 2005. С. 128-129.; Титова В.И. Бытовые условия жизни Владимирской интеллигенции в 20 гг. XX

советской элиты 1920-х гг.³⁸, спецпоселенцев³⁹, рабочих⁴⁰, комсомольцев⁴¹, городских жителей⁴². Общий контекст данных исследований строится по системе «классовой иерархии», сохраняя традицию осуждения за «излишества» по сравнению с общим бытовым положением населения. В анализе быта исследователи вовлекают новый тип источников, таких как фотографию⁴³.

Этот комплекс вышеуказанных работ, несмотря на заявление некоторых авторов об изучении истории повседневности, можно отнести к изучению быта интересующего нас периода. Авторы, заявляя о попытке рассмотреть повседневность тех или иных категорий советского населения в 1920-1930-е гг., обращаются не к повседневным практикам, включающим в

века // Известные и неизвестные события и имена в истории и культуре Владимирской земли : Материалы областной краеведческой конференции 18 апреля 2003 г. / Владимир, 2003. С. 143-147.

³⁸ Чистиков А.Н. «Остров» Смольный (жизнь и быт петроградской бюрократии в 1918 - 1920 гг.) // История Петербурга. № 3. Санкт-Петербург, 2001. С. 72-76.; Ерёмин И.В. Быт и поведение командира Красной армии в 1930-е годы // Российский научный журнал. История, педагогика, психология, философия, право. № 3 (34). Рязань, 2013. С. 59-64.; Хабибрахманова О.А. Жилищный передел: проблемы жилья и научная интеллигенция Татарстана 1920-1930-х гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17., № 3. Самара, 2015. С. 100-103.

³⁹ Баранов К. Быт спецпоселенцев в 30-40-е гг. как фрагмент истории советской повседневности // Опыт историко-антропологических исследований. 2004. Сб. науч. работ студентов и аспирантов. Москва, 2003. С. 216-220.

⁴⁰ Чистякова И.К. Картинки труда и быта рабочих фабрики «Пионер» в г. Владимире // Известные и неизвестные события и имена в истории и культуре Владимирской земли : Материалы областной краеведческой конференции 18 апреля 2003 г. Владимир, 2003. С. 121-126.

⁴¹ Давыдов Д.В. «Комсомолки краситься и пудриться не должны»!: Особенности борьбы за «новый быт» в 1920-е годы // Родина: Исторический научно-популярный журнал. № 5 (Май), 2016. С. 117-119.

⁴² Рогожкин Д.А. Бытовые изменения в жизни губернского города в период НЭПа (по материалам Рязани) // Российский научный журнал. История, педагогика, психология, философия, право. № 3 (34). Рязань, 2013. С. 54-58.

⁴³ Макаров А.Н. «Такому человек нужен телефон»: Быт рабочих Магнитогорска в фотохронике 1930 - х годов // Родина: Российский исторический журнал. № 11 (Ноябрь) 2011. С. 108-111.

себя реакции, настроения населения, изменения их бытового уклада и повседневных практик, а сосредотачивают свое внимание именно на истории быта. В поле их интереса попадают размеры пайков и чистота помещений, доступность получения продовольствия и их состав.

Параллельно с изучением истории быта, выходит ряд исследований, предметом изучения которых выступает повседневность в различных ее проявлениях. Следует заметить, что для российской историографии истории повседневности характерно именно обращение внимания на повседневность с точки зрения выявления не обыденного и повторяющегося, а уникального и выделяющегося из общих повседневных практик.

Так Н.Б. Лебина в своей работе, посвященной повседневности советского города в 1920-1930-е гг.⁴⁴, исследует особенности коммунального бытового устройства советских коммун, анализирует особенности быта большей массы трудового городского населения, уделяя особое внимание тем бытовым трудностям, с которыми сталкивались советские женщины и тому, какое влияние они имели на ограничение полноценного вовлечения женского населения в общественную жизнь. Автор обращает внимание на социальную дифференциацию в условиях повседневной жизни, начинавшую складываться в советском государстве непосредственно с момента его создания и советские коммуны, как самый прогрессивный, радикальный для той эпохи способ жилищно-бытовой организации, в наибольшей степени демонстрирует сложившееся социальное расслоение. Анализируя условия жизни в правительственных домах-коммунах (в т.н. домах Советов) и в рабочих коммунах, созданных в большинстве своем по инициативе и нужде трудовой молодежи, Н.Б. Лебина наглядно демонстрирует различие в их обеспечении, организации, стоявших перед ними задачами. В своем

⁴⁴ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930 годы. Санкт-Петербург, 1999. 320 с.

масштабном и значимом исследовании советской повседневности 1920-1930-х гг., Н.Б. Лебнина сделала попытку выявления общих повседневных вопросов с точки зрения анализа выдающихся, уникальных практик.

Российские историки также значительное внимание уделяют рассмотрению различных условий становления «нового быта», воспитания «нового человека»⁴⁵. Активно изучаются и изменения в досуговой и праздничной культуре в советском государстве в 1920-1930-е гг., составляющих значимую часть повседневности. Организацию рабочего досуга и изменения в быте изучали С.Б. Ульянова и И.В. Сидорчук⁴⁶, обращая внимание на скрытые от общественности, личные семейные формы досуга, а также на трансформацию общественных форм отдыха в послереволюционный период. Влияние праздничной культуры на развитие личности в советском государстве изучает Е.В. Барышева⁴⁷.

⁴⁵ Барышева Е.В. Повседневный абсурд, или Абсурд повседневности и политическая рациональность 1920-1930-х гг. // Вестник РГГУ: Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2014. № 1 (123). С. 57-65.; Сохань И.В. «Долой кухонное рабство!»: к вопросу о гендерных трансформациях структур быта в Советской России 1920-х гг. // Женщина в российском обществе: Российский научный журнал. N. 4 (61) / 2011. Иваново, 2011. С. 88 - 95.; Костюрина Н.Ю. Досуг и быт нового советского города 1930-х годов: проекты и действительность // Вестник Дальневосточного отделения РАН. № 3 (127). Владивосток, 2006. С. 148-155.; Шмелев С.А. Красное «комсомольское рождество» и проблема формирования нового быта в начале 1920-х гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17., № 3. Самара, 2015. С. 92-99.

⁴⁶ Сидорчук И.В., Ульянова С.Б. «Семью рабочего – в клуб»: организация свободного времени семейных рабочих в контексте советской досуговой политики 1920-х – первой половины 1930-х гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». Т. 10. № 4 (40). Омск, 2023. С. 24-30.; Сидорчук И.В., Ульянова С.Б. Обеденный перерыв в системе трудовых отношений на советских предприятиях в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3 (96). Орел, 2022. С. 79-82.

⁴⁷ Барышева Е.В. Идеи «автоматизации» и развития гармоничной личности в СССР // IV Гастевские чтения. Москва, 2022. С. 12-17.; Барышева Е.В. Советские государственные праздники как коммуникативный проект власти и общества // История российской государственности. Москва, 2021. С. 394-399.; Барышева Е.В. «Новая женщина» в контексте советской праздничной культуры 1920-1930-х гг. // Вестник архивиста. № 3. Москва, 2019. С. 887-899.; [и др].

Вышеуказанные работы по истории повседневности 1920-1930-х гг. дают возможность рассмотреть бытовые практики отдельных социальных групп и населения в целом не только с точки зрения каких-либо бытовых изменений в новом советском обществе, но с точки зрения изменения самой повседневной действительности, ее связи не только с повседневными действиями отдельных социальных групп, в первую очередь женщин, но в контексте проводимой государственной политики, трансформации культурно-бытовых практик как изменения условий функционирования и существования всего общества в целом.

Интерес вызывают исследования советской повседневности 1920-1930-х гг. зарубежными учеными. Изучая культуру досуга в сталинскую эпоху 1928-1941 гг., К. Кюхер⁴⁸ обращает внимание на его изменение с точки зрения трансформации советского общества, формирования социальной иерархии. М. Рольф⁴⁹ изучал массовые советские праздники, праздничную культуру советского общества в сравнении с праздничной культурой демократических государств, изучение этого элемента советской повседневности привлекает внимание и отечественных исследователей, так как для советской эпохи является основополагающим в формировании повседневных практик советского человека – шествия, демонстрации, празднования становятся неотъемлемой частью советской повседневной действительности.

Кроме работ по истории повседневности и быта, истории социальной, истории архитектуры, есть ряд работ, которые в необычном ракурсе раскрывают интересующую нас проблему трансформации коммунального

⁴⁸ Кюхер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928-1941. Москва, 2012. 350 с.

⁴⁹ Рольф М. Советские массовые праздники. Москва, 2009. 439 с.

быта. Интересен подход А. Резника⁵⁰ в анализе трудов Л. Троцкого, относящихся к бытовому и культурному строительству (работы «Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи», публицистические статьи, посвященные вопросам советского бытового преобразования). А. Резник рассматривает проблему дискуссии о новом быте, развернувшуюся в 1923-1924 гг., с точки зрения политической внутрипартийной борьбы. Так автор рассматривает дискуссию о быте с точки зрения не прямой политической дискуссии о социалистическом строительстве, затронувшей и широкую общественность из-за крайней актуальности рассматриваемых в дискуссии вопросов для всех слоев населения. Развернувшаяся дискуссия стала важным моментом в расстановке политических сил, интересы быта в этой дискуссии же становились второстепенными по сравнению с утверждением авторитетов участников дискуссии.

Проблема реорганизации коммунального быта 1917-1930-х гг. затрагивается и в работах историков, изучающих **женскую и гендерную историю**. Рассматривая проблему женской эмансипации в Советском государстве, особое внимание уделяется проблеме трансформации жилищно-бытового устройства, которая являлась важным условием для фактического раскрепощения советской женщины.

Среди работ, относящихся к рассматриваемой тематике и периоду, выделяется оценка рассматриваемой проблемы, выраженная в труде Л.Д. Троцкого «Что такое СССР и куда он идет?»⁵¹, написанного им в 1936 г. в эмиграции. Отмечая выполненный долг революции по отношению к женщине в предоставлении ей политических и юридических прав,

⁵⁰ Резник А. Быт или не быт? Лев Троцкий, политика и культура в 1920-е годы // Неприкосновенный запас : дебаты о политике и культуре. № 4 (090). Москва, 2013. С. 88-106.

⁵¹ Троцкий Л.Д. Преданная революция. Москва, 1990. 255 с.

Л.Д. Троцкий указывает на провал проекта полного раскрепощения женского населения советской России, что было вызвано невозможностью обеспечить главное условие для успешности реализации задуманного революцией - разрушить семейный очаг и обеспечить советскую женщину доступом к законченной системе общественного обслуживания. Причиной же неудачи, в представлении Л.Д. Троцкого, стала бедность молодого советского государства и господствовавшее в обществе малокультурие, а иллюзия перехода к социалистическим формам быта рассеялась после отмены карточной системы в 1935 г., когда улучшенное продовольственное обеспечение возвратило рабочих к домашнему столу. Другие же бытовые учреждения, такие как прачечные, показали свою несостоятельность из-за низкого качества обслуживания населения. Оценивая же тенденции политики правительства в раскрепощении женского населения в 1930-х гг., Л.Д. Троцкий указывает на углубление социальной стратификации между пролетарским и крестьянским женским большинством и бюрократической, технической, педагогической элитой.

Несмотря на немногочисленность исследовательской литературы в 1930-1950-е гг., посвященной вопросам женской эмансипации в изучаемый период, именно на этом этапе формируется концепция, которая станет ключевой для оценки результатов проектов эмансипации женского населения и преобразования быта в поздней советской историографии: неудачи преобразования коммунального быта на социалистических началах объясняются главным образом нехваткой средств. Эта идея станет магистральной для советских исследователей и в 1960-1980-е гг.

Следующий этап изучения проблемы эмансипации женского населения в СССР и трансформации быта в 1920-1930-х гг. приходится на период с конца 1950-х и до конца 1980-х гг. Смена политического курса после смерти И.В. Сталина и прихода к власти Н.С. Хрущева значительно

повлияла на пересмотр процесса эмансипации советских женщин в 1920-1930-е гг. Этот период характеризуется особым вниманием к практикам 1920-х гг. в связи с новым этапом практических поисков возможности полного раскрепощения советской женщины и улучшения коммунального быта. «Решенная» по высказыванию И.В. Сталина проблема женской эмансипации в 1930-х гг. была пересмотрена и нашла свое новое выражение как сложная и крайне важная для строящегося коммунистического общества социальная проблема. Достижение коммунизма рассматривалось в эту эпоху исключительно при условии достижения полного равенства мужчины и женщины, что возможно только при условии обобществления бытовых функций и предоставления женщине тех же прав, что имеет и мужчина, в т.ч. и в быту.

Историки, социологи, философы, обращаясь к послереволюционному опыту, теоретическому осмыслению проблемы неравенства полов и устройства коммунистического быта в трудах теоретиков марксизма, пытались найти пути решения насущных вопросов в строящемся коммунистическом обществе⁵², при этом исторический анализ опыта 1920-х гг. в данных работах поверхностен и достаточно однозначен. Защищается ряд диссертаций, однотипных и по названию, и по содержанию⁵³, в своих

⁵² Ткаченко В.М. Опыт решения женского вопроса в СССР. Минск, 1975.; Гаврилкина М.П. Общее и особенное в решении женского вопроса в СССР. Москва, 1974; Гордон Л., Клопов В., Груздева Е. Этапы жизненного цикла и быт работающей женщины. XII Международный семинар по исследованию семьи. Москва, 1972. 14 с.; Лагутин Н.С., Сергеева Г.П. Социально-экономическое положение женщин в СССР. Москва, 1975. 39 с.; Чумакова Т.Е. Труд и быт женщин (социально-правовые аспекты). Минск, 1978. 152 с.; Груздева Е.Б., Чертихина Э.С. Труд и быт советских женщин. Москва, 1983. 220 с.; Шильников А.С. Советская историческая литература о деятельности коммунистической партии по изменению социального положения трудящихся женщин (1921-1933 гг.) // Партийное руководство государственным и общественным организациям Сибири. Томск, 1980. С. 49-55.; [и др.].

⁵³ Ткаченко В.М. Ликвидация остатков неравного положения женщин в быту – закономерный процесс строительства коммунизма: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Минск, 1966.; Лысакова А.С. Ликвидация остатков неравенства женщины в быту в

выводах не расходящихся с характерной для данного историографического периода оценкой рассматриваемой проблемы. Основной причиной «провала» проекта эмансипации женского населения в 1920-х гг. указывается невозможность в силу экономических трудностей в первые годы существования Советской власти полностью заменить домашний труд женщин общественно-бытовыми формами обслуживания, при этом отмечается позитивное влияние и широкое участие государственных органов в помощи женской кооперации и других практик, которые должны были способствовать эмансипации советской женщины⁵⁴.

Среди вышеуказанных общих работ, затрагивающих проблему эмансипации женского населения в 1920-1930-е гг. в условиях преобразования коммунального быта, выделяется труд П.М. Чиркова⁵⁵. Автор впервые на основе привлечения многочисленных архивных источников предпринял комплексное рассмотрение основных аспектов решения женского вопроса в рассматриваемый период, затронув в своем исследовании деятельность Женотделов, профсоюзных и комсомольских организаций в работе среди женщин, методы вовлечения женщин в производство, проблему женской безработицы. Но, несмотря на комплексное изучение проблемы женской эмансипации в 1920-1930-е гг., П.М. Чирков в своих оценках не выходит за рамки сложившихся ранее концепций. Его вывод основывается на идее о том, что в период строительства социализма в СССР женский вопрос был в основном решен, что выразилось в «ликвидации социальной отсталости женщин и вовлечение их в строительство

процессе коммунистического строительства в СССР: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Москва, 1966.; Алибекова Г.Х. Социальные причины сохранения остатков фактического неравенства женщин в быту при социализме и пути их преодоления: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Махачкала, 1972.; [и др.].

⁵⁴ Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. Москва, 1959.

⁵⁵ Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937). Москва, 1978. 255 с.

социализма»⁵⁶, в свою очередь этому способствовала деятельность государства, выразившаяся в облегчении женской домашней работы за счет производства полуфабрикатов, распространения бытового обслуживания (прачечных, столовых). При этом автор признает, что несмотря на попытки тотального решения проблемы бытовой закрепощенности советской женщины, в том числе и через организацию домов-коммун с полным бытовым обеспечением, данный проект оказался нереализованным из-за «левых» перегибов: полное уничтожение какой-либо приватности вызывало недовольство рабочих.

Актуализация разработки проблемы эмансипации женского населения 1920-1930-х гг. происходит в середине 1980-х гг., что выразилось в публикации ряда исследований, объединенных в сборник⁵⁷, вышедший в 1985 г. в Волгограде, посвященный борьбе партии за социалистический быт в 1921 – 1937 гг. Авторами была предпринята попытка восполнить пробел в обобщении опыта КПСС по формированию социалистического быта в 1920-1930-е гг. Обращаясь к разным аспектам развития социалистического быта в указанный период, авторы в целом приходят к схожим выводам – неудачи указанного периода объясняются материальной неподготовленностью, и расцениваются как «подготовка», «детский период» развития дальнейших представлений о социалистическом быте⁵⁸. Особенностью же

⁵⁶ Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937)... С. 231.

⁵⁷ Борьба партии за социалистический быт (1921-1937 гг.): Сборник научных трудов. Волгоград, 1985. 128 с.

⁵⁸ Цепилова В.И. Деятельность партийных организаций по укреплению материальных предпосылок социалистического быта рабочих Урала (1928-1932 гг.) // Борьба партии за социалистический быт (1921-1937 гг.)... С. 3-14.; Вожева Л.Б. Деятельность партийных организаций Урала по улучшению жилищно-бытовых условий рабочего класса в годы второй пятилетки // Там же. С. 14-29.; Чвикалов И.М. Некоторые аспекты деятельности коммунистической партии по улучшению быта колхозного крестьянства в годы второй пятилетки // Там же. С. 29-44.; Фролова Г.И. Деятельность партийных организаций Нижнего Поволжья по вовлечению женщин в борьбу за Новый быт в годы первых пятилеток // Там же. С. 44-56.; Пшенко К.А. Борьба коммунистической партии за

представленных исследований становится выявление новой тенденции, которая станет основополагающей для следующего историографического периода 1990-х гг. – проблема женской эмансипации и связанных с этим процессом бытовых практик рассматривается регионально и тематически.

В общих чертах отечественные исследования советского периода можно охарактеризовать как крайне обширные по источниковой базе, тематике, но крайне однотипные в выводах и оценках рассматриваемого вопроса. Основополагающая для 1920-х и 1930-х гг. проблема эмансипации женского населения через обобществление быта была не раскрыта в советских исследованиях. Авторы, ограничиваясь сложившимися еще в конце 1920-х – начале 1930-х гг. оценками, не предпринимая существенных попыток в переосмыслении практического опыта обобществления быта 1920-х гг., не сумели выйти за рамки бытующих в историографии стереотипов.

Следующий, постсоветский этап изучения общих вопросов эмансипации женского населения в СССР в 1920-1930-е гг., характеризуется значительными изменениями в методологии, а также в тематике исследования. Отечественные историки в своих исследованиях рассматриваемой проблемы стремятся к антропологизации, ориентированности на микроуровневые и локальные исследования, цивилизационный подход используется для оценки советских процессов с точки зрения их «включенности» в общемировые процессы эмансипации женщин в эпоху индустриализации, делаются попытки проведения междисциплинарных исследований.

Так, например, в изучении социально-бытового положения советских женщин в 1920-1930-е гг., М.В. Балахиной заявляется о необходимости

утверждение черт социалистического образа жизни у студенчества в сфере быта (1926-1932 гг.) // Там же. С. 102-110.; Галкова О.В. Производственные и бытовые коммуны рабочей молодежи (1926-1932 гг.) // Там же. С. 111-124.

рассмотрения вопроса с точки зрения его влияния на психологию женского населения⁵⁹. Но обозначенная исследователем задача не реализуется из-за использования классической источниковой базы (законодательные акты, профсоюзные материалы, статистика по бюджетным обследованиям и др.), которая не позволяет, вопреки стремлению автора исследования, рассмотреть происходившие в сознании советской женщины изменения.

Другой характерной чертой постсоветской эпохи изучения вопросов женской эмансипации в 1920-1930-е гг., становится локализация исследований. Авторы стремятся рассматривать изменения политического, социально-экономического положения советской женщины на региональном уровне⁶⁰. Исследуются особенности трансформации положения женского населения в важных для советской эпохи национальных и индустриальных регионах. Интересно, что при таком внимании к локальным исследованиям, отсутствуют работы по изучению локального опыта центрального региона РСФСР.

В постсоветской историографии сохраняется интерес и к изучению феминистического движения в общих его чертах⁶¹. Если в советскую эпоху

⁵⁹ Балахнина М.В. Социально-бытовое положение женщин-работниц Западной Сибири, 1921-1929 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997. 200 с.

⁶⁰ Шевцова О.Н. Социальные проблемы женщин Западной Сибири и пути их решения, 1926-1929 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1999. 145 с.; Волчо Е.В. Городские женщины Западной Сибири в 1930-е годы : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 217 с.; Тарасюк А.Я. Общественно-политическая сфера реализации основных направлений женской инициативы (на материалах Тюменского края). 1917-1930 // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. статей. Вып. 1. Часть 2. Актуальные проблемы краеведения. Челябинск, 2003. С. 115-121.; Куренкова Ю.О. Участие женщин Южного Урала в Советском строительстве в 1920-е годы // Там же. С. 121-127.; Куликова Д.Н. Социальные проблемы женщин Западной Сибири и пути их решения : 1921-1925 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004.; Папина О.В. Роль женщин в социальном и культурном развитии Хакасии 1923-1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2008. 179 с.; [и др.].

⁶¹ Успенская В.И. Суфражизм в истории феминизма и русские феминистки // Женщины с социальной истории России. Сб. науч. трудов. Тверь, 1997. С. 70-80.; Кулик В.Н. Женщина и революционные события 1917 года: некоторые уроки для современной России

авторы жестко противопоставляли марксистский феминизм и т.н. буржуазный феминизм, то постсоветские исследователи, отказавшись от идеологического противопоставления данных феминистских течений, пытались оценить его качество с точки зрения масштабности явления и реальной значимости для социальных и культурных процессов эпохи. Здесь представляет интерес позиция Т.А. Ладькиной, рассматривающей феминизм как альтернативный социокультурный проект⁶². Н.Л. Пушкарева, обращаясь к опыту развития феминистического движения в России, отмечает негативное значение эмансипации советской женщины в 1920-х гг. с точки зрения увеличения тяжести ее положения из-за ослабления эмоциональной связи семьи и ложившиеся в связи с этим на плечи женщины дополнительные нагрузки⁶³.

Изучение феминистического движения в России и за ее пределами в постсоветский период связано с попыткой практического решения вопросов современной эмансипации российских женщин. Общая оценка, которая характерна для практически всех исследований по данной тематике, указывает на связь нерешенности женского вопроса в 1920-х гг. и современностью, когда возложенные на женское население новые задачи, при отсутствии какой-либо существенной базы для избавления от

// Там же. С. 81-85.; Скорнякова С.С. Феминизм и марксизм: два подхода к решению «женского вопроса» // Феминизм и российская культура: Сб. трудов. Санкт-Петербург, 1995. С. 60-66.; Тишкин Г.А. Женский вопрос в истории России // Там же. С. 138-167.; Чикалова И.Р. И. Арманд и А. Коллонтай: феминизм, коммунизм и женский вопрос в послереволюционной России // Женщины в Истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Вып. 2. Минск, 2002. С. 241-250.; Ельникова Г.А. Духовные и социокультурные основания Российского феминизма: автореф. дис. ... док. социолог. наук. Белгород, 2004. 41 с.; [и др.].

⁶² Ладькина Т.А. Утопия феминистского Города-солнца (взгляд феминизма на идеально устроенное общество) // Философский век. Альманах. Вып. 12. Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. Санкт-Петербург, 2000. С. 217-226.

⁶³ Пушкарева Н.Л. Феминизм в России // Адам и Ева. Альманах гендерной ситории. № 5. Москва, 2003. С. 167-188.

выполнения хозяйственно-бытовых функций, привели к феномену «двойной нагрузки».

Комплексное исследование пропагандистского обеспечения решения «женского вопроса», включающего в себя неременную необходимость трансформации быта, на основе агитации через журналы «Крестьянка» и «Работница» предпринимает О.Д. Минаева⁶⁴. Анализируя методы социального проектирования положения женщины в строящемся обществе, автор строит свое исследование на основе изучения методов пропаганды, отраженными в периодике 1920-1930-х гг. Образ «новой женщины» в пропагандистских изданиях исследовали и историки К.Р. Амбарцумян и Т.А. Булыгина⁶⁵, делая вывод об отсутствии сложившегося гендерного образа «новой женщины» в работах советских идеологов в 1920-е гг.

В постсоветской российской историографии общих вопросов эмансипации женского населения в 1920-1930-е гг., особое внимание уделяется гендерным исследованиям, получившим самое широкое распространение в 1990-2010-е гг. Период 1920-1930-х гг. по причине значимых изменений гендерных ролей не остается без внимания и исследователей в данной области. Важной оценкой ряда исследователей является изменение значения государства, взявшего на себя патерналистскую роль в советском обществе в 1920-е гг.⁶⁶. Роль государства в создании гендерного порядка и цели, которые государство в этом преследовало,

⁶⁴ Минаева О.Д. Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920-1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ. Москва, 2015. 232 с.

⁶⁵ Амбарцумян К.Р., Булыгина Т.А. Образ советской женщины в текстах представителей большевистской власти и пропагандистских материалах 1920-х гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. С. 14-23.

⁶⁶ Пушкарева Н.Л. Феминизм в России... С. 167-188.; Чикалова И.Р. И. Арманд и А. Коллонтай: феминизм, коммунизм и женский вопрос в послереволюционной России // Женщины в Истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Вып. 2. Минск, 2002. С. 241-250.

находит отражение в работе А.А. Темкиной и Е.А. Здравомысловой⁶⁷, авторы предприняли попытку рассмотреть основные принципы гендерной политики советской власти в изучаемый период. Значимость данной работы заключается в том, что исследователи, выделяя особенности гендерной политики советской власти в 1920 и в 1930-е гг., рассматривают смену социальной роли женщины через заключение государства контракта с ней, выделяя в этом процессе влияние смены типа жилища и коммунального быта как значимого элемента контроля за жизнью общества.

Несмотря на целую плеяду работ по гендерной истории, ставящих перед собой задачи по рассмотрению процесса «вписывания» «ценностей нового культурного порядка в традиционный дискурс описания женственности и мужественности»⁶⁸, анализу реальной практики «социальных трансформаций, обуславливающих изменение места и престижа женщины в обществе, государстве, семье»⁶⁹, изменению женского образа⁷⁰, общее качество данных работ оставляет желать лучшего – исследователи не смогли справиться с заявленными задачами, вопросы изменения социальных ролей советской женщины, трансформации гендерных ролей не находят какого-либо значимого решения в вышеуказанных исследованиях, несмотря на то, что исследователями выявлена актуальность изучения этих вопросов.

⁶⁷ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Советский этатрагический гендерный порядок // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. Москва, 2003. С. 436-463.

⁶⁸ Градскова Ю.В. Конструирование гендерных различий в контексте советского культурного эксперимента 1920-х годов // Женщины в Истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Вып. 2. Минск, 2002. С. 252.

⁶⁹ Квон Ки Сук. Социально-философский анализ проблемы равенства полов и положения женщины в семье и в обществе (на примере России): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2002. 27 с.

⁷⁰ Карпова Г.Г., Ярская-Смирнова Е.Р. Гендерная идеология и социальная политика в официальном дискурсе международного женского дня 1920-2001 годы // Женщины в Истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Вып. 2. Минск, 2002. С. 261-289.

Подводя итог по разработке общих вопросов эмансипации женского населения в 1920-1930-х гг. в российской постсоветской историографии, можно сделать следующие выводы. Во-первых, исследователи игнорируют в своих работах 1930-е гг., ограничиваясь общими оценками, характерными еще для советского этапа исследований, заключающихся в констатации идеи «решённости женского вопроса» в самом начале 1930-х гг.

Во-вторых, несмотря на значимый рост количества исследований процесса женской эмансипации в 1920-1930-е гг., выявление новых тематических областей, методологии, о существенном приросте знания говорить не приходится – большое количество схожих по тематике и рассматриваемым проблемам работ, ставящих перед собой задачи по решению тех или иных аспектов изучаемой проблемы, но в итоге не справляющихся с поставленными задачами. Отсутствие обобщающих исследований, которые смогли бы резюмировать исследовательский опыт, затрудняет продвижение в исследовании данной тематики.

В-третьих, отсутствуют работы по изучению влияния коммунального быта на решение вопроса эмансипации женского населения в 1920-е гг., несмотря на высокую степень значимости этого вопроса в практике 1920-х и 1930-х гг. Данной теме не посвящено ни одного специального исследования, затрагивая же этот вопрос в рамках рассмотрения иных проблем, авторы ограничиваются общими оценками, заключающимися в том, что стремление власти превратить домашнее хозяйство в отрасль общественного производства и тем самым раскрепостить женщин для труда, не получило должного воплощения из-за материальной неподготовленности молодого советского государств.

Кроме особого внимания к общим вопросам эмансипации советской женщины в 1920-1930-е гг. в российской историографии, данная проблематика затрагивалась и иностранными исследователями. Первые

работы зарубежных авторов, обративших свое внимание к вопросу раскрепощения женского населения в 1920-1930-е гг. в Советском государстве, характеризуются попыткой комплексного исследования российского опыта эмансипации женского населения⁷¹ и, как правило, затрагивают опыт 1920-1930-х гг. только частично, как часть общего, начального периода дальнейшего изменения положения женщины в советском обществе. Данные работы освещают процесс женской эмансипации, начиная от первых феминистских движений в царской России и заканчивая положением советских женщин в 1960-е гг., обращаясь к различным сферам жизни советской женщины (женщина во власти, женщина в свободное время и др.).

Отличаясь комплексностью рассмотрения вопросов, связанных с положением советской женщины, следует отметить поверхностный характер их оценок: во многих чертах работы зарубежных авторов повторяют установившиеся в советской историографии концепции, но с некоторой спецификой восприятия, так, например, по-иному воспринимается разрешение и запрет на аборт – в зарубежной литературе 1960-1980-х гг. право на аборт фактически уравнивается с символом свободы, что связано с особенностями западных феминистских движений в 1960-1970-е гг. Таким образом, запрет на аборт в СССР в 1936 г., зарубежными авторами воспринимается только как покушение на завоеванные ранее права, без дополнительного анализа ситуации в целом, возможных причин такого решения. Вышеуказанные работы не затрагивают проблему изменения быта, как важного фактора в процессе раскрепощения советской женщины.

⁷¹ Mandel W.M. Soviet women. N.Y., 1975. 349 p.; Buckley M. Women and ideology in the Soviet Union. Michigan, 1989. 266 p.

В этот же период выходит работа Ксении Гасиоровской⁷², которая сделала попытку исследования положения советской женщины в 1917-1964 гг. через образы советской литературы. Анализируя образы советской женщины в литературе 1920-1930-х гг., автор выявляет тотальную сегрегацию советского общества, выделяя социальное неравенство разных социальных групп (крестьянских женщин, пролетарок, интеллигенции), различных социальных ролей, разделение общества на героев и антигероев. Автору удается выделить и те повседневные практики, модели поведения советской женщины, которые пропагандировала советская литература, а значит которые являлись значимыми для советского общества в определенный этап времени.

Среди работ зарубежных исследователей, написанных в 1970-е гг., особенно выделяется исследование женского освободительного движения в России в 1860-1930-е гг. Ричарда Стайтса⁷³. Автор задается целью комплексного анализа истоков и процесса раскрепощения советской женщины в рамках особенностей марксистского феминизма и его взглядов на данный процесс. Таким образом, процесс эмансипации советской женщины рассматривается исследователем как социальный проект, имеющий специфику идеологических истоков и особенности воплощения. Так по представлению Р. Стайтса, причиной неудачи практического воплощения советского проекта женской эмансипации стала идеологическая нерешенность этого вопроса в трудах идеологов марксизма.

Обращаясь к практикам 1930-х гг., автор впервые указывает на объективные причины кардинального разворота в решении женского вопроса, не принимая за основную причину личную инициативу Сталина.

⁷² Gasiorowska X. *Women in Soviet fiction, 1917-1964*. Madison, 1968. 288 p.

⁷³ Stites R. *The women's liberation movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism 1860-1930*. Princeton, 1978. 464 p.

Р. Стайтс отмечает, что причиной закрытия Женотдела в 1930-м году стала неспособность данного органа далее справляться с грандиозностью тех «широких» задач в отношении изменения социальной роли советской женщины, которая была поставлена перед советским обществом в связи с индустриализацией. При этом, по замечанию Р. Стайтса, процесс работы с женским населением не был прекращен и продолжился и в 1930-е гг. через деятельность женсекторов и делегатских собраний.

Автор отмечает и особенность развития социальной роли женщины в советском обществе 1920-1930-х гг., выражающуюся в том, что, во-первых, требования к изменению социальной роли шли «сверху», и поэтому часто носили символический характер, когда в угоду статистике женщины назначались на руководящие посты и должны были принимать активное участие в политической и общественной жизни, во-вторых, в отличие от сложившейся в историографии концепции, согласно которой решение женского вопроса потеряло свою актуальность в 1930-е гг., Р. Стайтс отмечает важность работы в этот период женсекторов и делегатских собраний. Исследователь также указывает на необходимость изучения изменения проектов социального быта в связи с чрезвычайной важности решения этого вопроса в процессе эмансипации советской женщины.

Труд Р. Стайтса является весьма значимым исследованием среди работ, анализирующих процесс эмансипации женского населения в Советском государстве в 1920-1930-е гг. – детальный анализ представлений идеологов марксизма о положении женщины в коммунистическом обществе в совокупности с изучением реальных практик уже советской эпохи, дают возможность по-иному рассмотреть процесс изменения положения женского населения в Советском государстве в 1920-1930-е гг.

С иных позиций рассматривает проблему женской эмансипации в Советском союзе Венди Голдман⁷⁴, в центре исследовательского внимания которой находится изменение советского семейного права, трансформация которого в 1920-1930-е гг. была неизменно связана с государственной политикой в Советском государстве по отношению к семье, сексуальной жизни, положению женщины в советском обществе.

Автор, изучая советское семейное право, рассматривает трансформацию теоретических представлений большевиков о семье, практический процесс становления социалистической семьи, который, растянувшись на 1920-1930-е гг., к середине 1930-х гг. выразился в формировании новой социалистической «троицы»: социалистическая семья, закон и государство⁷⁵. Через трансформацию семейной политики в СССР, а, главное, через изменение семейного права, В. Голдман рассматривает и изменение положения женщины, уделяя внимание и идеям по обобществлению быта, рассматривающимся в 1920-х гг. неотделимо от вопросов построения социалистической семьи и изменения положения советской женщины.

Таким образом, в работе затрагиваются вопросы: трудового права, относящегося к изменению положения женщины как труженицы, семейного права, связанного со вступлением в брак, разводом, выплатой алиментов, ювенальное право (беспризорность), права на аборт, проституция и другие социальные явления, имевшие непосредственное влияние на становление советского семейного права. В свою очередь решение всех вышеперечисленных вопросов имело непосредственное влияние на изменение положения советской женщины в новом государстве.

⁷⁴ Goldman W. Z. Women, the State and revolution: Soviet family policy and social life, 1917-1936. Cambridge University Press, 1993. 351 p.

⁷⁵ Ibid. P. 338.

Действительно значимым же препятствием для реализации тех правовых основ, которые были заложены в отношении изменения правового положения женщины в послереволюционный период, автор отмечает неспособность организации той разветвленной сети бытового обслуживания населения, которое должно было стать материальной основой для социального изменения положения женского населения.

Вопрос эмансипации советской женщины в 1920-1930-е гг. рассматривается и в исследовании Д. Коэнкера,⁷⁶ которое выделяется среди прочих тем, что основано на анализе журналов, заводских газет, на базе которых автор пытается проникнуть в глубину производственных отношений с точки зрения взаимоотношения мужчин и женщин на производстве, выраженного в остром противоборстве полов в котором женщины, несмотря на государственную поддержку по вовлечению в производство, сталкиваются с ярким отторжением их со стороны мужчин-рабочих.

Все вышеперечисленные работы зарубежных авторов вносят значимый вклад в понимании процессов эмансипации женского населения в 1920-1930-е гг., при этом важно заметить, что анализируя социальное положение советской женщины, в зарубежной историографии отмечается особое влияние проблемы изменения коммунального быта как основополагающей для общего процесса изменения роли женского населения в строящемся советском государстве. Тем не менее, как и в российской историографии, зарубежными авторами не проводится комплексного исследования данного вопроса в связи с тем, что предмет их изучения только косвенно затрагивает вышеуказанную проблему.

⁷⁶ Koenker D.P. Men against Women on the Shop Floor in Early Soviet Russia: Gender and Class in the Socialist Workplace // *The American Historical Review*. Vol. 100, No. 5 (Dec., 1995). Oxford. P. 1438-1464.

Несмотря на многочисленность работ, рассматривающих 1920-1930-е гг. в рамках гендерной истории, социальной истории, истории повседневности, истории быта, истории архитектуры, из исследовательского интереса выпадает комплексный анализ жилищно-бытовой реорганизации, несмотря на ту важность, которую имела их реализация в условиях построения социалистического общества. Вопросы трансформации бытовой организации в советском обществе, которая должна была стать основой для раскрепощения женщины, не получила должного освещения ни в исследованиях по женской истории, ни в исследованиях архитектуры 1920-1930-х гг., ни в истории повседневности. Также следует отметить отсутствие исследований бытовой повседневности рабочих, несмотря на то, что главной целью Советского государства было обеспечить достойными условиями жизни в первую очередь рабочий класс. Примечательно и то, что, невзирая на повышенный исследовательский интерес к региональным исследованиям повседневного быта, не было проведено ни одного обзора бытовой повседневности рабочего класса Москвы и Ленинграда.

Объект исследования – быт рабочих Москвы и Ленинграда в 1917-1930-е гг.

Предмет исследования – идеологическое проектирование и практика реализации проекта преобразования коммунального быта в 1917-1930-х гг.

Хронологические рамки исследования: 1917-1941 гг. Этот период, в свою очередь, распадается на несколько самостоятельных этапов, связанных с изменением экономическо-хозяйственных задач и, соответственно, взглядов на роль трансформации рабочего быта в связи с необходимостью достижения поставленных властью целей.

Нижняя граница – 1917 г. – определяется изменением жилищно-бытовой политики после Октябрьской революции. Верхняя граница – 1941 г.

– связана с началом Великой Отечественной войны и приостановкой реализации политики жилищно-бытовой трансформации на тех основаниях, которые были свойственны предыдущему периоду.

Географические рамки исследования. Исследование проводится по архивным материалам Москвы и Петрограда (Ленинграда). Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, в историографии рассмотрены вопросы бытовой организации в разных регионах, но не затронуто положение рабочего быта в главных индустриальных центрах страны – Москве и Ленинграде.

Во-вторых, именно организация быта в Москве и Ленинграде должна была стать образцовой для дальнейшей реализации в других районах страны. Население Москвы и Ленинграда составляло примерно 15% от населения СССР (по переписи населения 1926 г.: 1614008 жителей Ленинграда⁷⁷ и 20259947 жителей Москвы⁷⁸ при общем населении СССР 146989460 человек⁷⁹), но именно быт жителей этих городов представляет особый интерес с точки зрения реализации идеологического проекта по преобразованию коммунального быта в Советском государстве.

В исследовании рассматривается жилищно-бытовая организация и бытовые проблемы рабочего класса Москвы и Ленинграда. И, в соответствии с тем, что организация быта в советском обществе в 1917-1930-е гг. реализовывалась преимущественно женским населением, то, в первую очередь, в исследовании затрагивается организация коммунального быта при участии рабочего женского населения Москвы и Ленинграда.

⁷⁷ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : краткие сводки. М, 1927-1929. Вып. 3. С. 62.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : краткие сводки... С. 48.

Цель исследования – изучить условия реализации советского проекта трансформации коммунального быта рабочих в 1917-1941-е гг.

Достижение поставленной цели предполагало решение следующих **задач**:

- проанализировать идеи коллективизации быта в работах социалистов-утопистов, идеологов марксизма и деятелей РСДРП(б), их развитие в законотворческой деятельности в Советском государстве;
- рассмотреть государственную политику жилищно-бытовой организации и архитектурные проекты в 1917-1941 гг.
- проследить пропагандистские тенденции в вопросах бытовой реорганизации в ведущих массовых публицистических изданиях;
- изучить бытовую повседневность советских рабочих в 1917-1941 гг. на примере Москвы и Ленинграда.

Источники. Для решения поставленных задач в основу исследования положен широкий круг источников, на основе которых рассматривался процесс проектирования и реализации проекта бытовой организации в Советском обществе в 1917-1941 гг.

Для реализации поставленных исследовательских задач были привлечены опубликованные источники.

Законодательные акты – постановления и декреты ЦК ВКП(б), ЦИК СССР, СНК, НКВД РСФСР – регламентирующие нормы жилищно-бытового строительства, государственную жилищно-бытовую политику, систему жилищного распределения, а также определявшие основные направления развития жилищно-бытового устройства.

Стенограммы и протоколы, резолюции пленумов, съездов позволяют рассмотреть условия принятия правительственных решений.

Труды идеологов марксизма-ленинизма (К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина) и утопистов-социалистов (Р. Оуэна, Ш. Фурье, А. Сен-Симона) являются важным источником для данного исследования, так как имели особое влияние, как на творческие поиски архитекторов-проектировщиков, проектировавших жилищно-бытовые комплексы, так и на законодателей, разрабатывавших проекты жилищно-бытовой организации. Именно на теоретической базе утопистов-социалистов и идеологов марксизма была выстроена идеологическая концепция бытовой реорганизации в социалистическом обществе, которая была взята за основу в Советском государстве после Октябрьской революции.

Работы общественных и партийных деятелей эпохи (Н.К. Крупской, А.М. Коллонтай, А. Луначарского и др.) дают представление о формировании и трансформации идей бытового и жилищного устройства в советском государстве.

Материалы периодической печати, используемые в данном исследовании, делятся на две группы: издания, предназначенные для широкой женской публики – журналы «Работница», «Женский журнал»; иллюстрированный журнал «Огонек»; узкоспециализированные строительно-архитектурные издания, такие как журналы «Строительство Москвы», «Архитектура СССР», «Современная архитектура», «Архитектура за рубежом».

О проблеме трудностей реализации и восприятия проекта по бытовой трансформации свидетельствуют источники личного происхождения – частные письма партийных деятелей, затрагивающие вопросы жилищно-бытового положения, письма женщин-работниц в периодические издания, отражающие жилищно-бытовые трудности населения.

В ходе исследования были изучены и введены в научный оборот документы 6 фондов Центрального государственного архива города Москвы (ЦГАМ), 6 фондов Центрального Государственного Архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и фонд Центрального Государственного Исторического Архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), 4 фонда Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

Особое значение для анализа фактического состояния жилищно-бытовой организации рабочих Москвы имели директивные (решения и приказы), организационные (протоколы заседаний), информационные (докладные записки), учетно-отчетные (отчеты, статистические отчеты), персонифицированные (карточки работников) материалы Даниловской прядильно-ткацкой и красильно-набивной фабрики (быв. Товарищество Даниловской мануфактуры) Моссовпархода, Московского Городского Совета Профсоюзов, Сокольнического Районного отдела Коммунального Хозяйства, Московского городского комитета профсоюза работников кооперации и государственной торговли города Москвы (1931-1934), Московского городского комитета профессионального союза рабочих городских предприятий и домашних работниц, сохранившихся в фондах Центрального государственного архива города Москвы (ЦГАМ).

Жилищно-бытовые условия рабочих и организация жилищно-коммунального строительства в Ленинграде (Петрограде) были изучены на основе директивных (постановления), организационных (протоколы заседаний), коммуникативных (переписка), учетно-отчетных (отчеты) документов материалов Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Охтинского района г. Петрограда, Смольнинского районного совета народных депутатов Санкт-Петербурга, Ленинградского губернского отдела рабоче-крестьянской инспекции (ЛЕНИНГРАДРАБКРИН) народного комиссариата рабоче-

крестьянской инспекции РСФСР, 1-го Городского районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Петрограда и его исполнительного комитета, 2-го Городского районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Петрограда, Петергофского районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Петрограда и его исполнительного комитета, Петергофского районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Петрограда и его исполнительного комитета Центрального Государственного Архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Материалы комиссий по улучшению быта рабочих, жалобы граждан в комиссию по улучшению быта, обследование рабочего строительства – все эти материалы дают возможность оценить состояние жилищно-бытового устройство рабочих Ленинграда, оценить возникающие конфликты и проблемы бытового характера, возникавшие между гражданами и тем самым влиявшие на бытовую повседневность рабочих эпохи.

Особый интерес представляют учетно-отчетные документы (отчеты обследований рабочих столовых) врача-гигиениста Покровской Марии Ивановны, в которых представлены отчеты обследования рабочих столовых Петрограда в 1921 году, хранящиеся в Центральном Государственном Историческом Архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

Организация жилищно-коммунального строительства в Москве и Ленинграде, планирование строительства по РСФСР были изучены на основе директивных (постановления), организационных (протоколы заседаний), коммуникативных (переписка), учетно-отчетных (отчеты) документов: материалов Постановления СНК РСФСР, относящиеся к деятельности ГУКХ при СНК РСФСР; тезисов докладов Управлений Наркомхоза РСФСР по вопросам жилищно-коммунального хозяйства; проектам постановлений СНК СССР и СНК РСФСР о ходе жилищно-коммунального строительства;

отчетам об улучшении быта милиции, научных работников, об условиях по формированию квартплаты съемщиков, задолженностей по квартплате; Генеральным планам по благоустройству городов, жилищному хозяйству РСФСР; контрольным цифрам по дошкольному воспитанию и др., хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации.

Теория и методология исследования.

Анализируя развитие социальной истории на рубеже XX-XXI вв., историк Л.П. Репина вводит понятие «другой социальной истории», которая рождается в результате конфликта микроистории, конструируемой на основе субъективного опыта и деятельности «маленького человека», и макроистории. Этот конфликт, обозначившийся еще в 1980-х годах, выявил недостаточность объяснения представлений и ценностей человека, и обозначил необходимость понимания социальных процессов, социальной среды, которая является базой для действия и восприятия человека⁸⁰. Таким образом, возникает необходимость познания «человека в неискоренимом дуализме его социальности»⁸¹, когда историческое общество воспринимается как динамичная социальная структура, в которой сложившаяся общественная модель «задает условия жизни и модели поведения действующему субъекту истории и изменяется в процессе его жизнедеятельности»⁸².

Исходя из данной концепции, человек в истории выступает одновременно и как объект воздействия социальной среды (государственной политики, существующей социально-экономической, политической ситуации) и как главный участник, «актор» («деятель») исторического и социального процесса: «индивиды не только естественно сопротивляются властям, которые обучают их правилам, ролям, ценностям, символам и

⁸⁰ Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 2009. С. 306-307.

⁸¹ Там же. С. 314.

⁸² Там же. С. 307.

интерпретивным схемам, они имеют тенденцию обучаться не тому, чему их учат, поскольку индивиды интерпретируют и преобразуют то, чему их научили, в соответствии со своими собственными нуждами и желаниями, а также с принуждением обстоятельств»⁸³. В этом взаимодействии формируется та социальная среда, которая и определяет условия существования индивида, социальной группы, общества в целом.

Особое значение изучения человека во взаимодействии с внешней средой (государством) приобретает в условиях, когда человек находится в условиях интенсивного воздействия на него тех социальных и идеологических условий, которые конструируются властью. И еще большее влияние государства приобретает в ситуации конструирования новой системы ценностей, когда после Октябрьской революции под воздействием коммунистической идеологии ставится задача не просто оказать влияние на действия граждан и общества в целом, а создать «нового советского человека» с иным мировоззрением, мировосприятием, культурой.

В этих условиях «маленький человек» непременно оказывается под максимальным воздействием многоликой внешней среды: непосредственно реализуемой политикой государства, пропагандируемой идеологией идеализированной действительности и непосредственно той фактической среды, в которой человек пребывает, которая может существенно отличаться от того идеала, который навязывается «сверху». Таким образом, «исследование механизма трансформации потенциальных причин-условий в «актуальные» мотивы человеческой деятельности, предполагает комплексный анализ обеих ее сторон, а, следовательно, обращение как к макроисторическому анализу, который выявляет влияние общества на поведение действующих лиц и групп, так и микроистории, которая позволяет

⁸³ Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. С. 314.

исследовать способ включения индивидуальной деятельности в коллективную, фиксируя индивидуальное в социальном и социальное в индивидуальном на уровне конкретной исторической практики»⁸⁴.

Исходя из данной теоретической концепции, в исследовании использованы следующие методы.

Историко-генетический метод позволяет рассматривать генезис концепции жилищно-бытовой реорганизации. Для понимания действий советской власти в вопросах бытовой организации, важно рассматривать ту теоретическую базу, на которой формировались практические действия правительства. Именно поэтому в исследовании проводится анализ идейных оснований для выработки практической концепции переустройства коммунального быта в Советском государстве и ее дальнейшей трансформации, исходя из тех общественно-политических, социальных, экономических вызовов, с которыми непосредственно сталкивалось государство.

Системный метод позволяет рассматривать условия формирования и развития коммунального быта в Советском государстве в 1917-1930-е гг. через взаимодействие нескольких важнейших составляющих: идеологической и пропагандистской, политико-экономической и социальной, практической, выражающейся в реальных условиях жизнедеятельности рабочего класса и субъективно-индивидуалистической, определяющей личные предпочтения и реакции населения, сталкивающегося с предложенными условиями. Системный метод предполагает оценку взаимосвязи каждого из вышеуказанных элементов, учитывая важность их непосредственного взаимодействия.

⁸⁴ Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. С. 315.

При работе с периодическими изданиями использовался метод контент-анализа для выявления основных направлений государственной пропагандистской политики в формировании представлений о наиболее важных формах бытовой реорганизации на социалистических началах.

Научная новизна исследования:

1) В ходе исследования впервые был проведен комплексный анализ теоретических оснований идеи обобществления быта. На базе работ утопистов-социалистов (Ш. Фурье, Р. Оуэна, А. Сен-Симона), теоретиков марксизма (К. Маркса, Ф. Энгельса), деятелей РСДРП(б) (В.И. Ленина, Н.К. Крупской и др.) были рассмотрены истоки формирования и развития концепции бытовой коллективизации и условия ее заимствования советской властью после Октябрьской революции.

2) Были исследованы условия разработки советской концепции бытовой реорганизации, правового регулирования распределения жилого фонда и иных государственных мер, направленных на решение вопроса жилищно-бытовой организации.

3) На основе контент-анализа периодической печати, освещавшей проблему бытовой реорганизации, и осуществлявшей пропаганду основных идей обобществления быта, была выявлена степень редакционного внимания к данной тематике на фоне решения иных актуальных для Советского государства проблем.

4) Впервые в историографии было предпринято изучение жилищно-бытовой организации рабочего населения Москвы и Ленинграда в сравнении с проводимой пропагандой в вопросе коллективизации быта. Было проведено сопоставление пропагандируемого, реализуемого и воспринимаемого непосредственно населением, участвовавшим в процессе коллективизации быта как в качестве исполнителя (вовлеченность в деятельность Женотделов

и иных общественных организаций в непосредственной работе над реализацией проектов по самостоятельному устройству детских садов, столовых), так и потребителя.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы в лекционных и семинарских курсах по истории России, социальной истории, истории повседневности.

Апробация исследования. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на кафедре истории и теории исторической науки исторического факультета Историко-архивного института РГГУ, на международных научных конференциях, опубликованы в рецензируемых изданиях в виде 5 публикаций, в том числе и в рекомендованных Перечнем ВАК (3 публикации).

Основные положения, выносимые на защиту

1) Организация жилища и быта имела особое значение в коммунистической идеологии. В теоретических работах социалистов-утопистов, теоретиков марксизма отмечается первостепенное значение изменения условий среды в процессе формирования нового социалистического сознания. Признавая первостепенную важность трансформации жилищно-бытовой организации, после Октябрьской революции руководство Советского государства принимается за реализацию данного проекта, но, не имея достаточных ресурсов для его воплощения, ограничивается архитектурным проектированием, реализацией немногочисленных проектов строительства домов-коммун, столовых.

2) Советское государство, реализуя проект ликвидации частной собственности, после Октябрьской революции приступило к перераспределению жилого фонда. Несмотря на декларацию идеи уравнильно-классового принципа распределения жилья, на практике

дифференциация была иного рода. Если в 1917-1921-х гг. приоритет в улучшении жилищных условий отдавался партийной элите, в 1921-1928-е гг. учитывалась финансовая состоятельность жильцов (возможность жильцов содержать и ремонтировать помещения), то в 1928-1930-е гг. жилищное распределение становится средством поощрения трудового энтузиазма.

3) Не имея материальной возможности для немедленной реализации проекта жилищно-бытовой организации на коллективных началах, советское государство в начале 1920-х гг. пытается привлечь женское население для самостоятельного решения вопроса коллективизации быта. Несмотря на идеологическую важность, пропаганда коллективизации быта не нашла широкой поддержки среди населения. Население не достаточно активно реагировало на призывы перейти к коллективизации быта. Женское население в незначительной степени участвовало в предложенных для самостоятельной реализации проектах создания столовых, прачечных, дошкольных заведений. Не пользовались широкой популярностью немногочисленные столовые и прачечные, строившиеся государством.

4) Изначальная утопичность проекта коллективизации быта, предложенная утопистами-социалистами и теоретиками марксизма, непроработанность практических сторон его реализации, стала основой для невозможности его полноценного воплощения в Советском государстве в первые десятилетия его существования. За короткий период не удалось радикально изменить форму жилищно-бытового устройства, перестроить города на фоне увеличения городского населения.

5) На первых этапах своего существования Советское государство не могло отказаться от идеи бытовой коллективизации из-за идеологической значимости данной концепции, и поэтому в той мере, в которой это было возможно, стремилось к его реализации. Но, столкнувшись в т.ч. с непониманием идеи бытовой реорганизации населением, к началу 1930-х гг.

государство отказалось от самых радикальных форм жилищно-бытовой организации. В начале 1930-х гг. жилищное строительство и создание объектов коммунально-бытового обслуживания (столовые, прачечные, дошкольные учреждения) полностью переходит под централизованный контроль государства. Централизованное проектирование давало возможность минимизировать расходы на строительство и максимально использовать имеющиеся ресурсы, избегая проявления халатности «на местах». Государство принимает проект строительства индивидуального типа квартир с поквартальной системой коммунально-бытового обслуживания, что соответствовало интересам рабочего населения, выбравших данную форму расселения как наиболее предпочтительную на этапе кооперативного строительства в эпоху НЭПа.

б) Недостаточная материальная база для реализации проекта жилищно-бытового строительства на фоне стремительного увеличения населения Москвы и Ленинграда, несмотря на начало централизованного жилищного строительства, приводит к продолжению покомнатного расселения в квартирах. Продолжается и строительство рабочих общежитий, в которых коллективное расселение рассматривается лишь как временное явление. Большая часть неквалифицированных рабочих вынужденно расселяется в рабочих общежитиях и бараках, условия жизни в которых по-прежнему сохраняются в крайне неблагоприятной форме.

Таким образом, выявляется несоответствие пропагандируемых принципов и существующей действительности, когда население вынуждено выживать в стесненных условиях, часто не соответствующих минимальным санитарно-гигиеническим нормам. На фоне скученности проживания увеличивается число бытовых конфликтов, которые еще больше отдаляют рабочее население от коммунистического идеала формирования «нового человека».

7) Несмотря на нереализованность идеи обобществления быта, в 1920-1930-е гг. были успешно реализованы важные его элементы, которые получают дальнейшее развитие в Советском государстве на будущих этапах его существования: система дошкольного воспитания детей, организация общественного питания – эти формы бытовой организации, получившие наибольшую поддержку среди населения, станут базой для дальнейшего развития социально-бытового обслуживания населения. Уже в 1930-х гг. создается система централизованного общественного питания за счет строительства фабрик-кухонь, которые обеспечивают обедами рабочих фабрик и заводов Москвы и Ленинграда. В этот же период создается централизованная система дошкольного воспитания детей.

Структура диссертационного исследования соответствует цели и задачам исследования, состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

ГЛАВА 1. ПРОЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КОММУНАЛЬНОГО БЫТА НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЧАЛАХ

1.1. Идеиные истоки представлений о трансформации коммунального быта в социалистическом обществе в трудах социалистов-утопистов

Вопрос изменения коммунального быта в новом Советском обществе являлся основополагающим для реализации программы трансформации Нового советского социума, установления социалистической системы общественных отношений. После Октябрьской революции Советская власть понимала всю важность и ответственность в вопросе изменения коммунального быта населения и во многом ориентировалась на те идеологические установки, которые были предложены еще до революции в трудах социалистов-утопистов и получили развитие в теоретических работах идеологов коммунизма и деятелей РСДРП(б).

Базой для формирования проектов бытовой организации на социалистических началах стали идеи социалистов-утопистов А. Сен-Симона, Р. Оуэна и Ш. Фурье. Именно в их работах были заложены основы представлений о будущем устройстве коммунального быта на социалистических началах, определены основные направления бытовой реорганизации. Следует отметить, что бытовые проекты социалистов-утопистов были полностью основаны на идеях общественной трансформации. Быт, определявшийся как первооснова социальной организации, должен был служить в качестве точки опоры для становления нового общества, основанного на социалистических принципах, преобразование социальной среды должно было стать базой для общественного устройства.

В трудах А. Сен-Симона, в отличие от работ Р. Оуэна и Ш. Фурье, насыщенных описанием бытового устройства будущего социума, не приведено никаких точных форм будущей бытовой организации, но высказана идея, ставшая основой для осмысления важности реорганизации бытового устройства на пути к социальной трансформации. А. Сен-Симон полагал, что условия воспитания и среды, определяющие поведение индивида, вопреки его разуму и опыту⁸⁵, являются необходимым критерием для развития моральных и физических качеств человека, необходимых в новом обществе. Фактически эта мысль становится ключевой для дальнейшего переосмысления значения бытового устройства на пути реорганизации общества на социалистических началах. Идея о первооснове среды, определяющей пути развития как отдельного человека, так и общества в целом, становится магистральной в переосмыслении форм и значимости жилищно-бытового устройства общества.

Другой ключевой идеей, являющейся основой представлений социалистов-утопистов на форму будущей бытовой реорганизации, выступает идея эмансипации женщины и, как следствие, трансформации ее роли в обеспечении быта. В будущем социуме положение женщины должно было существенно измениться: трансформации подвергалась роль женщины-матери, женщины-супруги, женщины-труженицы, хозяйки. Раскрепощение женщины и изменение ее социальных ролей рассматривалась исключительно в связи с изменением самой организации жилищно-бытового устройства – подлинная эмансипация становилась возможной только через обобществление тех функций женщины, которые она традиционно выполняла в быту и семье.

⁸⁵ Сен-Симон А. Взгляд на собственность и законодательство // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. Москва : Ленинград, 1948. С. 350-351.

Социалисты-утописты С. Сен-Симон, Р. Оуэн, Ш. Фурье единодушно положительно отзывались о возможности женского участия в политической жизни⁸⁶. Ш. Фурье, и Р. Оуэн также настаивали на важности женского труда в структуре производства будущего, предлагая модель организации производственных отношений, в соответствии с которой женщины должны будут принять равное с мужчинами участие в трудовой деятельности.

В представлениях Ш. Фурье, промышленные армии будущего должны были на половину состоять из женщин⁸⁷, которые смогут даже превзойти мужчин «самоотвержением в промышленном труде, честностью и благородством»⁸⁸. Более консервативных взглядов придерживался Р. Оуэн, ограничивая трудовое участие женского населения в тех отраслях производства, которые традиционно были характерны именно для женщин: уход за младенцами, приведение в порядок жилищ, обработка огородов, шитье одежды, наблюдение за кухней⁸⁹. Таким образом, в представлении Р. Оуэна, при новой организации общественной жизни женщина должна была в трудовой деятельности занять нишу в сфере воспитания и образования, бытового обеспечения, легкой промышленности, что не выходило за рамки уже сложившейся ранее системы разделения труда, за исключением того условия, что эти отрасли должны были выйти на уровень общественного производства.

⁸⁶ Сен-Симон А. Письма женевого обитателя к современникам // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. Москва ; Ленинград, 1948. С. 138.; Оуэн Р. Революция в сознании и деятельности человеческого рода, или грядущий переход от неразумия к разумности // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва ; Ленинград, 1950. С. 228.; Фурье Ш. Описание различных ветвей частных или домашних судеб // Избранные сочинения: в 3 т. Т. 1. Москва, 1938. С. 158-159.

⁸⁷ Фурье Ш. Описание различных ветвей частных или домашних судеб... С. 186.

⁸⁸ Там же. С. 158.

⁸⁹ Оуэн Р. Доклад, представленный Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. Москва ; Ленинград, 1950. С. 103.

Вовлечение женского населения в политическую, трудовую деятельность представлялось возможным исключительно в условиях изменения системы бытовой организации, воспитания детей. Важность обобществления воспитания подрастающего поколения рассматривалось социалистами-утопистами не столько с точки зрения необходимости освобождения женщины от этой обязанности, сколько с позиции общественной важности трансформации системы воспитания в новом социалистическом обществе.

Взгляд А. Сен-Симона на значимость воспитания подрастающего поколения при новом социальном строе был полностью поддержан Р. Оуэном и Ш. Фурье. Р. Оуэн подчеркивал необходимость защиты детей от порочных качеств и навыков, передаваемых им от родителей⁹⁰ в условиях семейного воспитания. В конструируемом утопистами сообществе дети могли проживать с родителями только до 3-х летнего возраста, после которого должны были быть изолированы от семьи и ее прямого воздействия⁹¹. Изменение социальной роли женщины как матери в условиях обобществления воспитания ограничивала ее воспитательные, социализирующие функции, оставляя за ней только деторождение и грудное вскармливание⁹².

Другим важным условием в преобразовании общества должно было стать изменение системы семейных отношений, что было связано, во-первых, с обобществлением воспитания и быта, а, во-вторых, с экономическими и

⁹⁰ Оуэн Р. Доклад, представленный Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих... С. 78.

⁹¹ Оуэн Р. Дальнейшее развитие плана, содержащегося в докладе Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. Москва ; Ленинград, 1950. С. 101.

⁹² Фурье Ш. Подтверждение, основанное на несостоятельности неточных наук во всех вопросах механизма цивилизации // Избранные сочинения: в 3 т. Т. 1. Москва, 1938. С. 293.

этическими преобразованиями в строящемся обществе. Взгляды на семейное устройство социалистов-утопистов в значительной степени различались, но имели единство в убежденности необходимости построения отношений между мужчиной и женщиной на взаимном, добровольном союзе без какого-либо влияния материальных факторов на его организацию, а также в относительной свободе сексуальных отношений.

Р. Оуэн рассматривал понятие «семья» в двух смысловых значениях. Рассуждая об идеальном социальном устройстве, утопист указывал на будущую общественную организацию с точки зрения объединения «братских семей». «Семья» в данной трактовке расценивалась как научно обоснованный общественный союз⁹³ численностью от 400 до 2000 человек⁹⁴, основанный на совместном труде, воспитании подрастающего поколения, общем быте. Данный коллектив мужчин, женщин и детей должен был выполнять традиционные функции семьи. Р. Оуэн уделяет мало внимания институту «семьи» в значении союза между мужчиной и женщиной. В понимании социалиста-утописта, «большая, братская семья», станет прототипом всех иных семейных организаций⁹⁵, а «люди обоих полов» не будут разочаровываться в чувствах, так как «будут разумно и естественно пользоваться правами своей природы»⁹⁶.

Значительно больше внимания проблемам трансформации семейных отношений в будущем общественном устройстве уделял Ш. Фурье. Соглашаясь с необходимостью устройства союза между мужчиной и женщиной исключительно на принципах взаимного согласия, Ш. Фурье

⁹³ Оуэн Р. Из книги о новом нравственном мире // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва ; Ленинград, 1950. С. 34.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. С. 36.

⁹⁶ Там же. С. 76-77.

настаивал на необходимости сохранения некой модели семейно-брачных отношений в форме так называемой «любовной корпорации»⁹⁷.

Основой для преобразования социальных ролей женщины в новом социалистическом обществе в представлении социалистов-утопистов являлось преобразование условий организации жилища и быта. Так как завоевание человеческого счастья должно обеспечиваться достижением лучшего питания, комфортного жилища⁹⁸, а приобретение всеобщего благополучия, материального достатка, социальной трансформации было невообразимо без изменения системы проживания и организации системы общественного питания. Непременное обобществление воспитания детей и организации бытового обслуживания должно было также высвободить женщину для трудовой и общественной деятельности. Основой же для преобразования социальных отношений в социалистическом обществе должно было стать строительство нового типа жилья, в котором конструируемая социальная организация должна была получить необходимые материальные условия для ее реализации.

Робертом Оуэном был предложен проект поселка на 1200 жителей, в котором присутствовали все те элементы, которые должны были стать основой обобществления хозяйства и быта, воспитания детей – общественная кухня, дошкольные учреждения и школы, библиотека, помещения для отдыха. Обобществление системы питания должна была стать основой для рационального устройства общества, обеспечивая значимую экономию

⁹⁷ Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб // Избранные сочинения: в 3 т. Т. 1. Москва, 1938. С. 113.

⁹⁸ Сен-Симон А. Продолжение брошюры «О Бурбонах и Стюартах» // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва ; Ленинград, 1948. С. 113.

ресурсов, в том числе и трудовых. Расселение предполагалось в небольших квартирах, рассчитанных на родителей и двоих детей до 3-летнего возраста⁹⁹.

Шарль Фурье предлагал организацию общества по фалангам (численностью в 1800 человек), расселяемых в фаланстере¹⁰⁰, имеющем все необходимые условия для обобществления быта. Подобная организация жилища, обобществление быта должно было послужить воспитанию коллективизма, трудовому воспитанию детей, живущих отдельно от взрослых, но в непосредственной от них близости. Все эти преобразования коммунального быта, в свою очередь, должны были в корне изменить социальное положение не только женщины в социалистическом обществе будущего, но и трансформировать общество в целом.

Таким образом, идеи социалистов-утопистов положили начало представлениям о роли условий среды, в т.ч. и бытовых условий, в формировании нового общества, построенного на социалистических началах. Условия бытовой организации, в их представлении, должны были оказывать прямое воздействие на формирование мировоззрения человека, формировать его социальное, коллективное начало – отказ от частной собственности, которая непременно первоочередно проявляется через быт и переход к коллективному хозяйству, проявляющемуся в т.ч. и в коллективизации повседневных практик через преобразование коммунального быта, должны были стать основой для социального трансформации.

Жилищно-бытовая организация в представлении социалистов-утопистов должна была также стать основой для изменения положения женщины – женская эмансипация в условиях социалистических отношений

⁹⁹ Оуэн Р. Дальнейшее развитие плана, содержащегося в докладе Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих... С. 101.

¹⁰⁰ Фурье Ш. Новый промышленный и общественный мир или изобретение метода привлекательной и естественной индустрии организованной по сериям построенным на страстях... С. 124.

должна была быть обеспечена обобществлением быта, воспитания детей, изменения семейных отношений. В новых условиях социального устройства женщина должна была стать полноценным участником общественных, трудовых, политических отношений и это должно было быть обеспечено бытовой реорганизацией на социалистических началах.

1.2. Представления теоретиков марксизма о принципах бытовой организации на социалистических началах

Теоретики марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс неоднозначно относились к идеям социалистов-утопистов. С одной стороны, обвиняя их в утопичности, мистицизме, сектантстве¹⁰¹, с другой стороны, принимая идеи о важности влияния условий среды на формирование социума, а также необходимости женской эмансипации.

Продолжая развитие вопроса об изменении положения женщины в социалистическом обществе, идеологи марксизма и их последователи в общих чертах придерживались идей социалистов-утопистов в отношении тех социальных ролей женщины, которые должны были быть изменены в будущем социальном устройстве. Кардинальное различие заключалось в направленности решения данного вопроса. Если Р. Оуэн и Ш. Фурье в своих социальных проектах связывали необходимость эмансипации женщины с возвращением естественного, эволюционного и даже божественного устройства общества, то в представлении идеологов марксизма раскрепощение женского населения должно было стать основой для уничтожения социальных противоречий, являясь одной из сторон общего социального вопроса¹⁰². Основное внимание было направлено на решение

¹⁰¹ Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте. Т. 1. С. 527-528.

¹⁰² Бебель А. Женщина и социализм. Москва, 2010. С. 39.

проблемы экономического и социального неравенства женщины-пролетарки, несшей бремя двойного гнета: как в связи с зависимостью от мужчины, которое не могло быть устранено только установлением формального правового равенства между полами¹⁰³, так и в связи с экономическим положением работницы, изменение которого было общей и объединяющей для пролетариев обоего пола задачей.

Теоретики марксизма имели свой взгляд на преобразование социальных ролей женщины в будущей общественной организации. А. Бебель указывает на обоснованное право женщины принимать самое активное участие как в общественной, так и в политической жизни, но при условии достижения женским населением равенства с мужчиной в сознательности, которое непременно будет завоевано, когда женское население освободится от экономического и социального гнета¹⁰⁴.

Особое значение в социалистическом обществе, разумеется, должна была приобрести роль «женщины-труженицы». Условие обязательности труда¹⁰⁵, его важность для организации социума на коммунистических началах, требовали непременно включения женского населения в производственные отношения. Женский труд должен был стать не только материальной, производственной необходимостью, но и основой подлинной эмансипации женщины. Так, анализируя распределение трудовых обязанностей у диких и варварских народов, Ф. Энгельс отмечал, что только в тех обществах, в которых женщины обременены чрезмерно тяжелой

¹⁰³ Бебель А. Женщина и социализм. Москва, 2010. С. 39.

¹⁰⁴ Там же. С. 252.

¹⁰⁵ Бебель А. Женщина и социализм... С. 360.; Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 4. Москва, 1955. С. 447.

работой они пользуются подлинным уважением¹⁰⁶. Потеря женщиной свободы, ее закабаление происходит в момент смены материнского права отцовским, в основе этого лежит переход к новой форме производства – скотоводству, полностью находившемуся под контролем мужчин. Таким образом, в представлении Ф. Энгельса, именно фактор обобществления собственности и привлечения женщины к общественному производству является базисом для установления равенства в отношениях между мужчиной и женщиной¹⁰⁷.

Трудовая самостоятельность женщины должна была изменить и само положение семьи. К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Бебель, повторяя идеи, высказанные Р. Оуэном и Ш. Фурье в отношении брачных отношений, осуждали т.н. «буржуазный брак», признавая его «признанной законом формой проституции»¹⁰⁸. В новом обществе основой семейных отношений должен был стать свободный брак, основанный на взаимной любви и уважении¹⁰⁹. Ф. Энгельс замечает, что эта трансформация уже произошла в пролетарском браке в тот момент, когда женщина смогла самостоятельно трудиться и добывать средства для жизни. Так, опережая изменения правовые, произошли изменения социальные, когда самостоятельная пролетарка, приобретя финансовую независимость, смогла отвоевать и свободу брачных отношений¹¹⁰. Но преобразования семейных отношений не могли быть до конца реализованы без установления системы обобществленного хозяйства. Женщина, втянутая в общественное

¹⁰⁶ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 21. Москва, 1961. С. 53.

¹⁰⁷ Там же. С. 58-60, 77.

¹⁰⁸ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 20. Москва, 1961. С. 268.

¹⁰⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства... С. 79-80, 84.

¹¹⁰ Там же. С. 75.

производство и добившись таким образом равного с мужчиной экономического положения, не могла, по замечанию Ф. Энгельса, полноценно выполнять свои функции в семье¹¹¹.

В отличие от социальных проектов социалистов-утопистов, в подробностях описавших будущую организацию коммунального быта в конструируемом социалистическом социуме, уделяя особое внимание деталям жилищной и бытовой организации, идеологи марксизма и их последователи, сосредоточив свое внимание на философских, политических и экономических аспектах социальных преобразований, не разработали какой-либо практической модели организации жилищно-бытового пространства в социалистическом обществе.

В одной из ранних работ «Принципы коммунизма» (1847) Ф. Энгельсом была поддержана идея социалистов-утопистов о сооружении в будущем «больших дворцов [...], в качестве общих жилищ для коммун граждан, которые будут заниматься промышленностью, сельским хозяйством»¹¹². Но эти проекты в более поздних работах Ф. Энгельсом были практически полностью отвергнуты. Идеолог марксизма обратился к осуждению утопического стремления социалистов-утопистов устройства социалистических колоний¹¹³. Серьезной критике подвергались социальные проекты социалистов-утопистов и со стороны К. Маркса, который обвинил их идеи преобразования общества в «фантастичности»¹¹⁴. В труде «К жилищному вопросу», написанном в 1872 году, Ф. Энгельс уже настаивал на том, что решение жилищного вопроса, во-первых, в полной мере зависит от

¹¹¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 76.

¹¹² Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Сочинения: в 50 т. Т. 4. Москва, 1955. С. 333.

¹¹³ Там же. С. 239.

¹¹⁴ Маркс К. Второй набросок «Гражданской войны во Франции» // Сочинения: в 50 т. Т. 17. Москва, 1960. С. 562-563.

времени и места социальной революции и напрямую связано с вопросом уничтожения противоположности между городом и деревней, а, во-вторых, призывал не заниматься «сочинением утопических систем устройства будущего общества»¹¹⁵ до тех пор, пока не будет уничтожен капиталистический способ производства¹¹⁶. Единственным практическим предписанием Ф. Энгельса была рекомендация разумно воспользоваться уже имеющимся в городах жилищным фондом, экспроприация которого позволила бы на первых этапах разрешить проблему пролетарского жилищного кризиса¹¹⁷.

Ф. Энгельса изменил свое отношение и в вопросе о форме пролетарского жилища. Уже не строя утопических моделей построения «больших дворцов», теоретик отмечал неприемлемость системы коттеджной застройки из-за угрозы превращения рабочих в собственников. Существенные недостатки находил Ф. Энгельс и в казарменном расселении с точки зрения ущерба «нравственности, здоровья и домашнего уюта»¹¹⁸. В представлении теоретика, до устранения противоположности между городом и деревней и капиталистического способа производства «надо быть довольными, если вместо больших казарм там удастся построить дома в 4—6 квартир или же посредством разного рода строительных ухищрений устранить главные недостатки казарменной системы»¹¹⁹.

Таким образом, указывая на невозможность трудящейся женщины полноценно реализовывать свои хозяйственные и материнские функции в семье, идеологи марксизма и их последователи не предлагали никакой

¹¹⁵ Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Сочинения: в 50 т. Т. 18. Москва, 1955. С. 221.

¹¹⁶ Там же. С. 259.

¹¹⁷ Там же. С. 221.

¹¹⁸ Там же. С. 238.

¹¹⁹ Там же.

практической модели организации жилища и быта, которая смогла бы позволить женскому населению без каких-либо негативных последствий включиться в отношения общественного производства, а значит стать равноправным субъектом общественных отношений. Ф. Энгельс настаивал на будущей необходимости обобществления домашнего труда¹²⁰, но, отрекаясь от жилищно-бытового конструкта, предложенного социалистами-утопистами, оставляет практическое решение этого вопроса на необозримое будущее.

Недостаточно был проработан идеологами марксизма и вопрос будущего воспитания детей. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на непереносимое условие обобществления воспитания детей¹²¹, которое так же как и обобществление домашнего хозяйства, должны были стать основой для подлинной эмансипации женщины. Но, как и в случае с развитием идей необходимости обобществления быта, идеологи марксизма и их последователи не дают никаких точных рекомендаций о форме общественного воспитания подрастающего поколения.

Осуждая фантастичность проектов бытовой организации, предложенной Р. Оуэном и Ш. Фурье, теоретики марксизма не смогли хотя бы в общих чертах определить форму будущего устройства коммунистического быта и социального устройства. Это обстоятельство приведет к тому, что с установлением власти большевиков после Октябрьской революции основой для создания проектов жилищно-бытовой и социальной организации общества станут, с одной стороны, утопические проекты социалистов-утопистов, а с другой стороны произойдет попытка

¹²⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства... С. 78.

¹²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии... С. 447.; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства... С. 78.

адаптации социальных идей со сложившейся и уже устоявшейся «буржуазной» системой жилищно-бытовой организации.

1.3. Вопрос бытовой организации на социалистических началах в трудах государственных и политических деятелей РСДРП(б)

Дальнейшее развитие идей преобразования жилищно-бытовой организации, а также положения женщины в социалистическом обществе было продолжено в трудах марксистов разных направлений, но на реализацию советского социального проекта 1920-1930-х гг. имели влияние идеи, разрабатывавшиеся деятелями РСДРП(б).

В.И. Ленин в дореволюционных трудах мало уделял внимания вопросам женской эмансипации и бытового преобразования. Не отходя от определенных теоретиками марксизма установок о неприменимом учреждении правового равенства между мужчиной и женщиной, лидер большевиков поддерживал борьбу женского актива партии за избирательные права женщин¹²². В «Проекте программы нашей партии» 1899 года он включил в раздел практической части программы пункт об уравнивании прав между мужчиной и женщиной¹²³, никак не разъясняя условий реализации данной задачи.

Целью использования подобного механизма является безусловное признание большевиками женского актива как силы, которая может быть использована в революционной борьбе и завоевании власти. В.И. Ленин не затрагивает важности признания женского избирательного права с точки зрения учета потребностей и интересов женщин, но учитывает данную силу при анализе возможности прихода к власти. Так, например, анализируя

¹²² Ленин В.И. Международный социалистический конгресс в Штутгарте // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 16. Москва, 1973. С. 85.

¹²³ Ленин В.И. Проект программы нашей партии // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 4. Москва, 1967. С. 224.

успехи Германской социал-демократической партии на выборах, лидер партии большевиков указывает, что эти успехи могли бы быть более значительными, если бы в Германии женщины обладали бы правом голоса¹²⁴.

Не расходятся с взглядами теоретиков марксизма и представления В.И. Ленина о значении семьи и брака. Как и Ф. Энгельс, и его предшественники социалисты-утописты Р. Оуэн и Ш. Фурье, лидер РСДРП(б) по сложившейся традиции называет традиционный «буржуазный» брак узаконенной формой проституции¹²⁵, выступает за признание права женщин на развод¹²⁶, предрекая рождение нового типа семьи, основанной на партнерских отношениях.

Интересен взгляд на трансформацию социального положения женщины в будущем социалистическом обществе женщин-членов РСДРП(б). В дореволюционных работах Н.К. Крупской, А. Коллонтай, И. Арманд рассуждения о путях решения женского вопроса не выходят за рамки установленных теоретиками марксизма положений о первопричинности экономического фактора в закабалении женщины. Капиталистические отношения, создающие равные негативные условия как для мужского, так и для женского населения, должны быть уничтожены, что станет основой для эмансипации женщины. С учетом данного обстоятельства, для пролетарок мужчина-пролетарий должен восприниматься не как враг, а союзник, товарищ в общей борьбе за лучшее будущее¹²⁷. Разделяя мир на женский и мужской, А. Коллонтай указывает, что главное противопоставление

¹²⁴ Ленин В.И. О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 25. Москва, 1969. С. 196.

¹²⁵ Ленин В.И. Дума и русские либералы // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 15. Москва, 1972. С. 252-253.

¹²⁶ Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 25. Москва, 1969. С. 286.

¹²⁷ Крупская Н.К. Женщина-работница // Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 1. М., 1957. С. 74.; Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. Санкт-Петербург, 1909. С. 30.

заключается в противоборстве классовом, а не гендерном - подлинное раскрепощение женщины возможно только через борьбу классовую, так как в ней уничтожается первопричина неравенства полов¹²⁸. Сложившиеся же трудовые, экономические и даже гендерные противоречия в обществе являются исключительно пороком капиталистической системы и будут незамедлительно уничтожены при организации труда на социалистических началах.

Взгляд на устройство брачных и семейных отношений также не значительно расходится с позицией Ф. Энгельса по данному вопросу: так, например, Н.К. Крупская не осуждает сложившихся в пролетарской среде свободных отношений между мужчиной и женщиной, определяемых исключительно взаимным желанием сторон¹²⁹, указывая на их естественность и справедливость в установившихся в пролетарской среде социальных и экономических отношениях. При этом и она, и А. Коллонтай указывают на двойную нагрузку, легшую на плечи женщины-пролетарки, в выполнении трудовых и домашних обязанностей: «домашний труд высасывал из женщины все жизненные соки, он взваливал на ее слабые плечи двойную работу: профессиональную и узко-домашнюю»¹³⁰.

Обозначая важность бытового преобразования в вопросе эмансипации женского населения и формирования условий для становления новых социальных отношений, деятели РСДРП(б) не предлагали никаких принципиально новых разработок социального типа жилища и быта для решения данной проблемы. Н.К. Крупская указывала на потребность

¹²⁸ Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса... С. 29.

¹²⁹ Крупская Н.К. Женщина-работница... С. 88.

¹³⁰ Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса... С. 47.

обязательного устройства яслей¹³¹ и детских садов¹³², а также детских домов, при которых организовывались бы детские общежития и столовые¹³³. Но все их идеи не выходили за рамки общих концепций К. Маркса и Ф. Энгельса.

В своих дореволюционных работах И.В. Сталин, не обращаясь напрямую к вопросам женской эмансипации и бытовой организации в социалистическом обществе, затрагивает важную для социалистов проблему влечения масс к буржуазной идеологии, что проявляется в «мещанском» собственническом мировоззрении. И.В. Сталин считает, что борьба между социалистической и буржуазной идеологией составляет основу революционной борьбы, которая затрагивает и вопрос трансформации мировоззрения. Социал-демократические силы должны бороться с «влечением к буржуазной идеологии и способствовать другому влечению - влечению к социализму»¹³⁴. Таким образом, борьба между собственническими настроениями и общественными ценностями станет идеологической базой для дальнейшего проектирования хозяйственно-бытовой организации в социалистическом обществе.

Только накануне Октябрьской революции в августе-сентябре 1917 года В.И. Ленин, готовя труд «Государство и революция», впервые затрагивает практическую сторону разрешения жилищного вопроса. Но и здесь Владимир Ильич не был оригинален – было предложено действовать в соответствии с предписанием Ф. Энгельса и решать проблему перенаселения рабочих жилищ за счет экспроприации уже существовавшего жилого

¹³¹ Крупская Н.К. Народное образование и демократия // Педагогические сочинения : в 6 т. Т. 1. Москва, 1978. С. 292-293.

¹³² Крупская Н.К. Женщина-работница... С. 96-97.

¹³³ Крупская Н.К. Школьная муниципальная программа // Педагогические сочинения : в 6 т. Т. 1. С. 412.

¹³⁴ Сталин И.В. Коротко о партийных разногласиях. Т.1. С. 89-С. 98 // И.В. Сталин. Сочинения: в 13 т. Т. 1. Москва, 1954. С. 98.

фонда¹³⁵. Эта идея была в полной мере реализована непосредственно после Октябрьской революции в Постановлении «О правах городского самоуправления в деле регулирования жилищного вопроса» Народного Комиссариата по внутренним делам РСФСР от 30 октября 1917 г.¹³⁶.

Рассмотрев эволюцию взглядов социалистов-утопистов, теоретиков марксизма, деятелей РСДРП(б) в отношении решения проблемы устройства жилища и быта и изменения положения женщины, мы наблюдаем четкую преемственность и заимствование основных концепций в решении данного вопроса. Теоретиками марксизма были заимствованы основные идеи социалистов-утопистов о положении женщины в будущем социуме и уточнены в соответствии с теми идеологическими основами, которые являлись базисом для коммунистической идеологии. Таким образом, были обозначены основные пути преобразования роли женщины в будущем социуме: предоставление женщинам политических прав должно было активизировать участие женщины в политической и общественной жизни; изменение роли женщины в качестве труженицы через установление равных с мужчинами условий труда с учетом индивидуальных женских потребностей (деторождение, вскармливание); изменение роли женщины-матери за счет общественного воспитания детей; трансформация роли женщины-хозяйки через обобществление хозяйства; все вышеперечисленные условия должны были стать естественными предпосылками для изменения положения женщины в семье и браке. Изменения социальных ролей женщины предполагалось только в результате уничтожения капиталистических отношений и установлением общественного типа

¹³⁵ Ленин В.И. Марксизм о государстве // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 33. Москва, 1974. С. 204.

¹³⁶ Постановление НКВД РСФСР от 30.10.1917 О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса // КонсультантПлюс. [Б. м.], 2024. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44175&dst=100038> (дата обращения: 20.01.2024).

производства, обобществления быта. Сам вопрос женской эмансипации ставился исключительно как непосредственно связанный с проблемой трансформации быта – никаких иных вариантов не рассматривалось.

В отличие от социалистов-утопистов, предлагавших фантастические, но практические пути установления обозначенного социального порядка, теоретики марксизма, сосредоточив свое внимание на разработке теоретических концепций, не представили никакой определенной модели будущего жилищно-бытового устройства, которое могло бы удовлетворить потребности раскрепощения женщин. Не было предложено ничего принципиально нового и в разработках деятелей РСДРП(б) – механически поддерживая марксистскую теоретическую модель об изменении социальной роли женщины и трансформации быта и воспитания, большевики, сосредоточив внимание на актуальных проблемах «момента», отнеслись к женскому вопросу исключительно с точки зрения его пропагандистской ценности для осуществления социалистической революции. Агитация среди женщин с уверенным продвижением идей теоретиков марксизма среди женского населения должна была в первую очередь способствовать объединению женского актива вокруг партии большевиков. Даже женский состав партии, обращаясь в своих дореволюционных трудах к женскому вопросу, преследовал исключительно общие для партии задачи формирования активной революционной женской силы, которая могла бы принять действенное участие в революционном процессе для установления диктатуры пролетариата и уничтожения капиталистических отношений – именно в этом усматривалась основа для будущей трансформации социального положения женщины.

Таким образом, у большевиков накануне Октябрьской революции отсутствовал какой-либо четкий план преобразования коммунального быта в социалистическом обществе. В качестве базовой идеи выступало убеждение

в неперенной необходимости бытовой реорганизации, что непосредственно связывалось и с необходимостью женской эмансипации. Коммунальный быт должен был стать элементом общественного обслуживания населения, освободить женщину от неперенного участия в быту и предоставить ей возможность стать равноправным членом будущего коммунистического социума, но никакого четкого представления ни о форме, ни о путях реализации данной идеи не существовало. Эта проблема казалась слишком далекой и абстрактной и поэтому не привлекла практически никакого практического внимания со стороны теоретиков коммунизма и деятелей РСДРП(б).

ГЛАВА 2. ПРОЕКТЫ БЫТОВОЙ РЕОРГАНИЗАЦИИ В 1920-1930-Е ГОДЫ

2.1. Государственная политика планирования жилищного пространства и архитектурные проекты жилищно-бытовой организации в 1920-е гг.

После Октябрьской революции первым решением нового правительства в отношении решения жилищной проблемы стало Постановление «О правах городского самоуправления в деле регулирования жилищного вопроса» Народного Комиссариата по внутренним делам РСФСР от 30 октября 1917 г.¹³⁷ в соответствии с которым, городским самоуправлениям было дано право «секвестровать все пустующие помещения, пригодные для жилья»¹³⁸. Это решение соответствовало предложенной Ф. Энгельсом программы о временном решении проблемы рабочего жилищного кризиса. По свидетельству современника И. Кобленца, еще до публикации Декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах»¹³⁹, «местные советы [...] выселяли из отдельных квартир или всех квартир данного дома крупную буржуазию и на ее место организовано вселяли коллективы заводов и фабрик. Некоторые революционные организации в начале революции самочинно «вышибали» буржуазию из особняков и вселялись сами, не

¹³⁷ Постановление НКВД РСФСР от 30.10.1917 О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса // КонсультантПлюс. [Б. м.], 2024. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3939> (дата обращения: 20.01.2024).

¹³⁸ Там же. П. 1.

¹³⁹ Декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. Об отмене частной собственности на недвижимость в городах // КонсультантПлюс. [Б. м.], 2011. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6113> (дата обращения: 20.01.2024).

испрашивая санкции местного совета»¹⁴⁰. Так постановление на законодательном уровне санкционировало «только то, что места уже осуществляли ранее на практике»¹⁴¹. Тогда, по данным советской статистики, в Москве было переселено около 500 тысяч рабочих из лачуг в благоустроенные квартиры¹⁴². Предпринятые меры временно действительно улучшили жилищную ситуацию в советских городах, дав тем самым толчок к развитию в новом государстве расселения по т.н. коммунальным квартирам.

Здесь следует отметить, что коммунальные квартиры существовали в России и до революции. В своем исследовании экономист и историк В.В. Святловский, основываясь на переписи населения 1902 г., отмечал в Москве 16400 коечно-каморочных квартир¹⁴³, партийный деятель К. Лопяло, не указывая своего источника, сообщает о том, что в 1912 г. 52% петербургских квартир не имело отдельной кухни, а 14% квартир являлись не чем иным, как жилой кухня¹⁴⁴. Но если в дореволюционную эпоху подобные коммунальные квартиры были заселены населением одного социального уровня, то после Октябрьской революции спецификой нового расселения стало смешение на одной жилой площади людей разных социальных групп, что не могло не способствовать повышению конфликтности в таких квартирах. По всей вероятности именно по этой причине уже в 1920 г. в Декрете СНК РСФСР от 25.05.1920 «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения»¹⁴⁵ была дана возможность населению самостоятельно подыскивать себе сожителей.

¹⁴⁰ Кобленц И. Жилищное право. Москва, 1924. С. 40.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Лопяло К. Жилище – рабочим! Москва, 1932. С. 13.

¹⁴³ Цит. по: Лопяло К. Жилище – рабочим! С. 8.

¹⁴⁴ Там же. С. 9.

¹⁴⁵ Декрет СНК РСФСР от 25.05.1920 О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения // Электронная библиотека исторических документов. [Б. м.], 2024.

В годы Гражданской войны и вплоть до начала жилищного строительства в 1924 г. основные действия власти в области решения жилищного вопроса были направлены на борьбу с антисанитарными условиями проживания. В 1919 г. было издано Постановление СНК РСФСР от 18.06.1919 «О санитарной охране жилищ»¹⁴⁶, предусматривавшее жесткий контроль государства по средством жилищно-санитарного надзора над гигиеническим состоянием жилищ и общественных учреждений. В своих заметках к проекту декрета о мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения 1920 г., В.И. Ленин предлагал предпринимать радикальные меры в борьбе с нечистотой в жилых помещениях, вплоть до ареста на один месяц и принудительным работам до двух месяцев сотрудников местных санитарных отделов за нерадивое отношение к осуществлению надзора за санитарными условиями в жилых домах¹⁴⁷. В 1921 г. В.И. Ленин вновь возвращается к этому вопросу, отмечая, что «наши дома - загажены подло» и требуя «ответственных лиц сажать в тюрьму беспощадно»¹⁴⁸. В октябре 1921 г. в письме к Н.А. Семашко, В.И. Ленин сообщает о подписании решения Малого СНК о выделении приблизительно двух миллиардов рублей на чистку Москвы и о призыве Наркомздрава к неделе оздоровления жилищ. Вождь пролетарской революции вновь отмечает безобразие «советской грязи в первых советских домах»,

URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/10780-25-maya-dekret-snk-o-merah-pravilnogo-raspredeleniya-zhilisch-sredi-trudyaschegosya-naseleniya> (дата обращения: 20.01.2024).

¹⁴⁶ Постановление СНК РСФСР от 18.06.1919 О санитарной охране жилищ // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_464.htm (дата обращения: 20.01.2024).

¹⁴⁷ Ленин В.И. Замечания к проекту декрета о мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 41. Май-ноябрь 1920. М., 1974. С. 431.

¹⁴⁸ Ленин В.И. В Малый Совнарком // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 53. Письма. Июль-ноябрь 1921. М., 1965. С. 107.

высказывает предположение, что выделенные средства на очистку города «возьмут, раскрадут и расхитят, а дела не сделают»¹⁴⁹.

Как сообщал современник И. Кобленц, население не стремилось вкладывать средства на ремонт и улучшение квартиры, не имея уверенности в том, что вскоре его отсюда не выселят¹⁵⁰. К тому же период Гражданской войны ознаменовался тотальным обнищанием народа, который не имел возможности даже отапливать свои квартиры, уничтожением промышленности по постройке и обслуживанию домов¹⁵¹ – все эти факторы привели к изменению государственной политики в отношении жилища. Впервые идеалистические представления новой советской власти столкнулись с индивидуалистическими представлениями народа о собственности.

Столкнувшись с халатным отношением населения к муниципализированному жилому фонду, приведшему к его тотальному обветшанию - разрушение домов в эти годы происходило достаточно интенсивно, так, например, московский жилищный фонд, достигший в 1916 году 13 832 000 кв. метров, насчитывал в 1924 г. только 9 777 408 кв. метров¹⁵², советское правительство в 1921-1924 г. издает ряд законов (Постановление СНК РСФСР от 23 мая 1921 г. «О мерах улучшения жилищных условий трудящегося населения и о мерах борьбы с разрушением жилищ», Положение СНК от 8 августа 1921 г. «Об управлении домами», Декрет СНК РСФСР от 18.07.1921 «О привлечении населения к ремонту водопровода, канализации, газового и центрального отопления в

¹⁴⁹ Ленин В.И. Н.А. Семашко // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 53. Письма. Июль-ноябрь 1921. Москва, 1965. С. 300.

¹⁵⁰ Кобленц И. Жилищное право. С. 42.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Лопяло К. Жилище – рабочим! С. 16.

муниципализированных домах», Декрет СНК РСФСР от 08.08.1921 «О предоставлении кооперативным объединениям и отдельным гражданам права застройки городских участков», Декрет «О пересмотре Коммунальными Отделами списков муниципализированных домов»), направленных на привлечение граждан к контролю за работой домовых комитетов, повышению ответственности жильцов за сохранность и содержание занимаемых жилых помещений, привлечению средств населения в реконструкцию жилого фонда (в том числе и нетрудового населения), предоставляя даже возможность самостоятельно решать проблему жилищной нужды за счет предоставления права застройки свободных городских участков за свой счет и права на демуниципализацию домов незначительных размеров.

Законодательно установив меру ответственности населения за разрушение и обязав участвовать в восстановлении жилого фонда, с 1923 г. государство начинает выделять средства на ремонт разрушенных жилищ, а с 1924 г. приступает к планомерному жилищному строительству. В целях борьбы с жилищным кризисом и развития жилищного строительства, в 1924 г. выходит Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 16.05.1924 «О содействии кооперативному строительству рабочих жилищ»¹⁵³ в соответствии с которым гражданам предоставлялась возможность объединения в жилищно-строительные кооперативы для строительства жилых домов. В соответствии с Генеральным планом по благоустройству городов, жилищному хозяйству РСФСР на 15 лет (1926-1941 годы) предполагалось, что доля кооперативного строительства должна составлять

¹⁵³ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 16.05.1924 О содействии кооперативному строительству рабочих жилищ // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2029.htm (дата обращения: 20.01.2024).

42,6%¹⁵⁴. Данный проект не был реализован, в связи с изменением направления жилищной политики в последующий период, но отражает степень важности кооперации для расширения жилищного строительства в эпоху НЭПа.

С этого же года начинается планомерная агитация населения в участии в кооперативном жилищном строительстве. В журнале «Строительство Москвы», первый выпуск которого вышел в июле 1924 г., в обсуждении путей преодоления острого жилищного кризиса указывалась необходимость «продолжать начатое в этом году строительство рабочих домов; развивать кооперативно-жилищное строительство; принять меры по охране и ремонту пролетарских Жил. Т-в и рабочих домов-коммун; привлечь к строительству частный капитал»¹⁵⁵, из указанных мероприятий наибольшее значение отводилось именно кооперативному рабочему строительству, которое должно было решить проблему жилищного кризиса «при комбинированном методе как общественной инициативы в форме жилищного кооперирования трудящегося населения Москвы с активным участием всех советских, профессиональных, партийных и вообще общественных организаций, так и привлечения частного капитала и частной инициативы»¹⁵⁶.

Именно с 1924 г., приступив к жилищному строительству, на государственном уровне начинается разработка пролетарского типа жилища, соответствующего запросам советского государства. Как замечает историк архитектуры С.О. Хан-Магомедов, в этот период особую популярность получает концепция строительства города-сада, предполагавшая строительство индивидуальных отдельных жилищ с участком, которые объединяются магистралями и общей сетью коммунально-бытового

¹⁵⁴ ГАРФ Ф. А262. Оп. 1. Д. 193. Л. 2

¹⁵⁵ Рабочее жилищное строительство // Строительство Москвы. 1924. № 1. С. 6.

¹⁵⁶ ГАРФ Ф. А259. Оп. 86. Д. 274. Л. 5

обслуживания¹⁵⁷. Если среди архитекторов эти идеи в рассматриваемый период и доминировали, то на начавшемся в 1924 г. строительстве она отразилась слабо. Основным типом жилища, строившегося в Москве в 1924 г., являлась индивидуального типа квартира (предполагалось ее заселение семьями в 4-6 человек) в двухэтажном малоквартирном доме (в среднем на 4 квартиры). Распространение такого типа строительства было связано не столько с популярностью концепции города-сада (хотя некоторые архитекторы и пытались позиционировать строительства малоэтажных домов как связь именно с этими идеями), а с нехваткой средств и стройматериалов. Строительство домов осуществлялось по получившим в это время широкое распространение системам «Герард» и системе инженера Галахова, предполагавших существенную экономию стройматериалов – в первом варианте стены строились не сплошь из кирпича, а из двух самостоятельных стен с небольшими промежутками, засыпавшимися шлаком, вторая система предполагала деревянное каркасное строительство с наполнением стен термолитом¹⁵⁸. Многоэтажное строительство такая технология не допускала. Строительство велось и индивидуальных домов по типу коттеджа, но, как правило, такие проекты осуществлялись в рамках жилищно-строительной кооперации и не были широко распространены.

С 1925 г. начинает увеличиваться этажность домов (строятся 3-4 этажные здания), возводятся первые советские общежития, по отчету Московского Совета за строительный сезон 1925 г. «строятся исключительно многоэтажные каменные здания по типу мелких квартир»¹⁵⁹, что обусловлено

¹⁵⁷ Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. // Кн. 2: Социальные проблемы. С. 61.

¹⁵⁸ Постройки акционерного общества «Московское рабочее жилищное строительство» // Строительство Москвы. 1924. № 2. С. 6.

¹⁵⁹ Попов (Сибиряк) Н. Итоги муниципального (рабочего) строительства // Строительство Москвы. 1925. № 11. С. 5.

необходимостью «считаясь с привычными для большинства рабочего населения бытовыми условиями»¹⁶⁰ и экономической целесообразностью. Приоритетным при строительстве остается: «экономичность постройки, наибольшие результаты в смысле увеличения жилой площади и благоустройства строений»¹⁶¹.

Усилиями жилищно-строительной кооперации отстраиваются целые поселки, но если в Москве строятся исключительно многоэтажные дома многоквартирного типа, то определить тип жилища, возводимого кооперацией в других регионах достаточно сложно, так как зависит он исключительно от средств и предпочтений самих кооператоров – если в строительном сезоне 1925 г. в городе Озерцы был возведен поселок с 40 одноэтажными деревянными домами (по 2 квартиры в каждом доме, состоявшими из 2-х комнат и кухни)¹⁶², то в рабочем поселке около города Коломны для рабочих и служащих завода возводятся 3-этажные каменные дома¹⁶³. Важным типом жилища в середине 1920-х гг. остается и барачное расселение, предназначенное, в первую очередь, для сезонного проживания, но на практике ставшее для многих регионов основным типом жилища на период крупного индустриального строительства. В 1926 г. Президиумом Московского Совета был утвержден проект барачков на 106 человек, предполагавший общую кухню и организацию питания на артельных началах, возводившихся по типу деревянного каркасного строительства¹⁶⁴.

¹⁶⁰ Красин Г. О типах жилых домов в муниципальном строительстве 1927 года // Строительство Москвы. 1926. № 10. С. 13.

¹⁶¹ Попов (Сибиряк) Н. Итоги муниципального (рабочего) строительства. С. 6.

¹⁶² Тихомиров Л. Строительство г. Коломны и уезда. Жилищно-строительная кооперация и рабочее строительство // Строительство Москвы. 1926. № 1. С. 5.

¹⁶³ Там же. С. 6.

¹⁶⁴ Маматов П.А. Разборные бараки для рабочих на строительный сезон // Строительство Москвы. 1926. № 4. С. 8-9.

Параллельно реальному строительству осуществляются попытки проектирования нового типа советского жилища, так в 1925 г. проходит «Первый конкурс Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов на проект Рабочего дома». Одним из ключевых условий которого оставалась экономичность постройки как в строительстве, так и в дальнейшей эксплуатации, также одним из требований было то, что «проекты должны с эстетической стороны удовлетворять здоровому пролетарскому вкусу»¹⁶⁵. Несмотря на участие в конкурсе около 180 проектов, никакой действительно практической пользы он не принес, не дав приемлемого решения по организации нового типа жилища¹⁶⁶, основной вывод заключался в признании необходимости опытного строительства и наблюдения за показательными постройками. Этот призыв, не зафиксированный в правительственных постановлениях, существенно повлиял на следующий этап формирования жилого пространства советского человека. Именно с 1926 г. начинают строиться новые типы домов, с разнообразной организацией жилого пространства. Государство принимает активное участие в поиске оптимального устройства советского жилья.

Доминирующим типом жилища остается индивидуального вида квартира в 2-4 комнаты, заселяемая, как правило, несколькими семьями, но уже в 1926 г. проводится «Второй конкурс Московского Совета Р.К. и К.Д. на проект Дома-Коммуны» задачей которого было «дать тип дома, приспособленного как для одиноких рабочих, так и для рабочих семей, не ведущих обособленного хозяйства»¹⁶⁷ с общей столовой, прачечной, яслями и детским садом. В качестве опыта строятся дома т.н. коридорной системы,

¹⁶⁵ Вендеров Б. Дома для рабочих // Строительство Москвы. 1926. № 3. С. 9.

¹⁶⁶ Красин Г. О типах жилых домов в муниципальном строительстве 1927 года. С. 14.

¹⁶⁷ Вендеров Б. Второй конкурс Московского Совета Р.К. и К.Д. на проект Дома-Коммуны // Строительство Москвы. 1926. № 6. С. 1.

дома коммунального типа, оборудованные общими кухнями, но значительно отличающиеся от дома-коммуны отсутствием других общественных помещений (яслей, детских садов, клуба и т.д.).

Строительство первых домов-коммун, домов коммунального типа совпадает с повсеместной пропагандой идей о необходимости обобществления быта и с началом Первой пятилетки. Женские журналы «Работница», «Женский журнал» призывали своих читательниц к кооперации по организации яслей, детских садов и общественных столовых и ранее, но с 1928 г. агитация усиливается – авторы статей агитируют к активному участию в устройстве столовых, яслей, прачечных на общественных началах домашних хозяек. В качестве примера из номера в номер публикуются статьи об успешном опыте организации общественных столовых, детских яслей средствами кооперации¹⁶⁸, даются практические советы по организации меню, учету и т.д. Данный призыв выполнял важную для государства задачу – расширение индустриализации, задачи Первой пятилетки в скором времени потребуют широкого привлечения женского труда в производство. И хотя в 1928 г. уровень женской безработицы был достаточно высок, но уже в это время начинает популяризоваться идея о необходимости каждого гражданина внести свой вклад в общее дело, чем и должны были на этом этапе заняться нетрудоустроенные домохозяйки. Инициатива по организации общественного питания, детских яслей и прачечных должна была помочь государству в решении проблемы дальнейшего все большего включения женского населения в государственное

¹⁶⁸ Попова Л. Как мы организовали общее питание // Женский журнал. 1928. № 5. С. 20.; Организовали общественную столовую // Работница. 1928. № 15. С. 16.; Организуют общественную прачечную // Работница. 1928. № 15. С. 16.; Кальма А. Без бытовых пут // Женский журнал. 1929. № 3. С. 3.; Кооперативная столовая // Женский журнал. 1929. № 4. С. 23.; [и др.].

хозяйство, а также собственными силами народа осуществить декларируемые идеи об улучшении пролетарского быта.

В начале 1928 г. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 04.01.1928 «О жилищной политике»¹⁶⁹ были определены общие положения государственной жилищной политики на последующий период. Постановление признавало тяжесть жилищного положения в СССР, несмотря на предпринятые в 1920-е гг. попытки его улучшения. Было определено первостепенное значение жилищного строительства в деле индустриализации страны. Для разрешения жилищного кризиса должны были быть усилены темпы строительства, укрепляться кооперативное строительство, привлекаться средства частного капитала, удешевляться и упорядочиваться организация строительства¹⁷⁰. Была признана целесообразность расширения индивидуального рабочего строительства в поселках и мелких городах¹⁷¹. Предлагалось расширить жилищный фонд за счет надстройки верхних этажей, строительства домов-общежитий¹⁷².

В 1928 г. также публикуются Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30.07.1928 «Об условиях эксплуатации жилых домов, возведенных государственными органами»¹⁷³ и Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20.08.1928 «О порядке эксплуатации и использования жилищного фонда, принадлежащего местным советам, предприятиям промышленности и

¹⁶⁹ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 04.01.1928 О жилищной политике // КонсультантПлюс. [Б. м.], 2024. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14332> (дата обращения: 20.01.2024).

¹⁷⁰ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 04.01.1928 О жилищной политике.

¹⁷¹ Там же. Ст. 6.

¹⁷² Там же. Ст. 8.

¹⁷³ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30.07.1928 Об условиях эксплуатации жилых домов, возведенных государственными органами // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3400.htm (дата обращения: 20.01.2024).

транспорта»¹⁷⁴ в которых затрагивается важный аспект распределения государственного, муниципального и производственного жилищного фонда - преимущественное право на получение жилища остается за рабочими, но предусматривалось и заселение граждан и других трудовых профессий в случае наличия свободных помещений.

Классовый принцип распределения жилого фонда, превосходство рабочих – нового господствующего класса – перед другими категориями граждан является еще одной важной особенностью формирования жилого пространства советского человека. Именно разработка рабочего жилища, удовлетворение потребностей рабочих в организации общественного питания, яслей и т.д. оставалась на протяжении 1920-х гг. доминантным направлением. Возможность устройства детей в дошкольные учреждения рассматривалось в некоторых случаях как возможность поощрения за хорошую работу¹⁷⁵, само жилище должно было, в первую очередь, удовлетворять потребности и обеспечивать максимальное удобство пролетариев – такие принципы декларировались государственной пропагандой. Тем не менее, на протяжении 1920-х гг. можно наблюдать постепенную дифференциацию советского общества. И принцип распределения становится очень важным признаком сложившейся социальной дифференциации. Самые первые дома-коммуны были образованы партийным руководством – Дома Совета или Отели Совета – в бывших гостиницах и предназначались для проживания и обеспечения быта новой элиты. В роскошных интерьерах отелей «Метрополь», «Националь»,

¹⁷⁴ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20.08.1928 О порядке эксплуатации и использования жилищного фонда, принадлежащего местным советам, предприятиям промышленности и транспорта // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3435.htm (дата обращения: 20.01.2024).

¹⁷⁵ Гальперин М. Нужно улучшить бытовое обслуживание работниц // Работница. 1929. № 42. С. 15.

«Континенталь», предназначенных для проживания дореволюционной знати, условия были значительно комфортабельней, чем в рабочих казармах или уплотненных коммунальных квартирах. Здесь располагались рестораны, кинотеатры, зимние сады, была налажена организация быта – повара, прачки, горничные служили новой элите.

С 1928 г., приступив к реализации Первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, предполагавшего индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства и культурную революцию, власть все большее значение в осуществлении поставленных задач начинает придавать «активности, самодеятельности и культурности пролетарских масс»¹⁷⁶. Строительство и распределение жилья в пропаганде индустриализации становится новым орудием поощрения трудового населения. Внимание к соблюдению классового принципа распределения жилья демонстрирует заселение первого московского дома-коммуны на Хавской улице. Так первоначальная идея заселить дом членами кооператива, стоящими в очереди, была заменена решением на 90% заселить дом «рабочими от станка»¹⁷⁷. Первый пятилетний план и необходимость активизации энтузиазма населения в его реализации, привлекло к проблеме советского рабочего жилища особое внимание власти.

В 1929-1930-х гг. разгорелась т.н. вторая градостроительная дискуссия между «урбанистами» и «дезурбанистами», связанная с проблемой строительства новых городов в условиях индустриализации страны. Ход дискуссии, основные ее аспекты, значение для градостроительной политики подробно рассмотрены в трудах В.Э. Хазановой, С.О. Хан-Магомедова, М.Г.

¹⁷⁶ Пятнадцатый съезд ВКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988): в 15 т. Т. 4. 1926-1929. М., 1984. С. 263.

¹⁷⁷ Лавров В. Теория и практика коммунального жилища (по поводу дома-коммуны РЖСКТ «1-е Замоскворецкое Объединение» Хавский пер.) // Строительство Москвы. 1929. № 12. С. 3-5.

Мееровича, Е.В. Конышевой, Д.С. Хмельницкого¹⁷⁸. Для нас же представляют интерес следующие положения – предлагаемые к рассмотрению типы жилища и реакция советской власти на обсуждаемые положения. Как замечает В.Э. Хазанова, дискуссия не являлась очередным спором разных представителей архитектурных направлений, а была тесно связана с первым генеральным планом развития народного хозяйства СССР, в ней участвовали крупнейшие государственные и общественные деятели, а три основных собрания состоялись в стенах Госплана СССР и Комакадемии ЦК ВКП(б)¹⁷⁹.

Главными участниками дискуссии стали социолог М.А. Охитович¹⁸⁰, архитекторы Н.А. Милютин¹⁸¹, М.Я. Гинзбург¹⁸² и участвовавший в дискуссии сотрудник Генплана СССР Л.М. Сабсович¹⁸³. Основная же дискуссия проходила между представителем «урбанистов» Л.М. Сабсовичем и представителем «дезурбанистов» М.А. Охитовичем.

¹⁷⁸ Хазанова В.Э. Советская архитектура первых лет Октября. 1917-1925 гг.; Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки; Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. Кн. 2: Социальные проблемы; Меерович М.Г., Конышева Е.В., Хмельницкий Д.С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928-1932 гг.).

¹⁷⁹ Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. С. 44.

¹⁸⁰ Охитович М.А. К проблеме города // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 130-134.; Охитович М.А. Заметки по теории расселения // Современная архитектура. 1930. № 1-2. С. 7-15.

¹⁸¹ Милютин Н.А. Соцгород: Проблема строительства социалистических городов. М.; Л. 1930. 83 с.; Милютин Н. Социалистическая планировка городов и новое жилье // Строительство Москвы. 1931. № 6. С. 3-6.

¹⁸² Гинзбург М.Я. Стиль и эпоха. М., 1924. 238 с.; Гинзбург М.Я. Жилище : Опыт пятилетней работы над проблемой жилища. М., 1934. 192 с.; Гинзбург М.Я. Новые методы архитектурного мышления // Современная архитектура. 1926. № 1. С. 1-4.; Гинзбург М.Я. Функциональный метод и форма // Современная архитектура. 1926. № 4. С. 89-92.; Гинзбург М.Я. Целевая установка в современной архитектуре // Современная архитектура. 1927. № 1. С. 8-10.; Гинзбург М.Я. Проблемы типизации жилья в РСФСР - доклад М.Я. Гинзбурга на пленуме СТРОЙКОМА РСФСР // Современная архитектура. 1929. № 1. С. 4-6.; [и др.].

¹⁸³ Сабсович Л. Социалистические города. М. 1930. 124 с.

Представитель группы «урбанистов» Л.М. Сабсович, осуждая индивидуалистический быт и как его воплощение расселение по индивидуальным квартирам, противоречащим задачам построения социализма и создания нового человека¹⁸⁴, основным типом нового жилища видел «жилые комбинаты» или дома-коммуны на 2-3 тысячи человек¹⁸⁵, с отдельным проживанием детей и взрослых. Проживающим должна была предоставляться индивидуальная комната площадью от 5 до 9 кв. метров¹⁸⁶, с возможностью предоставления смежных комнат для супругов. В каждом доме должна быть сеть разнообразных помещений общественного пользования: общественная столовая, библиотека, читальня, клубные помещения, кабинеты для индивидуальных и коллективных занятий, физкультурные залы, бассейны и т.д.¹⁸⁷. Фактически, Л.М. Сабсович интерпретировал в новых условиях идеи осуждаемых теоретиками марксизма Р. Оуэна и Ш. Фурье.

Иных позиций придерживался М.А. Охитович, он полностью отрицал расселение в домах-коммунах, т.к. считал препятствием развития личности, но был солидарен с Л.М. Сабсовичем, исходя из общественного значения жилища¹⁸⁸. В отличие от своего оппонента, социолог не давал никаких точных предписаний по устройству социалистического жилья, в его представлении, оно должно было быть сборным¹⁸⁹, индивидуальным, рассеянным по широкой территории, обслуживаемым сетью общественных учреждений, но не сосредоточенных в одном месте, а, также как и жилище, разбросанных по обширной территории, доступ к ним будет осуществляться

¹⁸⁴ Там же. С. 36.

¹⁸⁵ Там же. С. 46.

¹⁸⁶ Там же. С. 48.

¹⁸⁷ Сабсович Л. Социалистические города. С. 53.

¹⁸⁸ Охитович М.А. К проблеме города. С. 131.

¹⁸⁹ Охитович М.А. Заметки по теории расселения. С. 15.

посредством автомобильного транспорта¹⁹⁰. Как замечает историк архитектуры С.О. Хан-Магомедов, концепция М.А. Охитовича была поистине оригинальной, если идеи Л.М. Сабсовича пытались адаптировать уже ранее популярные идеи утопистов-социалистов, то М.А. Охитович, основываясь на идеях Ф. Энгельса об отказе от крупных городов, разработал совершенно новую концепцию¹⁹¹.

Еще одним ключевым моментом, объединявшим противоборствующие концепции, являлась общность идеи о непрременном обобществлении быта советского человека, что должно было стать основой для дальнейшего жилищного проектирования. Переустройство бытовой культуры, осуществимое по средствам устройства нового типа жилья, рассматривается как важный элемент в достижении социализма, перевоспитания человека, формирования нового общества, как средство претворения в жизнь проводимой в стране индустриализации, реализации первого пятилетнего плана – коллективизация быта рабочего должна была стать механизмом улучшения качества его труда. Авторы единогласно отрицают возможность постепенного пути улучшения бытовых условий трудящихся, осуждая попытки своих современников строить жилые дома по старой, дореволюционной модели.

Развернувшаяся дискуссия была прервана Постановлением ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» от 16 мая 1930 г. ЦК ВКП(б) осудил «крайне необоснованные полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные попытки отдельных товарищей «одним прыжком» перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся, с одной стороны, в экономической и культурной отсталости

¹⁹⁰ Охитович М.А. К проблеме города. С. 134.

¹⁹¹ Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. // Кн. 2: Социальные проблемы. С. 186.

страны, а с другой - в необходимости в данный момент сосредоточить максимум ресурсов на быстрой индустриализации страны, которая только и создает действительные материальные предпосылки для коренной переделки быта»¹⁹². Но основные идеи необходимости обобществления бытового обслуживания были сохранены, было дано распоряжение увеличить финансирование культурно-бытовых учреждений, производство оборудования для оснащения фабрик-кухонь, прачечных, а, главное, «значительно усилить работы по максимальной мобилизации средств самого населения для жилищного строительства через жилищно-строительную кооперацию»¹⁹³.

Так правительство вернулось в своих установках к продолжению курса постепенной выработки социалистического типа жилища путем апробации различных форм жилищной организации с сохранением основных элементов обобществленного бытового устройства – организации дошкольных учреждений для пребывания детей, общественного питания, прачечных и т.д., по-прежнему официально не отдавая предпочтения какому-либо конкретному типу жилища.

Формирование жилищно-бытовых условий в 1920-е гг. является сложным, многогранным процессом. Не имея четкого представления не только об устройстве рабочего жилища, но и об основных элементах бытового устройства, была проделана огромная работа для выработки основных критериев будущей организации советского быта. Взяв за основу дореволюционный, иностранный опыт, проекты социалистов-утопистов и основные постулаты классиков марксизма, советское общество (а именно в

¹⁹² Постановление ЦК ВКП(б) О работе по перестройке быта. 16 мая 1930 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988): в 15 т. Т. 5 : 1929-1932. М., 1984. С. 118.

¹⁹³ Постановление ЦК ВКП(б) О работе по перестройке быта. С. 119.

этот период мы можем говорить о тесной взаимосвязи государства, пролетарского общества, социологов, архитекторов, гигиенистов) выработало основные принципы бытового устройства – была признана необходимость максимальной обобщественности быта за счет организации доступных для всех дошкольных учреждений, общественного питания, прачечных, эти идеи оставались основой для организации бытового устройства на протяжении всего существования советского государства.

Именно в это десятилетие, свободное еще от жесткой правительственной политики в отношении регулирования архитектурной творческой мысли, рождаются самые утопические идеи в отношении формы будущего пролетарского жилища. Несмотря на крайнюю бедность государства, и невозможность до 1924 г. осуществлять жилищное строительство, в этот период были предложены и опробованы на практике основные типы советского жилья, получившие распространение в последующие десятилетия.

Невзирая на обилие проектов, государство со своей стороны заняло выжидательную, осторожную позицию, призывая проектировать, понемногу строить и наблюдать, пытаясь окончательно соотнести утопические проекты построения социализма и соответственно этому выработки подлинно социалистического типа расселения и потребность обеспечить более-менее приемлемыми условиями проживания возрастающее городское население. Но основным критерием отбора тех или иных типов жилищного устройства оставалось стремление к экономии, призыв к которой сопровождал любое начинание.

Важным элементом в жилищно-коммунальном проектировании в 1920-е гг. являлась жилищно-строительная кооперация, на которую государство возлагало большие надежды. Именно кооперативное строительство стало своеобразным полигоном для обзора как предпочтений населения к

определенному виду жилища, так и способов его организации. Кооперация, пропагандируемая государством, в значительной степени возложила на плечи граждан решение насущных бытовых и жилищных проблем, она же должна была помочь государству и в проведении политики индустриализации, привлекая женское население к самоорганизации и высвобождению части женского населения для производства.

2.2. Государственная политика планирования жилищного пространства и архитектурные проекты жилищно-бытовой организации в 1930-е гг.

На июньском пленуме ЦК ВКП(б) 1931 г. вопросам жилищно-коммунального строительства вновь было уделено особое внимание. Улучшение жилищных и бытовых условий рассматривалось как средство «борьбы за пятилетку»¹⁹⁴. Власть использовала средство решения потребности рабочих в улучшении жилищных и бытовых условий в наиболее стратегически важных отраслях индустриализации. Так, например, признавая важность развития железнодорожного транспорта, одним из средств улучшения качества работы и производительности труда в данной отрасли, наравне с повышением заработной платы, улучшением снабжения, неперменной организации питания рабочих в столовых, признается необходимость улучшения жилищных и бытовых условий, для чего государство выделяет необходимые ассигнования¹⁹⁵. Такие же меры предполагалось применять и в наиболее значимых индустриальных регионах, требуя «ускорить темпы развития [...] жилищного хозяйства в соответствии с темпами и планами промышленного строительства» и, таким образом, чтобы

¹⁹⁴ Пленум ЦК ВКП(б). Москва. 11-15 июня 1931 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988): в 15 т. Т. 5. 1929-1932. М., 1984. С. 315.

¹⁹⁵ Там же. С. 311.

главная масса средств направлялась «в основные промышленные и городские центры по особому списку»¹⁹⁶.

Анализируя проблемы жилищного строительства в 1932 г., один из партийных работников К. Лопяло подчеркивал, что жилища рабочих с коллективным бытом обходятся дешевле в строительстве и эксплуатации на 20-30%¹⁹⁷. Но в соответствии с директивами Постановления ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» от 16 мая 1930 г., признавал необходимость строительства индивидуальных квартир, приспособив к ним необходимые бытовые учреждения на группу домов, обслуживающих около 500-600 человек¹⁹⁸. Именно такое направление в жилищном строительстве найдет наибольшее распространение в крупных советских городах в 1930-е гг. Будут продолжаться строиться, в большинстве своем, индивидуальные квартиры, заселяемые семьями покомнатно, реализуя идею возможности ведения индивидуального хозяйства и параллельно приобщая население к обобществленному быту. Данное положение представляет собой наибольшее противоречие в формировании жилого пространства советского человека в 1930-е гг., требующее, в первую очередь, обратиться к восприятию населением идей об обобществленном быте и коллективном проживании.

Мы не имеем достоверных сведений о точном количестве граждан, проживавших в домах-коммунах в 1920-х гг. Специальных исследований этого вопроса не проводилось. Историк Н.Б. Лебина отмечает, не ссылаясь на источник, что «в Москве уже к 1923 г. в коммунах проживало более 40% молодых рабочих»¹⁹⁹, объединявшихся для проживания в рабочих казармах с

¹⁹⁶ Пленум ЦК ВКП(б). Москва. 11-15 июня 1931 г... С. 323.

¹⁹⁷ Лопяло К. Жилище – рабочим! С. 34.

¹⁹⁸ Тем же. С. 35.

¹⁹⁹ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999. С. 164.

целью совместного преодоления бытовых трудностей²⁰⁰. Форма организации подобных объединений также доподлинно не установлена. В.И. Ленин еще в 1919 г. заметил, что «всякое предприятие, заводимое коммунистами или при их участии, сплошь и рядом сразу уже объявляется "коммуной"»²⁰¹. Поэтому сложно судить о том, что выступало для коммунаров первоосновой для обобществления быта - выгода в ведении совместного хозяйства, как это происходило в дореволюционных рабочих артелях и многочисленных фабричных казармах, из-за нужды в обеспечении элементарного бытового удобства и ввиду вынужденного совместного проживания в продолжавших существовать казармах, в новых уплотненных квартирах, или несло в себе, в первую очередь, идеологическую основу.

Государство в полной мере не отказалось от того пути, который был избран в 1920-е гг. Параллельно продолжали строиться и рабочие казармы (в особенности в индустриальных центрах). До середины 1930-х гг. еще идет строительство домов-коммун. Не отказывается правительство и от строительства общежитий, но идея немедленной коллективизации проживания и быта, в той форме, как она была предложена в ходе градостроительной дискуссии Л. Сабсовичем и М.А. Охитовичем, была отвергнута в полной мере из-за неподготовленности населения и финансовой невозможности приступить к такому радикальному переустройству жилого пространства советского человека.

Тенденции к индивидуализации жилого пространства не отменяли идею о минимизации затрат времени населения на решение вопросов бытового характера. Как и прежде, советские власти уделяли особое внимание организации системы общественного питания, воспитания детей,

²⁰⁰ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии... С. 164.

²⁰¹ Ленин В.И. Великий почин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 39. Июнь-декабрь 1919. М., 1974. С. 26.

прачечных, починочных мастерских и т.д. Так Генеральный план реконструкции Москвы 1935 г. предполагал: «для лучшего обслуживания населения города культурно-бытовыми учреждениями развернуть строительство сети школ, амбулаторий, столовых, детских садов, детских яслей, магазинов, физкультурных площадок и т.п.»²⁰². Единственным значимым изменением в организации социально-бытового и культурно-бытового обеспечения населения было изменение системы ее организации. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР считал неверным размещение детских садов, яслей и школ, клубов, кинотеатров в каждом отдельном доме, выступая за организацию служб культурно-бытового обслуживания населения «в центре ряда кварталов в расчете на обслуживание населения, проживающего не в одном, а в десятках домов»²⁰³. Тем не менее, предлагалось оснащать строящиеся рабочие жилища комплексом основных культурно-бытовых и лечебно-профилактических учреждений: школами, яслями, детскими садами, диспансерами, больницами, пунктами первой помощи, столовыми, клубами, механическими прачечными, банями²⁰⁴. То есть за основу была взята не характерная для 1920-х гг. идея о том, что каждый построенный дом должен представлять из себя своеобразный комбинат, полностью обеспечивающий бытовые потребности населения, а эти функции должны были отныне выполняться на уровне квартала, что было, несомненно, значительно экономически выгодней. Продолжалось и строительство пунктов бытового обслуживания более скромных размеров и в самих домах – самостоятельных столовых, прачечных, детских яслей²⁰⁵.

²⁰² Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). 10 июля 1935 г. // Генеральный план реконструкции города Москвы. Постановления и материалы. М, 1936. С. 12.

²⁰³ Там же. С. 12.

²⁰⁴ ГАРФ Ф. А314. Оп. 1. Д. 1. Л. 25

²⁰⁵ Кобалевский В.Л. Организация и экономика жилищного хозяйства СССР. М., 1940. С. 134.

В 1931 г. Постановлением Президиума ВЦИК учреждаются при Совете Народных Комиссаров РСФСР и Совнаркомах автономных республик Главные Управления Коммунального Хозяйства (ГУКХ), на которых будет возложено «руководство планировкой и застройкой существующих и вновь возникающих городов, планирование и регулирование коммунального хозяйства, жилищного дела, пожарной охраны и технико-экономическое регулирование непромышленного строительства (школьного, больничного, административных зданий и т.п.)»²⁰⁶.

19 августа 1931 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения общественного питания» в котором было дано руководство «развернуть общественное питание с таким расчетом, чтобы в ближайшие 2-3 года удвоить число рабочих, служащих и членов их семей, обслуживаемых общественным питанием, т.е. довести число обслуживаемых до 25 млн. чел. и добиться полного охвата горячими завтраками школьников и детей, обслуживаемых дошкольными учреждениями»²⁰⁷. 28-31 октября 1931 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) обсуждался вопрос «О развертывании советской торговли и улучшении снабжения рабочих»²⁰⁸, отмечалось недостаточное количество столовых и их непригодность к успешному обслуживанию²⁰⁹, наряду с решением о кардинальном улучшении работы

²⁰⁶ ГАРФ Ф. А314. Оп. 1. Д. 1. Л. 17

²⁰⁷ Постановление ЦК ВКП(б) от 19 августа 1931 г. О мерах улучшения общественного питания. Цит. по. : Перчик Л. Жилищный вопрос при капитализме и социализме. М., 1934. С. 71.

²⁰⁸ Постановление ЦК ВКП(б) от 28-31 октября 1931 г. О развертывании советской торговли и улучшении снабжения рабочих // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1971. Т. 5. 1931-1941. М., 1971, С. 16-19.

²⁰⁹ Там же. С. 18.

сферы общественного питания, отмечалась необходимость значительного увеличения сети магазинов²¹⁰.

Организация системы общественного питания в первой половине 1930-х гг. должна была решить еще одну важную государственную задачу - способствовать наилучшему распределению продовольствия среди рабочего населения. В январе 1931 г. была восстановлена карточная система госраспределения продуктов питания первой необходимости которая была отменена только в 1935 г. В этот период идея организации питания рабочих и членов их семьи в местах общественного питания при производстве должна была частично решить продовольственные затруднения государства.

После отмены карточной системы в 1935 г., как отмечает в своем исследовании системы снабжения Е.А. Осокина, когда было объявлено о том, что «жить стало лучше, жить стало веселее» в СССР произошло настоящее «обуржуазивание быта, насаждение потребительских ценностей»²¹¹, «магазины, полные товаров, служба быта, предлагающая разнообразные услуги, веселый досуг должны были вернуть интерес к работе, поднять производство и усилить приток денег в госбюджет»²¹². Система общественного питания в новой экономической ситуации должна была, в первую очередь, выполнять свои изначальные задачи - позволить населению переложить часть бытовых забот на государство, высвобождая время для отдыха, обучения, участия в общественной жизни (хотя, следует признать, и данная ситуация является исключительно идеальной, имеющей только косвенное отношение к существовавшей в стране действительности).

²¹⁰ Там же. С. 16.

²¹¹ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 2008. С. 230.

²¹² Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. С. 231.

В 1933-1934 гг. публикуются положения, связанные с улучшением планировки городов, что также являлось важным условием воплощения новой жилищной политики: Постановление ЦИК СССР N 70, СНК СССР N 1219 от 27.06.1933 «О составлении и утверждении проектов планировки и социалистической реконструкции городов и других населенных мест Союза ССР»²¹³, Постановление СНК СССР от 03.09.1934 N 2050 «О прекращении беспроектного и бессметного строительства»²¹⁴ и Постановление СНК СССР от 04.12.1933 «Об обязательном строительстве торговых помещений в новых домах»²¹⁵.

Постановление «О составлении и утверждении проектов планировки и социалистической реконструкции городов и других населенных мест Союза ССР» предусматривало утверждение схем планировки «Советом народных комиссаров Союза ССР по представлению советов народных комиссаров союзных республик и с заключением Государственной плановой комиссии Союза ССР и Всесоюзного совета по делам коммунального хозяйства при ЦИК Союза ССР»²¹⁶. В планировании застройки должны были учитываться следующие положения: обеспечение возможности дальнейшего развития и

²¹³ Постановление ЦИК СССР N 70, СНК СССР N 1219 от 27.06.1933 О составлении и утверждении проектов планировки и социалистической реконструкции городов и других населенных мест Союза ССР // КонсультантПлюс. [Б. м.], 2024. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16044> (дата обращения: 20.01.2024).

²¹⁴ Постановление СНК СССР от 03.09.1934 N 2050 О прекращении беспроектного и бессметного строительства // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4011.htm (дата обращения: 20.01.2024).

²¹⁵ Постановление СНК СССР от 04.12.1933 Об обязательном строительстве торговых помещений в новых домах // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3942.htm (дата обращения: 20.01.2024).

²¹⁶ Постановление ЦИК СССР N 70, СНК СССР N 1219 от 27.06.1933 О составлении и утверждении проектов планировки и социалистической реконструкции городов и других населенных мест Союза ССР. Ст. 3.

роста населенного места, благоприятных условий деятельности и развития новых и расширения существующих промышленных и транспортных предприятий, создание наиболее благоприятных условий труда и жизни населения, создание системы связанных между собой зеленых насаждений (парки культуры и отдыха, бульвары, скверы и т.п.). Требовалось предусматривать места для строительства учреждений по социально-культурному и бытовому обслуживанию в целях планомерной перестройки быта на социалистических началах²¹⁷. Положение «О прекращении беспроектного и бессметного строительства» предусматривало строительство исключительно при наличии «утвержденных в установленном законом порядке технических проектов и смет к ним»²¹⁸, при строительстве жилых домов требовалось наличие плана всего строительства.

Постановление «Об обязательном строительстве торговых помещений в новых домах» предусматривало обязательное обеспечение каждого нового строящегося городского дома торговой площадью. В многоэтажных домах для этих нужд должен был выделяться первый этаж строения, а в двухэтажных домах часть первого этажа²¹⁹.

Вышеуказанные положения свидетельствуют об усилении вмешательства государства в упорядочивание городского планирования, требование соблюдения определенных условий при проектировании должно было соответствовать общим архитектурным принципам застройки и планирования населенных пунктов, пресекается беспорядочное строительство.

²¹⁷ Там же. Ст. 5.

²¹⁸ О прекращении беспроектного и бессметного строительства. Ст. 1.

²¹⁹ Об обязательном строительстве торговых помещений в новых домах. Ст. 1.

В этом же году издается Постановление СНК СССР от 23.04.1934 № - 945 «Об улучшении жилищного строительства»²²⁰ провозглашающее недовольство существующей практикой жилищного строительства, которая «во многих случаях не соответствует росту культурного уровня и потребностей широких масс трудящихся»²²¹. Особое недовольство вызывает: низкое качество строительства и выполнения отделочных работ, низкие потолки, узкие лестницы, маленькие окна, тесные кухни, а также отсутствие подсобных помещений. Отныне власть обращает внимание на обязательное благоустройство не только внутренних помещений, но и тротуаров, зеленых насаждений вокруг дома²²². Для улучшения жилищного строительства закон утверждает строительство в городах капитальных домов не ниже 4 этажей с обязательным функционированием водопровода и канализации, с квартирами в 2-4 комнаты для семей²²³ и с отдельными комнатами для одиночек и бездетных пар²²⁴. При проектировании домов было предусмотрено: «оборудование в квартирах внутренних устройств - уборных, ванн или душей, чуланов, устройство хозяйственных помещений - прачечных, погребов, ледников, помещений для дров и др. с отводом для этого либо подвальных и полуподвальных этажей, либо специально построенных служб, устройство необходимых культурно-бытовых помещений - для яслей, для

²²⁰ Постановление СНК СССР от 23.04.1934 N 945 Об улучшении жилищного строительства // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16621> (дата обращения: 20.01.2024).

²²¹ Там же.

²²² Постановление СНК СССР от 23.04.1934 N 945 Об улучшении жилищного строительства... Ст. 1.

²²³ Там же. Ст. 2.

²²⁴ Там же. Ст. 3.

дневного пребывания детей дошкольного возраста»²²⁵. Нормы строительства, указанные в данном Положении, должны были начать применяться для домов, строительство которых должно было начаться 1 июля 1934 г.²²⁶.

Так вышеуказанные Положения дают представление о кардинальном изменении жилищной политики Советского руководства - намеченные в 1928 г. преобразования, выраженные в Постановлении «О жилищной политике», нашли свое полное воплощение в законопроектах 1933-1934-х гг. Отныне государство законодательно регулирует не только стоимость квартплаты, нормы выделяемой жилой площади и систему распределения жилья, но и устанавливает правила соответствия для проектов домов, кварталов, улиц, городов - жилищное строительство теперь подчинено общему плану преобразования окружающего пространства, что хронологически совпало с происходившими в этот период стилистическими преобразованиями в советской архитектуре.

В 1932-1934 гг. в жилищном и городском проектировании произошли значительные изменения, отразившиеся на жилищном законодательстве, связанные с периодом становления нового архитектурного направления.

В первую очередь, было изменено отношение к городскому планированию - отныне все строительство должно было быть подчинено строгому архитектурному единству и плану, утвержденному городскими властями. В представлении архитекторов, комплексное проектирование должно было предоставить возможность «полнее и ярче выразить в архитектуре большие идеи социалистического строительства»²²⁷, «дать

²²⁵ Постановление СНК СССР от 23.04.1934 N 945 Об улучшении жилищного строительства. Ст. 5.

²²⁶ Там же. Ст. 8.

²²⁷ Творческие пути советской архитектуры и проблема архитектурного наследия // Архитектура СССР. 1933. № 3-4. С. 22.

возможность подчинять единому архитектурному плану целостные комплексы-ансамбли»²²⁸.

Наибольшего значения идея комплексного планирования, подчиненного единому архитектурному стилю, достигла в Генеральном плане реконструкции Москвы 1935 г., согласно которому, строительство в городе могло производиться исключительно по согласованию с президиумом Московского совета²²⁹, регулировалась этажность возводимых зданий (не ниже шести этажей, а «на широких магистралях и в пунктах города, требующих наиболее выразительного и парадного оформления в 7-10-14 этажей»²³⁰). Перепланировка города предполагала достигнуть целостного архитектурного оформления «площадей, магистралей, набережных, парков, с использованием при строительстве жилых и общественных зданий лучших образцов классической и новой архитектуры»²³¹. Комплексный характер проектирования городской застройки расценивался как неотъемлемая черта новой советской архитектуры²³².

Идея цельности в стилистическом планировании города, а также комплексной застройки так и не была реализована в полной мере, но эти идеи значительно повлияли на жилищное строительство в середине - конце 1930-х гг. В этот период строительство жилых домов было тесно связано с реализацией общего плана реконструкции Москвы - дома строились как часть ансамбля, главенствующими были проблемы городского

²²⁸ Организация архитектурной и планировочной работы // Архитектура СССР. 1933. № 5. С. 3.

²²⁹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). 10 июля 1935 г. С.19.

²³⁰ Там же. С.12.

²³¹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). 10 июля 1935 г. С. 2.

²³² Архитектура в борьбе за качество // Архитектура СССР. 1933. № 2. С. 3.

архитектурного единства²³³. Примером тому может служить застройка набережных Москва реки и Яузы²³⁴, магистрали Можайского шоссе²³⁵, Садового кольца²³⁶, когда жилые дома расценивались как элемент архитектурного комплекса. На первый план выходило архитектурное оформление города, определявшее размеры необходимого жилищного строительства, а не жилищные потребности населения. Для обеспечения стилистического единства застройки магистралей был даже создан институт магистральных архитекторов, «ответственных за комплексную застройку магистрали в целом»²³⁷. Здания, возводимые вдоль магистралей, преимущественно должны были использоваться как жилые.

Требование к стилистическому единству выдвигало на первый план и качество оформления фасадов жилых зданий - особенно в центральной части города особое внимание уделялось парадному, величественному виду и художественные средства сталинского ампира в полной мере способствовали реализации поставленной задачи: «жилой дом на Моховой следует решать иначе, чем, например, по Брюсовскому переулку [...] . Этого требуют интересы главного, исходящие из интересов целого»²³⁸. Требование «красоты жилища»²³⁹ (относящееся, в первую очередь, именно к экстерьеру) становится в этот период наиважнейшим. При этом жилые здания должны были, сохраняя единство стилистическое, выглядеть достаточно разнообразно, что, по представлению архитекторов, обеспечивало

²³³ Мостаков А. Типы московских улиц и силуэт города // Архитектура СССР. 1940. № 4. С. 32.

²³⁴ План социалистической Москвы // Архитектура СССР. 1935. № 8. С. 1-4.

²³⁵ Длугач И. Опыт проектирования жилого комплекса на магистрали // Архитектура СССР. 1939. № 8. С. 37-40.

²³⁶ Колли Н. Архитектурный облик столицы // Архитектура СССР. 1940. № 4. С. 7-8.

²³⁷ Мостаков А. Типы московских улиц и силуэт города. С. 31.

²³⁸ Там же. С. 33.

²³⁹ Колли Н. Архитектурный облик столицы. С. 7.

сохранение «человечности радостного социалистического жилища»²⁴⁰. Для обеспечения разнообразия использовался метод членения построек, устройства выступов²⁴¹ и др. Возводимые жилые дома должны были украшаться советской эмблематикой, скульптурой, живописью, тематическими барельефами²⁴², широкими балконами, лоджиями, прозрачными колоннадами²⁴³. Выразительные архитектурные средства сталинского ампира должны были в полной мере выражать идеи социализма, идеи заботы о человеке²⁴⁴.

Так как стилистическая потребность грандиозности внешнего вида возводимых зданий вступала часто в противоречие с необходимостью удешевления строительства, в парадном оформлении фасадов использовались и искусственные материалы, позволяющие придать зданию «дорогой вид» при возможно минимальных затратах. Наиболее известным примером использования искусственного камня в отделке фасада жилого здания служит знаменитый дом на Моховой архитектора И.В. Жолтовского²⁴⁵.

Для жилищного проектирования 1930-х гг. свойственна еще одна интересная особенность - постоянное стремление к максимальному удешевлению жилищного строительства, при сохранении, как было сказано выше, неотъемлемой величественности и красоты оформления зданий. Высокая стоимость расценивалась как настоящий бич жилищного строительства в

²⁴⁰ Колли Н. Архитектурный облик столицы. С. 7.

²⁴¹ Там же. С. 8.

²⁴² Там же.

²⁴³ Солдатов С. Река Москва в планировке и архитектуре города // Архитектура СССР. 1940. № 4. С. 26.

²⁴⁴ Колли Н. Архитектурный облик столицы. С. 9.

²⁴⁵ Блохин В. Отделка и детали // Архитектура СССР. 1934. № 6. С. 28.

середине 1930-х гг.²⁴⁶, при этом параллельно шло улучшение качества построек - увеличение высоты жилых помещений, расширение лестничных клеток, запрет на установку деревянных лестниц, увеличение толщины стен²⁴⁷, качественное улучшение оформления внешнего вида жилых домов, стремление к использованию дорогостоящих материалов (или материалов имитирующих их) в отделке помещений, что в полной мере соответствовало принципам сталинского ампира, но новые архитектурные тенденции значительно влияли на удорожание стоимости жилстроительства. Поиски методов оптимально дешевого строительства жилых помещений без ущерба качеству их архитектурного оформления, занимали умы советских проектировщиков и архитекторов: задача архитектора сводилась к тому, чтобы «на минимум средств создать наибольшее количество жилой площади»²⁴⁸ с сохранением «богатства» внешнего вида.

Проблема максимального удешевления постройки жилых домов предлагалась решаться разными способами: максимально полезным использованием жилого пространства²⁴⁹, применением стандартизированного проектирования²⁵⁰, механизации строительства²⁵¹, применением изготовленных на производстве укрупненных строительных заготовок²⁵²,

²⁴⁶ Доклад В.И. Межлаука // Совещание по вопросам строительства в ЦК ВКП(б). М., 1936. С. 11.

²⁴⁷ Постановление СНК СССР от 23.04.1934 N 945 Об улучшении жилищного строительства.

²⁴⁸ Антипов П.И., Кочетов А.А. Типы рабочего жилья // За новое жилище. М., 1930. С. 107.

²⁴⁹ Хрущев Н.С. Речь на совещании по вопросам строительства. 14 декабря 1935 г. М., 1935. С. 20.

²⁵⁰ Мандалаян Т. Вопросы экономики и техники нашего строительства. С. 32.

²⁵¹ Там же. С. 27.

²⁵² Там же.

участием архитекторов во всех этапах строительства²⁵³, даже путем регулирования текучести труда в строительном производстве²⁵⁴ и притока населения²⁵⁵. Производились скрупулезные подсчеты того, на сколько будет удешевлено жилищное строительство при уменьшении площади лестничной клетки, при параллельном увеличении выходящих на нее квартир (строительство меньшего количества лестниц будет способствовать уменьшению эксплуатационных расходов по дому), уменьшению общей площади фасадов²⁵⁶ и т.д. Все эти способы экономии активно обсуждались архитекторами, строителями, высшим руководством на протяжении 1930-х гг., но качественных изменений так и не происходило, практически каждый проект заканчивался дефицитом бюджета. Причиной этому, по мнению современников, было стремление архитекторов к индивидуализму в творчестве, поклонение культу «свободного творчества»²⁵⁷, отстраненностью архитектурного планирования от непосредственного строительства. Задачей каждого архитектора должна была стать «борьба за каждый сантиметр площади и каждый килограмм строительных материалов»²⁵⁸.

Тем не менее, эксперименты в области удешевления жилищного строительства продолжались, так принципы механизации жилищного строительства были применены при постройке жилищного комплекса на

²⁵³ От проекта к его реализации // Архитектура СССР. 1933. № 1. С. 33.

²⁵⁴ Молотов В.М. О строительстве и задачах строителей. Речь 14 декабря 1935 г. М., 1935. С. 22-23.

²⁵⁵ Пузис Г. Коммунальное и жилищное хозяйство СССР за 15 лет. [Б. м.], 1932. С. 60.

²⁵⁶ Зальцман А. Глубина корпуса и экономика жилищного строительства // Архитектура СССР. 1939. № 8. С. 20-23.

²⁵⁷ Мандалян Т. Вопросы экономики и техники нашего строительства. С. 33.

²⁵⁸ Джус К. Конкурс на типовые проекты жилых секций // Архитектура СССР. М., 1938. № 11. С. 69.

улице Горького²⁵⁹, фасады этих домов облицовывались материалами и деталями, полностью изготовленными на специализированных заводах²⁶⁰.

Самым показательным примером применения принципа типизации строительства являлся проект архитектора А.Г. Мордвинова постройки двадцати трех типовых жилых дома скоростным конвейерно-поточным методом, одиннадцать из которых составляли архитектурный ансамбль на Большой Калужской улице в Москве²⁶¹. Построенные по единой технологии, но с изменением высоты некоторых домов, различного оформления фасадов, путем применения курдонер, раскреповки, выступов, колоннады, эркеров, башней и тому подобных аксессуаров, присущих «большой архитектуре»²⁶², жилые дома на Большой Калужской улице не выглядели однообразно – «конвейер строительства жилых домов [был] пущен в ход»²⁶³, по такой же системе был построен жилой корпус на Можайском шоссе (архитекторы М. Розенфельд, Г.Я. Вольфензон и В. Извеков)²⁶⁴.

В 1937 г. наступает новый переломный момент в жилищном праве СССР - публикуется Постановление ЦИК СССР N 112, СНК СССР N 1843 от 17.10.1937 «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах»²⁶⁵. Декларируя успехи социалистической

²⁵⁹ Вальденберг Р. Механизация строительных работ // Архитектура СССР. 1938. № 11. С. 14.

²⁶⁰ Иоффе С. Отделочные работы // Архитектура СССР. 1938. № 11. С. 16.

²⁶¹ Иоффе С. Дома на Большой калужской улице в Москве // Архитектура СССР. 1939. № 10. С. 14.

²⁶² Там же. С. 15.

²⁶³ Там же. С. 18.

²⁶⁴ Длугач И. Опыт проектирования жилого комплекса на магистрали // Архитектура СССР. 1939. № 8. С. 37-40.

²⁶⁵ Постановление ЦИК СССР N 112, СНК СССР N 1843 от 17.10.1937 О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024.

индустриализации, и обосновывая новые положения резким увеличением потребности в жилье населения, Постановление упраздняло жилищно-арендную кооперацию и союзы жилищно-строительной кооперации, упразднялся и закон 1928 г. «О мерах поощрения строительства жилищ за счет частного капитала». Все дома жилищно-арендной кооперации передавались в управление местных советов и государственных предприятий, дома, построенные жилищно-строительными кооперативами должны были быть изъяты, если кооперативы не погасят в течении 6 месяцев взятые на строительство ссуды²⁶⁶. Непосредственное управление государственным жилищным фондом возлагалось на местные советы и на государственные учреждения и промышленные предприятия в отношении домов, находящихся в их ведении²⁶⁷. Этот закон внес коренное изменение во все основные вопросы советского жилищного права, он упразднил жилищно-арендную кооперацию, создал новые формы управления государственным жилищным фондом, внес ряд новых правовых начал в порядок пользования гражданами жилищным фондом²⁶⁸.

Следует отметить, что с 1924 г. жилищно-арендная кооперация получила чрезвычайно широкое распространение, являясь основной формой управления муниципализированным жилищным фондом²⁶⁹. Государство всячески поощряло и жилищно-строительную кооперацию, возлагая на нее большие надежды в преодолении жилищного кризиса. За счет кооперативного строительства население имело возможность самостоятельно

URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5780> (дата обращения: 20.01.2024).

²⁶⁶ Постановление ЦИК СССР N 112, СНК СССР N 1843 от 17.10.1937 О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах. Ст. 4.

²⁶⁷ Там же. Ст. 8.

²⁶⁸ Аскиназий С.И. Советское жилищное право. М., 1940. С. 32-33.

²⁶⁹ Там же. С. 24.

решать проблему нехватки жилого фонда. Эта отрасль жилищного строительства давала право населению и участия в строительстве такого типа жилища, которое соответствовало его привычкам, предпочтениям, не подчиняясь исключительно установленным государством типам жилищного устройства.

В соответствии с новым законом значительно уменьшился жилищный фонд, дававший возможность населению право на свободную аренду жилья - новое законодательство допускало съем свободных жилых помещений в домах местных советов исключительно по распоряжениям (ордерам) жилищного управления отдела коммунального хозяйства местного совета²⁷⁰.

Законопроект стал основой для практически полного «прикрепления» трудящихся к производству. Так Статья 31 устанавливала порядок, в соответствии с которым съемщик мог быть выселен из занимаемой им площади без предоставления ему другой жилой площади в случае увольнения по собственному желанию из государственного учреждения, которому принадлежит жилое помещение, если съемщик будет уволен за нарушение трудовой дисциплины или иного правонарушения²⁷¹.

В условиях, когда значительно сокращался жилой фонд, право съема жилья в котором происходило на неограниченных условиях, данные положения означали фактическое «закрепощение» жильцов к предприятиям, на которых они работали и от которых им предоставлялось жилье.

Упразднение жилищно-строительной кооперации окончательно уничтожило какое-либо влияние народных масс на определение формы жилищно-бытовой организации в советском социуме. Члены жилищно-строительных кооперативов имели возможность самостоятельно выбирать

²⁷⁰ О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах. Ст. 23.

²⁷¹ Там же. Ст. 31.

подходящий для них тип строящегося жилья, принимая во внимание существующие правительственные постановления, но окончательное решение оставалось за членами кооператива. Отныне же население утратило право участия в строительстве, только государство оставило за собой возможность формировать тот тип жилища, который считало наиболее приемлемым для населения.

Таким образом, 1930-е гг. в процессе формирования социалистического типа жилища характеризуются тенденцией к унификации. Предложенное в 1920-х гг. разнообразие проектов по организации жилого пространства было в значительной степени стандартизировано. Официально не отвергая идеи продолжения поиска подлинно советского типа расселения и организации быта, государство постепенно подчинило жилищное строительство реализации собственных интересов, в полной мере ограничив какую-либо инициативу населения в данной области, монополизировав строительство жилых домов и их распределение среди населения. Подчиненными интересам государства оказались и проектные бюро, деятельность архитекторов, что также повлияло на значительное сокращение разработок в данной области.

Основными приоритетами государства в 1930-х гг. в области жилищного строительства были: во-первых, стимулирование населения через распределение жилья, а также через организацию бытового обслуживания к трудовой инициативе, подчиненной интересам индустриализации страны; во-вторых, реализация идеи перестройки советских городов, и, в первую очередь, столицы, архитектурный облик которой должен был демонстрировать всему миру успехи Советского Союза. В самом начале 1930-х гг. неоднократно высказывалась идея о необходимости обеспечения населения максимально комфортными условиями проживания в целях ограничения вредной для производства текучести рабочей силы. Не

добившись успеха в силу экономической невозможности быстрого удовлетворения потребностей растущего городского населения, а также населения в стратегически важных индустриальных центрах, власть к 1937 г. принимает наиболее простое решение, фактически закрепив рабочих к производству, ограничив какую-либо возможность смены места работы без потери жилища.

В области поисков социалистического типа жилища власть в 1930-х гг. также встает на путь наименьшего сопротивления, взяв за основу наиболее распространенный тип строительства индивидуальных квартир, имевший наибольшую популярность и среди основной массы населения. Не имея возможности обеспечить индивидуальным жильем каждую семью, индивидуального типа квартира, заселенная семьями покомнатно, в Советском Союзе приобретает своеобразную форму приобщения населения к идеям коллективного проживания, столь популярным в 1920-е гг. Тем не менее, строительство квартир выполняло поставленные задачи, стимулируя население к ударному труду в надежде на поощрение в виде расселения в более комфортабельное жилище.

Единственное, от чего власть в 1930-е гг. не отказалась, так это от идей широкого распространения бытового обслуживания населения. Было принято решения организовывать пункты обслуживания не в каждом доме, как проектировалось в 1920-е гг., а поквартально, что должно было, во-первых, снизить затраты на строительство, а, во-вторых, сделать места бытового обслуживания более доступными для населения. Но и сохранение идей необходимости бытового обслуживания несли в себе не столько заботу о человеке, сколько реализацию потребности широкого вовлечения женского труда в производство. Организация питания в столовых решала и проблему продуктового распределения в самые тяжелые годы, а также задачу

поощрения определенных групп населения через распределение особых продовольственных пайков в дальнейшем.

Единственной областью бытового устройства, которая постоянно развивалась, не испытывая каких-либо влияний со стороны изменения государственной политики, оставалась организация дошкольных учреждений. Идея размещения детей в яслях и детских садах получила наибольшую поддержку среди населения еще в 1920-е гг., эти идеи получили государственную поддержку и в 1930-е гг. Отвергнув путь полного общественного воспитания детей, в силу неготовности населения перейти к иной организации семьи, а также ввиду финансовой невозможности организации столь сложной системы воспитания, государство, тем не менее, осознавало важность участия в воспитании подрастающего поколения, которое, воспитанное на идеалах нового социалистического государства, должно реализовать в себе идею воспитания Нового советского человека.

ГЛАВА 3. ПРОПАГАНДА НОВЫХ УСЛОВИЙ КОММУНАЛЬНОГО БЫТА И ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЛИЩА В СМИ В 1920-1930-Е ГГ.

3.1. Пропаганда жилищно-бытовой организации в СМИ в 1920-х гг.

3.1.1. Реорганизация жилищно-бытового устройства в дискурсе «женских журналов» «Работница» и «Женский журнал» в 1920-е гг.

После окончания Гражданской войны власть начинает активную пропаганду идей обобществления быта. Одним из основных каналов продвижения вышеупомянутых замыслов становятся женские журналы «Работница», «Женский журнал», так как именно женское население должно было взять на себя решение основных вопросов реорганизации быта.

Возобновление издания журнала «Работница» в начале 1923 г. должно было способствовать повышению классовой сознательности женщин-работниц, пополнению «промышленности женскою трудящеюся силой», засвидетельствовать все достижения пролетарок в культурной работе, а также в строительстве нового быта²⁷² – эти задачи были поставлены редакцией в первом выпуске журнала в 1923 г. Кроме вышеперечисленных общих задач, женщины-работницы должны были направить все свои силы и на реализацию более насущных целей, стоявших как перед женским населением, так и перед всем Советским государством.

Пропаганда в журнале «Работница» была всецело направлена на повышение социальной активности советских женщин-работниц, домашних хозяек. В первую очередь, это была необходимость участия в деятельности

²⁷² От редакции // Работница. № 1. 1923. С. 1.

кооперации, нарсутов, в секциях Советов²⁷³. Делегатская работа имела целью подготовить женщину-общественницу к управленческой работе в Совете, Исполкоме, Завкоме²⁷⁴. От женщин-делегаток требовалось защищать интересы работниц в профсоюзах, участвовать в организации обучения в школах фабзавуча, на профтехнических курсах²⁷⁵. Также предполагалось, что работница должна участвовать в социальной работе: организации яслей, столовых, клубов, помощи детям-сиротам, сборе денег на общественные нужды. Все эти задачи воспитательной, управленческой, социальной работы должны были лечь на плечи каждой сознательной работницы и жены рабочего.

Необходимо отметить, что в дискурсе журнала «Работница» в 1923-1925 гг., среди затрагиваемых тем вопросы жилищного строительства и жилищной кооперации, организации яслей и детских площадок, общественного питания, обобществления быта и создания коммун значительно уступают прочим актуальным для той эпохи темам (см. Приложение 1). Так, например, в 1923 г. наибольшую популярность в дискурсе журнала имели темы важности делегатской работы, работы Женотделов (22 упоминания), описания жизни работниц (14,5 упоминания), внешней политики (13,5 упоминаний). При этом жилищный вопрос, кооперация и строительство обсуждается только один раз, организация общественного питания два раза, проблема организации яслей и детских площадок два раза, обобществления быта – четыре раза. В 1924 г. наиболее обсуждаемыми темами оставались необходимость делегатской работы, работы Женотделов (33,5 упоминаний), внешняя политика (23 упоминания),

²⁷³ Каптельцева Н. Делегатские собрания - школа коммунизма // Работница. № 16. 1924. С. 4-5.

²⁷⁴ Наказ делегатке // Работница. № 10. 1923. С. 12.

²⁷⁵ Там же.

смычка города и деревни (20,5 упоминаний), при этом в этот год повышается внимание к вопросу обобществления быта и созданию коммун (12,5 упоминаний), созданию яслей и детплощадок (7 упоминаний), тема организации столовых рассматривается четыре раза, жилищный вопрос, кооперация и строительство – два раза. В 1925 г. снижается интерес к вопросу делегатской работы (20 упоминаний), но увеличивается число статей, затрагивающих вопросы истории революции (25,5 упоминаний), снижается внимание к обзору вопроса обобществления быта и создания коммун (4 упоминания), тема яслей и детплощадок затрагивается уже чаще (12,5 упоминаний), организации общественного питания посвящено три статьи, жилищному вопросу, кооперации и строительству – четыре. Таким образом, из анализа контента журнала «Работница» за 1923-1925 гг., можно сделать вывод, что вопросы реорганизации советского быта и жилья не имели той популярности, какую имели иные насущные для Советского государства вопросы.

Приоритетность освещения тем не меняется на страницах журнала «Работница» и в 1926-1929 гг. Темы жилищно-бытовой реорганизации по-прежнему оставались на периферии внимания редакции журнала (см. Приложение 2). Например, в 1926 г. вопросу обобществления быта и организации домов-коммун посвящено три упоминания (4,5 в 1927 г., 0,5 в 1928 г. и 7 в 1929 г.), теме организации яслей и деплощадок – 8 статей и заметок (9,5 в 1927 г., 7,5 в 1928 г., 21,5 в 1929 г.), проблема общественного питания практически совсем не освещается в 1926-1928 гг. (по 0,5 упоминаний в 1926 и 1927 гг. и 2,5 упоминания в 1928 г.), но в 1929 г. теме посвящено шесть статей и заметок. Вопрос жилищной кооперации и строительства совсем не рассматривается в 1927 г. (2,5 упоминаний в 1926 и 1928 гг., 0,5 упоминаний в 1929 г.). При этом в эти годы по-прежнему уделяется самое большое внимание вопросу организации делегатской работы

(19 упоминаний в 1926 г., 27,5 в 1927 г., 20 в 1928 г. и 38 в 1929 г.), внешней политике (35 упоминаний в 1926 г., 37,5 в 1927 г., 20 в 1928 г., 30,5 в 1929 г.). Появляются и новые популярные темы: женское обучение; промышленность и работница; материнство и детство и др.

Таким образом, как и в 1923-1925 гг., в 1926-1929 гг. вопросы бытовой трансформации и жилищного строительства остаются на периферии внимания в тематике журнала «Работница». Так же, как и в 1923-1925 гг., основной темой, связанной с вопросами трансформации жилища и быта, оставался вопрос организации яслей. Повышение внимания редакции журнала «Работница» к решению проблемы создания яслей и детских садов, организации системы общественного питания происходит в 1929 г., когда назревает проблема вовлечения женщины в производство, а также приобретает важность задача экономии продовольственных ресурсов с целью минимизации затрат на питание населения и увеличения экспорта продовольствия.

Проблема реорганизации коммунального быта и общественного воспитания детей в соответствии с пропагандой в журнале «Работница» должна была полностью решаться собственными усилиями женщины-работницы: «государство наше бедно еще, оно не может построить в достаточной мере общественных учреждений, способных облегчить положение женщины. Нужна самостоятельность, инициатива самих работниц [...] в деле организации народного питания, в области охраны материнства и младенчества, социального воспитания»²⁷⁶. Предложенные издательством журнала «Работница» модели преобразования хозяйства и быта женщины-работницы можно разделить на две категории: организация системы общественного питания, прачечных, которая должна была существенно

²⁷⁶ Николаева К. РКП и задачи работниц // Работница. № 16. 1924. С. 2.

облегчить бытовые функции пролетарки, и коренное преобразование быта в целом через дома-коммуны, получившей меньшее распространение из-за сложности реализации данного проекта.

Организация системы общественного питания должна была выполнять ряд важнейших задач. С одной стороны, обобществление питания рассматривалось как основа для раскрепощения женщины-работницы, вовлечения ее в общественную работу, которая должна была способствовать более рациональному использованию трудового потенциала женского населения²⁷⁷. С другой, оно позволило бы массово экономить необходимые для государства ресурсы²⁷⁸ – эта идея, провозглашавшаяся еще социалистами-утопистами, являлась основополагающей для пропаганды организации системы общественного питания в 1923-1930 гг. на страницах журнала «Работница».

Общественные столовые, поддерживавшие систему распределения продовольствия в эпоху Гражданской войны, не получили должного распространения и популярности в период, когда продовольственная проблема была в основном решена: «столовые при фабриках и заводах не привлекают внимания и интереса работницы, ибо они все же еще не так организованы, чтобы она могла вместе со своими детьми пользоваться ими»²⁷⁹. Поэтому работницам было предложено принять активное участие в реорганизации системы общественного питания посредством кооперации – эта идея активно пропагандировалась на страницах журнала «Работница»²⁸⁰. В это же время в 1923 г. для развития системы общественного питания было

²⁷⁷ Кожаный П. Об общественном питании // Работница. № 10. 1923. С. 22.

²⁷⁸ Голос работницы // Работница. № 5. 1923. С. 15-16.

²⁷⁹ Нужна ли работнице организация быта на общественных началах // Работница. № 2. 1923. С. 17.

²⁸⁰ Досекин В. Кооперация – друг работницы и крестьянки // Работница. № 4. 1923. С. 17.

организовано паевое товарищество «Народное питание» («НАРПИТ»)²⁸¹. Но если централизованная деятельность Нарпита и выполняла поставленные перед ним задачи, то кооперация пролетарок по организации системы общественного питания в 1920-е гг. не получила практически никакого серьезного распространения. Так, например, в журнале «Работница» публикуется всего несколько сообщений о самостоятельной организации питания на общественных началах²⁸² через кооперацию работниц и общественниц. Основная же доля успешно реализованных проектов по созданию общественных столовых в 1923-1929 гг. связана с деятельностью предприятий.

В 1929-1930-х гг., в связи с реализацией задач первого пятилетнего плана, возрастает необходимость вовлечения женщин в производство, экономии продовольствия, топлива с целью минимизации расходов на обеспечение граждан и использования сэкономленных средств для нужд индустриализации. В этот момент идея обобществления системы питания приобретает еще большую остроту, реализация плана по экономии выражается в идеях экономии хлеба за счет развития системы общественного питания: «столовая не сумела привлечь к себе женщину. По приблизительному подсчету, один Ленинград выбрасывает в объедках до 11,5 тонн хлеба в день, а Москва ежедневно выбрасывает изломанного, искрошенного хлеба около 13 тонн»²⁸³, т.е. участие женщин в организации и контроле за деятельностью столовых должно было минимизировать продуктовые остатки и тем самым способствовать обширной экономии.

²⁸¹ Кожаный П. Об общественном питании // Работница. № 10. 1923. С. 22.

²⁸² Куропаткова. Церковь под столовую // Работница. № 6. 1925. С. 13.; Калинин А. Новый быт и кооперация // Работница. № 12. 1925. С. 8.; Юнпроф М. У ярцевских текстильщиц // Работница. № 12. 1925. С. 10-12.; Терехов К. Наша столовая // Работница. № 12. 1925. С. 13-14.

²⁸³ Микулина Е. По рабочим столовым // Работница. № 5. 1929. С. 4.

Другой оригинальной идеей, относящийся к данному периоду и требовавшему участия женщин, стала идея о необходимости горожанок разведения в городе кур и поставки яиц на экспорт: «продукты птицеводства являются также одной из основных статей нашего экспорта»²⁸⁴. Не менее причудливым был план по сбору утильсырья, которым должны были заняться женщины, а полученные средства должны были быть «переданы в фонд коллективизации»²⁸⁵ или по общественному сбору лечебных трав, грибов и ягод²⁸⁶. Все эти проекты были напрямую связаны с идеей обобществления быта, которая должна была не только стать базой для создания принципиально иной системы общественных и семейных отношений, т.н. «нового быта», но и минимизировать расходы на продовольственное снабжение населения, трудовые затраты на приготовление пищи и воспитание детей, перенаправив высвободившиеся трудовые и материальные ресурсы на реализацию задач индустриализации.

Еще меньшую популярность в пропаганде на страницах журнала «Работница» в 1923-1929-е гг., получает идея организации обобществленной системы стирки белья, несмотря на то, что проблема была достаточно актуальной, т.к. в городах стирка и сушка белья была осложнена²⁸⁷. На страницах журнала «Работница» в 1923-1929-х гг. женщинам предлагалось пользоваться механизированными прачечными, но они оставались еще слишком недоступны из-за отдаленности от места проживания основной части рабочего населения и дороги для большей части тружениц²⁸⁸, также

²⁸⁴ Акимов М. Дадим стране десятки тысяч тракторов. Соберем 20 тысяч вагонов яиц // Работница. № 16. 1930. С. 18.

²⁸⁵ Как работают жены рабочих – домохозяйки // Работница. № 18. 1930. С. 13.

²⁸⁶ Организуем общественный сбор грибов и ягод // Работница. № 20. 1930. С. 15.

²⁸⁷ От корыта и проруби // Работница. № 18. 1928. С. 14.; Наказ // Работница. № 39. 1927. С. 17.; Женская страда // Работница. № 10. С. 17.

²⁸⁸ Юнпроф М. У ярцевских текстильщиц // Работница. № 12. 1925. С. 12.

отмечался их недостаток из-за порчи белья. Кооперация в создании общественных прачечных часто была нерезультативной из-за отсутствия технической базы и подходящих помещений.

Немного лучше реализация идеи обобществления быта осуществлялась в немногочисленных коммунах, организовывавшихся в первой половине 1920-х гг., как правило, при фабриках и заводах и, по сути, являвшихся общежитиями несемейных тружениц²⁸⁹. Правда, следует заметить, что пользование услугами столовых здесь было не столько желанием, сколько насущной потребностью из-за ужасающей тесноты в подобных «коммунах». Так, например, на Московской фабрике Трехгорной мануфактуры женская «коммуна» в 1923 г. представляла собой огромное помещение с многочисленными, стоящими в ряд кроватями, пространство под которыми использовалось как хранилище для личных вещей. Никакой возможности для индивидуального приготовления пищи здесь не было и пользование столовой являлось насущной необходимостью.

Немногочисленные сообщения в журнале «Работница» об организации жилища в кооперативных поселках свидетельствуют, что несмотря на пропаганду, система организации общественного обслуживания (столовых, прачечных, починочных и др.) и здесь не получила никакого распространения²⁹⁰. Немногочисленное строительство жилых домов, приходившееся на 1923-1925 гг., демонстрирует стремление к строительству домов с индивидуального типа квартирами и кухнями. Редакция журнала «Работница» настаивала на том, что именно женщины должны были

²⁸⁹ Санжарь Н. «Прохоровка» // Работница. № 10. 1923. С. 23-24.; Елпидифорова Е. Живем по новому // Работница. № 16. 1924. С. 16-17.; Маллори Д. У джутовок // Работница. № 6. 1925. С. 12.; Паэгли А. Быт работниц «Цинделевски» // Работница. № 10. 1925. С. 10.

²⁹⁰ У галошниц // Работница. № 20. 1924. С. 25-27.; Чернышева Е. Как строится новая жизнь // Работница. № 24. 1924. С. 17-18.; О старом и новом // Работница. № 3. 1925. С. 13-14.

требовать при строительстве организации прачечных, яслей, общих столовых, как наиболее заинтересованные в реорганизации быта²⁹¹.

Иным важным элементом обобществления быта должна была стать организация общественного воспитания детей. Эта проблема широко популяризировалась в журнале «Работница», занимая по популярности ведущие позиции среди иных актуальных тем, обсуждавшихся в 1923-1929-х гг. (см. Приложение 1 и 2). И именно участие в организации детских яслей, площадок, детских садов получило наибольший отклик среди женского населения Советской России: работницы, делегатки, домашние хозяйки принимали активное участие в устройстве этих учреждений²⁹², поддерживаемые государственной пропагандой.

Организация воспитания детей на общественных началах имела первостепенную важность в рамках агитации среди женского населения на страницах журнала «Работница», на базе анализа которого выявляются две основные функции, которые должны были выполнять детские учреждения. Во-первых, освободить женское население для участия в трудовой и общественной деятельности, обучении²⁹³. С целью вовлечения женщин-матерей в общественную жизнь пропагандировалось в т.ч. и открытие детских комнат при клубах²⁹⁴. Во-вторых, детские дошкольные учреждения должны были в значительной мере способствовать коммунистическому воспитанию детей. Поэтому пропагандировалась необходимость посещения детьми яслей даже в семьях, где жена рабочего, являясь домохозяйкой, могла

²⁹¹ Работница и жилищное строительство // Работница. № 3. 1926. С. 9-10.

²⁹² Прохоровка // Работница. № 3. 1923. С. 20.; Как живет 2-ая республиканская костромская текстильная фабрика // Работница. № 4. 1923. С. 18-19; Ясли на "Балашихе" // Работница. № 6. 1923. С. 15.

²⁹³ Дети и родители // Работница. № 6. 1926. С. 14.

²⁹⁴ Федорова В. Детские комнаты при клубах // Работница. № 6. 1926. С. 14.; Быт работниц по их письмам // Работница. № 1. 1926. С. 15.

самостоятельно ухаживать за детьми, и объяснялось потребностью в обучении детей, которое в домашних условиях не могло быть обеспечено в достаточной степени²⁹⁵.

Трудовое воспитание, реализуемое в школах-коммунах, по своей сути повторяло систему воспитания детей, предложенную еще в проектах социалистов-утопистов. Дети, воспитывавшиеся отдельно от родителей под руководством опытных воспитателей, получали образование в процессе практической деятельности. На страницах журнала «Работница» публиковались отчеты о воспитании в опытно-воспитательных школах-коммунах, которые агитировали читательниц журнала организовывать обучение детей по схожей модели²⁹⁶. Кроме яслей, детских садов, школ-коммун предлагалось организовывать летние детплощадки для наилучшего отдыха детей. В устройстве которых также должны были активно участвовать делегатки и работницы²⁹⁷.

Остро обсуждался вопрос о невозможности обеспечить всех детей местами в дошкольных учреждений²⁹⁸, поэтому именно женский актив должен был самостоятельно решать эту проблему, подключая все имеющиеся средства и силы, так как государство было не способно самостоятельно обеспечить организацию сети детских учебных заведений по причине бедности²⁹⁹. Предлагалось самостоятельно искать подходящие помещения для организации дошкольных учреждений, делать ремонт, искать

²⁹⁵ Ясли – родное детище работницы // Работница. № 6. 1926. С. 14.; Детские сады – школа октябрят // Работница. № 20. 1926. С. 23.

²⁹⁶ Сергеева В. В гостях у маленьких коммунаров // Работница. № 3. 1923. С. 13-14.; Качурина В. Новые школы – дворцы // Работница. № 3. 1928. С. 7-10.

²⁹⁷ Работницы, организуйте детплощадки // Работница. № 11. 1927. С. 12-13.

²⁹⁸ Наши дошкольные учреждения не могут обслужить всех детей // Работница. № 24. 1926. С. 29-30.

²⁹⁹ У работниц Ленских приисков // Работница. № 19. 1924. С. 6.

необходимый инвентарь³⁰⁰. В ряде случаев на организацию дошкольных учреждений при фабриках и заводах организовывался сбор средств на субботниках³⁰¹ или через отчисления из заработной платы³⁰². Советские женщины должны были позаботиться и о детях-сиротах, оставшихся на улице в годы Гражданской войны и голода³⁰³.

Таким образом, проблема улучшения системы коммунального быта не нашла широкого распространения в журнале «Работница» в 1920-х гг., значительно уступая по популярности иным более актуальным на тот момент вопросам (например, вопросам смычки города и деревни, увеличения производительности труда на заводах, участию женщин в делегатской работе и др.). Основная идея, пропагандируемая редакцией журнала «Работница», заключалась в том, что сами женщины-работницы, жены рабочих должны взять в свои руки и самостоятельно осуществлять задачи по преобразованию своего быта. В 1920-е гг., когда женская безработица оставалась еще достаточно высокой, и значительная часть горожанок оставалась домохозяйками, бытовые сложности не воспринимались еще так остро, поэтому не находили столь явного отражения в дискурсе журнала «Работница». Соответственно не наблюдается и ответного энтузиазма среди женщин-работниц, домохозяек в реализации поставленных пропагандой задач преобразования быта. В журнале периодически публикуются отчеты об успехах в вопросах реорганизации бытовых условий на общественных

³⁰⁰ Сумели добиться // Работница. № 22. 1924. С. 27.; У работниц Кулебакского завода // Работница. № 7. 1925. С. 11.; Дождались! // Работница. № 28. 1927. С. 17.; Загадочная картинка // Работница. № 4. 1929. С. 20.

³⁰¹ Международный день работницы // Работница. № 4. 1923. С. 2.; Работницы улучшают свой быт // Работница. № 4. 1923. С. 19.; "Неделя охраны материнства и младенчества" // Работница. № 6. 1923. С. 34-35.; Равняйтесь по Глуховке // Работница. № 9. 1928. С. 15.

³⁰² Микерина Е. Включили в колдоговор // Работница. № 9. 1928. С. 16.

³⁰³ Откуда они - беспризорные дети? // Работница. № 5. 1923. С. 4-5.; Помощь беспризорным // Работница. № 6. 1926. С. 17-18.

началах, но данные сообщения достаточно разрозненны. Как правило, если и удавалось как-то преобразовывать систему бытовой организации рабочих в 1920-х гг., то это делалось на базе и при активном участии предприятий, которые принимали не только финансовое, но и организационное участие в реализации проектов создания столовых и дошкольных учреждений.

В 1926-1930 гг. издательством «Огонек» выпускался «Женский журнал». В отличие от журнала «Работница», который издавался для женщин, вовлеченных в производство, «Женский журнал» был адресован, в первую очередь, домохозяйкам. Редакция журнала, обращаясь к своей аудитории в первом номере журнала 1927 г. (второй год издания), высказала необходимость выпуска специализированного издания, обосновывая это тем, что «домашние хозяйки и являются той группой женщин, которые глубже всех замкнуты в 4-х стенах своей отдельной комнаты или квартиры, больше всех отрезаны от общественной жизни, меньше всех имеют возможность заниматься чтением общих книг и журналов»³⁰⁴. Соответственно и тематика «Женского журнала» существенно отличалась от журнала «Работница»: много тем было посвящено моде, питанию, рукоделию, публиковались полезные советы по ведению быта.

Вопросам обобществленного питания и воспитания детей, жилищному вопросу, обобществления быта в 1926-1927 гг. в «Женском журнале» уделялось еще меньше внимания, чем на страницах журнала «Работница». В основном это были не призывы к самостоятельной организации системы общественного питания или яслей, а сообщения о достигнутых успехах НАРПИТа³⁰⁵, архитекторов, проектирующих рабочее жилище³⁰⁶. Даже общие пропагандистские призывы о необходимости освободить женщину от «гнета

³⁰⁴ Каким должен быть «женский журнал» // Женский журнал. № 1. 1927. С. 1.

³⁰⁵ Новые достижения НАРПИТ'а // Женский журнал. № 1. 1926. С. 4.

³⁰⁶ Какая нам нужна комната // Женский журнал. № 5. 1927. С. 37.

горшка и ухвата», о раскрепощении советской женщины и ее активного участия в производственной и общественной деятельности крайне редко встречаются на страницах «Женского журнала», уступая место более практическим советам о том, как сохранять безопасность в коммунальных квартирах³⁰⁷ или обустраивать детскую комнату³⁰⁸.

Тематика «Женского журнала» существенно меняется в изданиях 1928-1930-х гг.: усиливается пропаганда обобществления быта, больше внимания уделяется освещению политических и внешнеполитических проблем. Переход к индустриализации, требовавший неимоверных усилий со стороны государства и граждан в аккумуляции всех имеющихся ресурсов (экономических, трудовых), существенно изменил понимание роли женщины (в т.ч. и домохозяйки) в системе общественного производства: «индустриализация страны, коллективизация хозяйства, кооперирование населения, борьба за снижение цен, проведение режима экономии и повышение культурного уровня всей страны – вот поле, на котором должны применить свои силы трудящиеся женщины»³⁰⁹. Необходимость вовлечения женщины в трудовые и общественные отношения стала приобретать все большую актуальность, что повлияло на тематическое содержание «Женского журнала».

Именно с 1928 г. все больше сообщений в «Женском журнале» содержало призыв к необходимости обобществления быта при активном самостоятельном участии женщин в организации системы общественного воспитания детей, приготовления пищи. Домашние хозяйки все чаще призывались к членству в кооперации с целью организации придомовых

³⁰⁷ Запирайте двери // Женский журнал. № 7. 1927. С. 33.

³⁰⁸ Детская // Женский журнал. № 6. 1927. С. 3.

³⁰⁹ 8-е марта // Женский журнал. № 3. 1928. С. 1.

столовых³¹⁰ и яслей³¹¹. Редакция призывала домохозяек активно включаться в процесс культурного переустройства быта³¹²: создавать кооперативные столовые³¹³, участвовать в жилкооперации³¹⁴, создавать условия для полного обобществления быта³¹⁵. Затрагивались вопросы не только обобществления питания, воспитания детей, но и пропагандировалась идея активного участия домашних хозяек в разнообразной хозяйственной деятельности, направленной на улучшение не только жизни женщин, но и приносящей пользу государству: «производственные артели, организованный сбор сырья, отбросов, сбор лекарственных трав, общественные огороды, сады и другие виды самого разнообразного обобществленного труда – вот способы и личного заработка и организационной помощи государству, не говоря уже о том, что именно такой путь ... поможет изжить безработицу»³¹⁶.

Агитация среди домашних работниц необходимости участия в бытовой коллективизации отличалась от адресованной трудящимся женщинам. Так, например, в «Женском журнале» давались практические рекомендации об

³¹⁰ Как мы организовали общее питание // Женский журнал. № 5. 1928. С. 20.; Кооперативная столовая // Женский журнал. № 4. 1929. С. 23.

³¹¹ Без бытовых пут // Женский журнал. № 3. 1929. С. 3.

³¹² Шестакова Е. 8-е марта // Женский журнал. № 3. 1929. С. 2.

³¹³ Кооперативная столовая // Женский журнал. № 4. 1929. С. 23.; Организация коллективного питания в доме // Женский журнал. № 10. 1929. С. 24.; Пятилетка общественного питания // Женский журнал. № 11. 1929. С. 14.; Беседы по коллективизации быта // Женский журнал. № 1. 1930. С. 22.; Алексеева Н. Обед из столовой на дом // Женский журнал. № 2. 1930. С. 23.; Беседы по коллективизации быта // Женский журнал. № 3. 1930. С. 22.; [и др.].

³¹⁴ Островская Н. Через жилкооперацию к культурному быту // Женский журнал. № 7. 1929. С. 4.

³¹⁵ Из душевных каморок навстречу социалистическому быту // Женский журнал. № 3. 1930. С. 4-5.

³¹⁶ Мансветов В. Реальная зарплата должны быть увеличена с помощью и участием домашних хозяек // Женский журнал. № 4. 1930. С. 4.

открытии самодеятельных столовых³¹⁷: рассматривались вопросы поиска подходящих помещений, организации закупок, ведения учета и т.д. Здесь же публиковались немногочисленные отчеты об успехах домохозяек в реализации поставленной задачи. Так, например, показательным считался опыт организации столовой «Самодеятельность», реализованный московскими домохозяйками в конце 1928 г.³¹⁸ Пример данной кооперации домашних хозяек должен был стать базой для дальнейшего продвижения идеи коллективизации системы питания усилиями домашних хозяек и активно пропагандировался в «Женском журнале» в рубрике «Беседы по коллективизации быта»³¹⁹ в 1930 г. По данным, представленным в «Женском журнале», организация самодеятельных столовых в Москве имела определенный успех: «количество самодеятельных столовых в Москве быстро растет. Еще два месяца назад их численность 33, в начале мая – 53, в начале июня 68»³²⁰.

Следует также отметить, что среди основных направлений коллективизации быта (питание, воспитание детей, стирка белья) в журнале «Работница» наибольшую популярность приобретает идея общественного воспитания детей (организация яслей и детских садов), а в «Женском журнале» приоритетной выступает необходимость участия домохозяек в организации системы общественного питания: вопросу организации дошкольных учреждений посвящено всего несколько заметок³²¹. Это

³¹⁷ Беседы по коллективизации быта // Женский журнал. № 1. 1930. С. 22.

³¹⁸ Кооперативная столовая // Женский журнал. № 4. 1929. С. 23.

³¹⁹ Беседы по коллективизации быта // Женский журнал. № 1. 1930. С. 22.; Беседы по коллективизации быта // Женский журнал. № 2. 1930. С. 22-23.; Беседы по коллективизации быта // Женский журнал. № 3. 1930. С. 22.

³²⁰ Соломонов М. Что дал смотр самодеятельным столовым? // Женский журнал. № 8. 1930. С. 4.

³²¹ Кальма А. Без бытовых пут // Женский журнал. № 3. 1929. С. 3.; Нисневич Н. Создание яслей – должно стать делом самого населения // Женский журнал. № 12. 1930. С. 21.

объясняется тем, что в 1929-1930-х гг., несмотря на заявленную необходимость включения женщин в трудовые отношения, злободневной потребности в женском труде еще не наблюдается и поэтому вопрос обобществления воспитания детей для жен рабочих и служащих не имеет столь острой нужды. Хотя уже в конце 1930-х гг. (последний год выхода «Женского журнала») риторика в отношении участия женщин в производстве заметно меняется. Например, в сообщении об открытии общественных столовых в Москве, автор заметки сетует на то, что приходится брать на работу только что прибывших из деревни, хотя «хороший отбор можно было бы сделать из среды жен рабочих и служащих ближайших фабрик, заводов и рабочих домов»³²².

Таким образом, как в «Женском журнале», так и в журнале «Работница» в 1920-е гг. пропаганде идей обобществления быта уделялось крайне скромное внимание по сравнению с освещением иных актуальных на тот момент тем. В журнале «Работница» приоритет имели темы, посвященные смычке города и деревни, участия работниц в общественной деятельности, положения женщин в социалистическом государстве и др., в «Женском журнале» основное внимание уделялось темам моды, гигиены и др. Немногочисленные примеры устройства общественных столовых, яслей, детских садов, строительства кооперативных домов и домов-коммун не широко популяризировались на страницах «женских журналов», часто ограничиваясь общими пропагандистскими тезисами о необходимости освобождения советской женщины от «гнета горшка и ухвата». Вся ответственность за реализацию вышеуказанных задач обобществления быта также практически всецело возлагалась на женщину: работницы,

³²² Сомов И. Домашние хозяйки – кадры общественного питания // Женский журнал. № 11. 1930. С. 7.

общественницы, домохозяйки должны были решать те проблемы, которые не в состоянии на тот момент было решать государство.

Изменение ситуации наблюдается к концу 1920-х гг., что было связано с началом первой пятилетки, когда становится очевидной нужда государства в участии женщин в производстве. Именно с началом первой пятилетки в женских журналах наблюдается возрастание пропаганды идей обобществления быта. Призывы к участию женщин в трансформации быта из формально-агитационной формы, характерной для начала 1920-х гг., приобретают форму более практическую: даются конкретные рекомендации как самостоятельно организовывать самодеятельные столовые, ясли, о необходимости участия женского актива в надзоре за деятельностью уже действующих столовых, прачечных, дошкольных учреждений. Но изменение пропагандистской активности в СМИ не оказывали глубокого влияния на изменении ситуации в вопросе бытовой реорганизации.

Идеи обобществления быта не получали широкого отклика среди читательниц журнала «Работница» и «Женского журнала». Немногочисленные отчеты о самодеятельной организации столовых, яслей дают представление о неготовности советских женщин участвовать в осуществлении пропагандистских идеи трансформация бытовой организации на общественных началах в тех масштабах и формах, которые предлагались для реализации через СМИ. Изменение бытового уклада: переход к обобществленной системе питания, воспитания детей, стирки белья, которое должно было стать базой для формирования т.н. «Нового быта», сформировать «нового советского человека», не нашло широкой поддержки по разным причинам.

Во-первых, слом традиционных семейных ценностей, связанных с сохранением укоренившихся социальных ролей женщины-матери, женщины-хозяйки, был невозможен в той радикальной и быстрой форме, как это

предлагалось осуществить советской пропагандой. Если необходимость в организации яслей и детских садов носила практический характер, давая возможность женщинам-работницам спокойно участвовать в производстве, и поэтому в большей степени поддерживалась женским населением, то система общественного питания никакой существенной практической пользы не приносила и поэтому не находила отклика. Советский общепит не справлялся с задачей обеспечения советской семьи дешевым и доступным питанием – практически все неодобрительные заметки в СМИ в 1920-х гг., критикующие систему общественного питания, указывают на дороговизну, антисанитарию и отдаленность столовых от мест проживания рабочих. Это означало, что сохранение роли женщины-хозяйки в советской действительности в 1920-е гг. оставалось насущной необходимостью.

Во-вторых, неготовность государства осуществлять реальное массовое участие в решении вопроса трансформации быта не могла создать действительных условий для кардинальных преобразований: неподготовленность инфраструктуры, отсутствие централизованно реализуемой градостроительной политики приводило к хаосу в решении проблемы реорганизации быта на общественных началах, что в свою очередь существенно отталкивало женское население не только от самостоятельного участия в предлагаемых проектах организации столовых, прачечных, яслей, но и приводило к отторжению самой пропагандируемой идеи. Рассматривая пропагандистские призывы, распространяемые на страницах женских журналов в 1920-х гг., следует отметить их однообразность. Повторение единообразных клише об освобождении «от гнета горшка и ухвата», о связи женской эмансипации и решения проблемы обобществления быта, перенос всей ответственности за решение данной проблемы на женщин не могло приводить к искреннему принятию и распространению идей бытовой реорганизации.

Немногочисленные проекты самодеятельной организации общественных столовых или яслей осуществлялись, как правило, по двум причинам: или по причине реальной насущной необходимости, например, среди женщин-работниц, которые испытывали острую нужду в обеспечении безопасности и защиты своих детей, находившихся без должного надзора во время их работы, или по причине общественной активности женщин-домохозяек, которые имея необходимые ресурсы (свободное время, доступ к административному ресурсу), участвовали в реализации бытовой реорганизации в т.ч. обеспечивая себе и своим мужьям-служащим некоторое подтверждение статуса идейной верности призывам партии большевиков. Это подтверждается как географической локализацией реализации проектов по реорганизации быта (так самодеятельное создание яслей больше характерно для рабочей периферии, а создание столовых для центральных регионов столицы), так и социальной спецификой (жены служащих чаще принимали участие в организации общественных столовых, а женщины-работницы в создании яслей).

Таким образом, при отсутствии четко организованной и реализуемой государственной политики по реорганизации быта, пропаганда данных идей работала слабо, воплощаясь исключительно в тех отраслях, в которых женщины были лично заинтересованы, исключая возможность какой-либо массовой бытовой трансформации.

3.1.2. Идеи обобществления быта в общественно-политическом журнале «Огонек»

На фоне не столь широкого пропагандистского внимания к вопросам трансформации быта на страницах «женских журналов», интересно направление освещения данного вопроса в общественно-политическом журнале «Огонек», издание которого было возобновлено в 1923 г. В отличие

от пропаганды идей обобществления быта на страницах «женских журналов», статьи в журнале «Огонек» имели обще-агитационный характер, лишенный гендерной специфики, характерной для журналов «Работница» и «Женского журнала».

В журнале «Огонек» в 1923-1929-х гг. особенное внимание уделялось жилищной проблеме. Большая доля публикаций, посвященных пропаганде идей жилищно-бытовой реорганизации, затрагивала жилищные вопросы. Существенная часть данных сообщений носила критический характер³²³, описывая ужасающее жилищное положение в стране: крайне неблагоприятные санитарные условия проживания, распространение болезней (например, туберкулеза), «могильные нормы» жилой площади, протечка крыш, канализации³²⁴. Все эти проблемы были актуальны практически для всех промышленных центров, но особенно острыми они были в Москве.

В качестве причин жилищного кризиса в Москве указывались: приостановление строительства с 1914 г.; перевод в новую столицу правительственных учреждений, под которые пришлось выделять в т.ч. площади в жилом фонде; переселение рабочего населения в центральный район из ветхого жилья на окраинах города³²⁵. Жилищный дефицит был объявлен одним из наиболее острых вопросов, требовавших немедленного решения: «без жилья для рабочих — промышленность не может нормально

³²³ Жилищный кризис в Москве // Огонек. № 1. 1923. С. 17-18.; Рабочий поселок в Иваново-Вознесенске // Огонек. № 1. 1926. С. 16.; Погодин Н. В московской квартире тесновато... // Огонек. № 9. 1927. С. 9-10.

³²⁴ Советские фарфорщики. Борьба за просторную жизнь // Огонек. № 43. 1925. С. 13-14.; Жилищный кризис в Москве // Огонек. № 1. 1923. С. 17-18.

³²⁵ Жилищный кризис в Москве // Огонек. № 1. 1923. С. 17-18.

развиваться. В скученности населения — начало эпидемий. На жилищной почве разыгрываются житейские драмы, самоубийства и пр.»³²⁶.

В качестве решения проблемы предлагалось, во-первых, отремонтировать уже существующий жилой фонд³²⁷, поощрять кооперативное строительство³²⁸. С началом НЭПа ремонт собственными усилиями граждан давал льготы на долгосрочную аренду³²⁹, что должно было привлечь к благоустройству разрушенных в эпоху Гражданской войны домов, оставшихся без отопления, ремонта, покинутых гражданами. Также предлагалось в 1923 г. возобновить жилищное строительство с использованием т.н. «стандартного строительства»³³⁰. Эти меры, пользовавшиеся определенной популярностью в первые годы НЭПа, тем не менее, не решали проблему жилищного кризиса и обобществления быта.

Во-вторых, на страницах журнала «Огонек» особенное внимание уделялось вопросу обобществления быта и решения проблемы жилищного кризиса через создание домов-коммун. По заявлению в статье «Дома-коммуны в Москве»³³¹ в журнале «Огонек» данная форма жилой организации всячески поддерживалась властью после Октябрьской революции и пользовалась большой популярностью среди рабочего населения: «в середине 1920 г. в дома-коммуны было переселено 33 481 раб. и 12.394 служащих, занято более 600 крупных, много-этажных домов, причем 17 % составляли роскошные особняки. Через год насчитывалось уже 556 домов-коммун с населением (рабочих) около 90 тыс. человек. ... В настоящее время

³²⁶ Дом в три дня // Огонек. № 47. 1924. С. 15.

³²⁷ Артамонов М. Из жизни столицы // Огонек. № 31. 1923. С. 7.

³²⁸ Дом в три дня // Огонек. № 47. 1924. С. 15.; Строящийся Ленинград // Огонек. № 47. 1926. С. 14.

³²⁹ Артамонов М. Из жизни столицы. С. 7.

³³⁰ Дом в три дня. С. 15.

³³¹ Дома-коммуны в Москве // Огонек. №7, 1923. С. 22.

число домов-коммун в Москве перевалило за тысячу. Население их достигает 100 тыс. человек»³³². Но здесь следует заметить, что понятие «дом-коммуна» на страницах журнала «Огонек» часто используется в достаточно специфическом значении, не предусматривая обязательное обобществление бытовых сфер жизнеобеспечения (питания, воспитания детей, стирки белья, досуга и пр.), а с точки зрения бытовой организации напоминающие в большей мере общежития с минимальной организацией общего досуга (читальни, кружки). Так, например, в вышеупомянутой статье «Дома-коммуны в Москве», понятие «дом-коммуна» использовалось для обозначения домов, отданных после Октябрьской революции в распоряжение рабочих («дома, отданные целиком в распоряжение рабочих, получили название домов — коммун»³³³), и в которых элементы обобщественного быта фактически отсутствовали. Централизованно обеспечивался только ремонт, снабжение мебелью и топливом³³⁴.

Имела значение не сама форма организации быта, которая предполагала полное обобществление бытового устройства, а использование важных для пропаганды наименований новых форм бытовой организации, которые должны были отразить переход Советского государства к истинно социалистическим формам жизни. Тем не менее, само понятие «дом-коммуна» как форма жилой организации советского пролетариата, пропагандировалась достаточно активно, выдвигалась идея о том, что «дома-коммуны — единственный путь коренного преобразования быта»³³⁵.

Цель создания домов-коммун по сообщениям в журнале «Огонек» также часто была далека от тех идеализированных проектов обобществления

³³² Дома-коммуны в Москве // Огонек. №7, 1923. С. 22.

³³³ Там же.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Маллори Д. Борьба за новый быт // Огонек. № 19. 1924. С. 11.

быта на социалистических началах, которые пропагандировались еще социалистами-утопистами. Так, например, дома-коммуны, создаваемые в период между 1918-1924 гг., часто организовывались или для централизованного улучшения жизни какой-то определенной группы населения (политической элиты, рабочих, студентов)³³⁶, или даже для помощи безработным и их более корректного учета через биржу труда³³⁷. Таким образом, популярная в начале 1920-х гг. идея организации домов-коммун, рассматривалась на страницах журнала «Огонек» в достаточно специфическом качестве, имела мало общего с теми формами коллективного быта, которые предполагалось организовать в строящемся социалистическом обществе, исходя из концепции, предложенной социалистами-утопистами и воплощенной в проектах советских архитекторов. Идеалистические проекты, столкнувшись с реальностью, приобрели специфическую пропагандистскую форму в соответствии с которой, желаемое выдавалось за действительное и тем самым должно было способствовать созданию иллюзорной действительности, в которой совсем рядом, но все равно «где-то там» уже существовало то идеализированное настоящее, к которому непременно должен был стремиться каждый советский гражданин. Государство же, практически самоустранившись от строительства идеализированного «нового советского быта» брало на себя роль агитатора.

Как и в «женских журналах» в журнале «Огонек» реорганизация быта не была лишена гендерной специфики: создание новых форм советского быта рассматривалось, в первую очередь, как фактор женской эмансипации. Создание обобществленных форм воспитания детей, стирки белья, приготовления пищи должно было дать возможность усилить культурно-

³³⁶ Передача дома Моссоветом рабочим фаб. "Динамо" // Огонек. № 31. 1923. С. 10.

³³⁷ Светлов А. Коммуна "Пролетарка" // Огонек. № 52. 1924. С. 16.

воспитательную работу среди женщин³³⁸ и поэтому именно женщины должны были стать главными заинтересованными участниками устройства домов-коммун, столовых, яслей и детских садов.

В первой половине 1920-х гг. на страницах журнала «Огонек» некоторое внимание в освещении вопроса жилой организации уделялось и идее проектирования и строительства городов-садов³³⁹. Пока среди советских архитекторов шла активная дискуссия урбанистов и дезурбанистов, редакция журнала «Огонек» вела пропаганду проектирования городов-садов, считая, что именно подобная организация жилищного строительства должна стать ведущей в Советском государстве в ближайшем будущем. Но к 1928 г. идеи строительства домов-коммун и городов-садов постепенно уступают место пропаганде проектировки домов с индивидуальными квартирами, но оснащенными комплексом бытовых служб – столовыми, яслями, механическими прачечными, а также культурно-развлекательными учреждениями (клубами, кино)³⁴⁰. Этот переход в дискурсе журнала «Огонек» полностью соответствовал тем законодательным изменениям, которые происходили в Советском государстве в конце 1920-х гг.: в начале 1928 г. было принято Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 04.01.1928 г. «О жилищной политике»³⁴¹ в соответствии с которым для разрешения жилищного кризиса должны были быть усилены темпы строительства, укрепляться кооперативное строительство, привлекаться средства частного

³³⁸ Маллори Д. Борьба за новый быт // Огонек. № 19, 1924. С. 11.; Светлов А. Коммуна "Пролетарка" // Огонек. № 52, 1924. С. 16.

³³⁹ Города-сады // Огонек. № 3. 1923. С. 18-19.; Рабочее строительство в СССР // Огонек. № 49. 1925. С. 14.

³⁴⁰ Самый большой дом // Огонек. № 18, 1928. С. 17.

³⁴¹ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 04.01.1928 О жилищной политике // Полное собрание законодательства СССР [Электронный ресурс] : официальный сайт – Режим доступа: http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/ussr_3349.htm, свободный.

капитала, удешевляться и упорядочиваться организация строительства³⁴². Предлагалось расширить жилищный фонд за счет надстройки верхних этажей, строительства домов-общежитий³⁴³. Развернувшаяся дискуссия была прервана Постановлением ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» от 16 мая 1930 г. ЦК ВКП(б) осудил «крайне необоснованные полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные попытки отдельных товарищей «одним прыжком» перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся, с одной стороны, в экономической и культурной отсталости страны, а с другой - в необходимости в данный момент сосредоточить максимум ресурсов на быстрейшей индустриализации страны, которая только и создает действительные материальные предпосылки для коренной переделки быта»³⁴⁴.

Таким образом, проблема жилищного устройства занимала в тематике журнала «Огонек» в 1923-1929 гг. ведущее место, пропагандируя преимущественно устройство быта по примеру организации домов-коммун. Существенно меньше внимания уделялось вопросу создания общественной системы питания, при этом особый интерес редакции журнала проявлялся в освещении централизованной деятельности организации системы общественного питания³⁴⁵, вопросы самостоятельного устройства столовых освещались значительно меньше: в период между 1923-1929 гг., в журнале было опубликовано всего несколько заметок на эту тему. Рассмотрение вопроса организации общепита в основном строилось на сравнении

³⁴² Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 04.01.1928 О жилищной политике.

³⁴³ Там же. Ст. 8.

³⁴⁴ Постановление ЦК ВКП(б) О работе по перестройке быта. 16 мая 1930 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988): в 15 т. Т. 5 : 1929-1932. М., 1984. С. 118.

³⁴⁵ Первая фабрика-кухня в СССР // Огонек. № 17. 1925. С. 13.

«прошлого» и «настоящего», указывалось на проблематичность внедрения системы в повседневную жизнь советских граждан.

В освещении вопроса создания системы общественного питания первоочередное внимание предлагалось уделять организации столовых при фабриках и заводах. Декларировался провал организации системы общественного питания в эпоху НЭПа после ее удачного начала во время военного коммунизма, когда ее создание являлось насущной необходимостью. В ситуации Новой экономической политики: «предприниматель захватил в свои руки все, начиная с дорогих ресторанов для буржуазии в центрах городов и кончая грязными столовками для безработных на окраинах»³⁴⁶, поэтому было важно в срочном порядке ситуацию изменить, обеспечив организацию централизованной системы общественного питания.

Эту задачу должно было обеспечить созданное в 1923 г. товарищество «Народное Питание», которое требовало притока средств для деятельности организации, отзывчивость в организации работы и шефство со стороны общественности³⁴⁷. На страницах журнала «Огонек» внимание общественности привлекается именно к деятельности данной организации. В статье, посвященной созданию товарищества, большие надежды возлагаются на деятельность данной организации, которая должна была «охватить все дело общественного питания городских масс», действуя по принципам экономичности и «солидности»³⁴⁸.

³⁴⁶ Халатов А. Возрождение общественного питания // Огонек. № 11. 1923. С. 13.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Там же.

В отчете деятельности «Нарпита», опубликованного в журнале «Огонек» по случаю 5-летнего юбилея деятельности товарищества³⁴⁹, указывается на ряд проблем, с которыми пришлось столкнуться организации в налаживании своей работы. Так, например, в статье указывается, что деятельность товарищества первые три года была убыточной – требовалось уничтожить сложившиеся стереотипы в отношении общественного питания для привлечения рабочих, что в первую очередь было связано с предложением питания по доступным ценам. Также в этот период планировалось, что Нарпит должен был «самостоятельно насаждать первые пункты общественного питания, передав их в дальнейшем кооперации»³⁵⁰. Таким образом, Нарпит преследовал цель, в первую очередь, изменить систему привычек советских граждан, привлечь к самой идее возможности обобществления системы питания, но реализация этой задачи оказалась не столь простой.

Большой проблемой по-прежнему, с точки зрения редакции журнала «Огонек», оставалось предубеждение граждан в отношении возможности семейного питания в столовых, т.к. их санитарное состояние в эпоху военного коммунизма дискредитировали саму идею удобства и комфорта общепита³⁵¹: «опыт коммунального питания в период военного коммунизма отбил у многих охоту общественно питаться»³⁵². Поэтому требовалось в срочном порядке дурную репутацию столовых изменить. Не менее важным условием привлечения рабочих семей в столовые должна была стать дешевизна и постоянство цен на питание и эти условия могли реализовываться по мнению редакции журнала «Огонек» только

³⁴⁹ Мойрова В.А. Бомба в старый быт // Огонек. № 23. 1928. С. 7-8.

³⁵⁰ Там же. С. 7.

³⁵¹ Халатов А. Возрождение общественного питания // Огонек. № 11. 1923. С. 13.

³⁵² Мойрова В.А. Бомба в старый быт. С. 7.

централизованно через деятельность «Нарпита». Кроме организации питания в столовых, фабрики-кухни должны были централизованно организовывать систему продажи обедов «на вынос», когда хозяйки могли купить готовую продукцию и дома только разогреть. Таким образом, главной идеей, пропагандируемой в журнале «Огонек» в отношении развития системы общественного питания, становится мысль о том, что «не может быть примитива и кустарничества, там начинается промышленность»³⁵³ и именно эта позиция существенно отличает пропаганду системы общественного питания в журнале «Огонек» по сравнению с «женскими журналами», в которых напротив идея самоорганизованных столовых активно пропагандировалась среди работниц и жен рабочих.

Проблема столкновения «старого» и «нового» быта проявлялась и в организации т.н. чайных, которые вместо того, чтобы стать местом отдыха пролетариата, т.н. «рабочими кафе», чаще всего выполняли функцию пивных заведений³⁵⁴, препятствуя в т.ч. популяризации среди масс идеи привлекательности системы общественного питания. В решении этих проблем должна была участвовать общественность, задача которой предусматривалась в надзоре за качеством организации системы общественного питания, ее соответствия стандартам нового советского быта.

Таким образом, освещение проблемы коллективизации быта существенно отличается в общественно-политическом журнале «Огонёк», в отличие от журналов «Работница» и «Женское дело». «Женские журналы», воспринимая свою аудиторию как главного заинтересованного лица в вопросах коллективизации быта, выступали с более активной пропагандой личного участия женщин в реализации проектов по жилищно-бытовой трансформации. В журнале «Огонёк», читателями которого,

³⁵³ Микулина Е. Три кухни // Огонек. № 47. 1929. С. 11-12.

³⁵⁴ Погодин Н. Пойдемте в советскую чайную! // Огонек. № 3. 1928. С. 11.

преимущественно были мужчины, вопрос личного участия в вопросах бытовой реорганизации никак не рассматривается. Основное внимание уделяется освещению проектов, реализуемых властью. Это еще раз подтверждает тот факт, что в Советском государстве в 1920-е гг. вопросы трансформации быта рассматривались с т.з. необходимости включения в этот процесс исключительно женского актива, который должен был самостоятельно или при небольшой поддержке государства решить те вопросы, которые имели важность для самих женщин. Различается и тематика затрагиваемых вопросов: организации детских садов и яслей, столь популярных в женских журналах, внимание уделяется значительно меньше, чем в женских журналах.

Отсутствует и какая-либо обратная связь от населения, которая могла бы создать некоторое впечатление о восприятии той информации трансформации жилища и быта, которая предлагает на своих страницах редакция журнала своим читателям.

3.2. Пропаганда жилищно-бытовой кооперации в СМИ в 1930-х гг.

Заметно изменилась ситуация освещения вопросов жилищно-бытового устройства в журнале «Работница» с началом Первой пятилетки, когда вопросы по организации общественного питания и устройства яслей и детских садов получают все большую популярность. Одной из основополагающих задач общественниц, делегатов этой эпохи была пропаганда самостоятельного участия женщин в решении своих бытовых и жилищных проблем через кооперацию, что также отражено в контексте журнала «Работница». Кооперация же женского населения по созданию объектов бытового обслуживания и воспитания детей должна была решить

проблему женской эмансипации, высвободив советскую труженицу для реализации трудовых и общественных задач.

Именно женский актив должен был решить все те проблемы организации социалистического коммунального быта, на которые не хватало средств и сил у строящегося Советского государства. Государство же в этот момент, оправдываясь бедностью и разрухой, готово было помогать только провозглашением задач и конструированием модели поведения, которая должна была способствовать реализации поставленных целей. Инициатива, которая должна была исходить от женщин, не поддерживалась на тот момент ничем, кроме идеи о том, что только следуя предложенной властью модели преобразования жилища и быта можно будет осуществить общественную реорганизацию, облегчить хозяйственно-бытовые функции женщин.

Несмотря на пропаганду идей обобществления быта в журнале «Работница», ни деятельность Нарпита, ни деятельность делегатов так и не смогли реализовать задачу организации питания на общественных началах и избавления пролетарки от «гнета горшка и ухвата». Столовые при заводах использовались или для питания в рабочее время, или для рабочих-одиночек. Семьи продолжали питаться отдельно даже в крайне стесненных жилищных условиях. Женщина по-прежнему продолжала выполнять хозяйственно-бытовые функции в семье без какой-либо помощи, как со стороны мужчин, так и со стороны государства, не сумевшего создать подходящей системы обобществления быта, удовлетворяющей потребности работницы.

Активная пропаганда на страницах журнала «Работница» самостоятельного участия женщин в жилищно-бытовой организации на общественных началах должна была также выполнить задачу внедрения идей коллективного быта, ведения хозяйства среди женского населения. Следует заметить, что большой популярности эта пропаганда добиться не смогла,

даже в конце 1920-х гг. наблюдается сохранение интереса, в первую очередь, к индивидуальным формам ведения хозяйства.

Направление пропаганды на страницах журнала «Работница» в самом начале 1930-х гг. значительно меняется по сравнению с 1920-ми гг. Меры по организации сети учреждений бытового обслуживания позиционировались отныне как средство, обеспечившее раскрепощение советской женщины, которое должно было стать основой для успешного окончания Первой пятилетки в 4 года. Обобществление быта должно было также выполнить задачу дальнейшего укрепления трудовой дисциплины, социалистического соревнования и ударничества в реализации планов Второй, а затем и Третьей пятилеток.

Постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» от 16 мая 1930 г. ознаменовало официальный отход власти от идей строительства домов-коммун. Перед архитекторами была поставлена вполне конкретная задача: «на минимум средств создать наибольшее количество жилой площади»³⁵⁵. Правительство в своих поисках пролетарского типа жилища остановилось на той форме расселения, которая на практике оставалась наиболее характерной и типичной для 1920-1930-х гг. Рабочие расселялись или покомнатно в домах с индивидуального типа квартирами, которые не могли быть заселены поквартирно из-за жесткого жилищного кризиса и нехватки средств на его ликвидацию, сопровождавшийся бурной урбанизацией, или рабочие получали жилье в казармах – т.н. рабочих общежитиях.

И расселение рабочих покомнатно в индивидуальных квартирах, и в казармах по своей сути не сильно противоречило идеям обобществления жилищной организации – переполненные коммунальные квартиры, казармы

³⁵⁵ Антипов П.И., Кочетов А.А. Типы рабочего жилья // За новое жилище. М., 1930. С. 107.

предполагали тесное взаимодействие жителей, что приводило к вынужденному обобществлению быта. Пользование общими кухнями в коммунальных квартирах наводило на мысль об организации коллективной системы питания, которая осуществлялась бы домашними хозяйками посменно. Эта идея, пропагандируемая на страницах женских журналов еще во второй половине 1920-х гг., в самом начале 1930-х приобрела новую актуальность. Жизнь же в казармах при отсутствии каких-либо условий для приготовления пищи, вынуждала пользоваться общественными столовыми, так как иной способ питания в этих жилищных условиях был просто невозможен.

При этом отход от строительства домов-коммун ни в коей мере не предполагал официального отхода от идей обобществления быта, только организация его отныне должна была быть устроена по-иному. Было принято решения организовывать пункты обслуживания не в каждом доме, как проектировалось в 1920-е гг., а поквартально, что должно было, во-первых, снизить затраты на строительство, а, во-вторых, сделать места бытового обслуживания более доступными для населения.

Необходимость вовлечения женщины в производство, ставшая актуальной в самом начале 1930-х гг., еще больше обострила потребность в обеспечении населения сетью общественного питания, прачечных, детских дошкольных учреждений и поэтому вопрос преобразования быта на общественных началах приобретает новую актуальность в политической пропаганде. Как отмечал экономист Ю. Ларин: «для того, чтобы догнать и перегнать буржуазные страны, мы прежде всего должны дать большое количество работников. [...] Работа будет строиться так, что один будет работать утром, другой вечером, третий ночью, эта одновременность делает невозможной прежнюю индивидуальную организацию домашнего хозяйства. [...] В нынешний период нашего строительства надо и можно ставить себе

задачей не постройку домов-коммун с гимнастическими залами и т.д., а только домов коллективного быта с обслуживанием тех трех его сторон, которые имеют решающее значение с точки зрения высвобождения рабочей силы для работы на производстве, на службе, для учебы и общественной жизни (кухня, дети, стирка)»³⁵⁶. Таким образом, отказываясь от строительства домов-коммун, власть отказалась не от организации быта на социалистических началах, а от невозможности строительства домов-коммун по той системе, по которой оно должно было быть организовано – с просторными помещениями для учебы, совместного отдыха, общения.

В условиях насущной необходимости срочного массового вовлечения женщин в производственную жизнь, вопросы обобществления быта приобретали особую насущность. В 1930-м г. в выступлении на пленуме ЦК ВКП(б) редактор журнала «Работница» А. Артюхина признала, что с организацией быта в Советском государстве дело «обстоит очень слабо»³⁵⁷. Интересы индустриализации и коллективизации требовали изменения данного положения с целью максимального привлечения женщины к промышленному труду. Это отразилось, во-первых, на том, что постепенно государство перехватывает инициативу жилищно-бытовой организации, а, во-вторых, повлияло на усиление политической пропаганды в вопросах обобществления жилища и быта в т.ч. и на страницах журнала «Работница».

К началу 1930-х гг. безработица в СССР начала стремительно снижаться из-за возраставших потребностей индустриализации в привлечении новой рабочей силы. Если в 1927-1928 гг. на биржах СССР было зарегистрировано около 500 000 безработных женщин, то к началу

³⁵⁶ Ларин Ю. Жилище и быт. М., 1931. С. 11-19.

³⁵⁷ Артюхина А. За социалистическую переделку быта // Работница. № 4. 1930. С. 1.

1930-го г. этот показатель сократился вдвое³⁵⁸. А уже в середине 1930-го г. в журнале «Работница» развернулась целая кампания по агитации домохозяек и жен работниц к трудовому участию в реализации задач индустриализации³⁵⁹.

Вовлечение женщин в производство имело противоречивый характер – с одной стороны, женщина не могла быть использована во всех отраслях промышленности, но, с другой стороны, привлечение мужчин-крестьян, которые приезжали бы в города с семьями и требовали бы недостающего жилья, создавало бы еще большие проблемы. Этот вопрос неоднократно затрагивалась в общественной дискуссии начала 1930-х гг.³⁶⁰ Так, например, описывая ситуацию на Челябинское, автор сетует на катастрофичность жилищной ситуации и ее большее обострение в связи с вынужденным привлечением крестьян к производству³⁶¹.

Женская активность должна была проявляться не только в труде на производстве, но и в любой общественно полезной деятельности. Те утопичные идеи о сборе целебных трав и ягод, идущих на экспорт³⁶², городском птицеводстве³⁶³ и сборе утильсырья³⁶⁴, необходимых для выручки золота столь необходимого для индустриализации, которые появились еще в конце 1920-х гг. приобретают новую популярность в начале 1930-х гг. Эта

³⁵⁸ Женская безработица // Работница. № 17. 1930. С. 12.

³⁵⁹ Жен рабочих – на производство! // Работница. № 33. 1930. С. 14.; Анчарова А. Стране нужны рабочие руки. Жены рабочих, вас ждут фабрика и завод! // Работница. № 33. 1930. С. 15-16.; Анчарова М. 900 тысяч женщин – на производство // Работница. № 36. 1930. С. 14-15.; Нюрина Ф. Миллионы – от кухни к станку // Работница. № 4. 1931. С. 3-4.

³⁶⁰ Анчарова М. 900 тысяч женщин – на производство // Работница. № 36. 1930. С. 15.

³⁶¹ Анчарова А. Стране нужны рабочие руки. Жены рабочих, вас ждут фабрика и завод! // Работница. № 33. 1930. С. 16.

³⁶² Организуем общественный сбор грибов и ягод // Работница. № 20. 1930. С. 15.

³⁶³ Акимов М. Дадим стране десятки тысяч тракторов. Соберем 20 тысяч вагонов яиц // Работница. № 16. 1930. С. 18.

³⁶⁴ Как работают жены рабочих – домохозяйки // Работница. № 18. 1930. С. 13.

полезная общественная деятельность должна была осуществляться женщинами-рабочими в свободное от работы время или не работающими хозяйками – женами рабочих. Пропаганда этих идей имеет важное значение в рамках выстраивания нового представления не только о роли женщины в эпоху индустриализации, но и о том, как должен был конструироваться коммунальный быт в новых условиях – максимально экономично и рационально для того, чтобы высвободить максимум средств для форсированной модернизации.

Вовлечение женщин в трудовую деятельность породило все большую необходимость в реорганизации быта на общественных началах. Если в 1920-х гг. потребность в массовой обобществленной бытовой организации была вызвана не всегда столько реальной потребностью, сколько идеологическими представлениями о необходимости преобразования жизни на социалистических началах, то к началу 1930-х гг. данная проблема стала приобретать вполне насущные основания. Это стало одной из причин вывода вопроса реорганизации быта на социалистической основе из сферы общественной инициативы женских организаций, деятельности общественниц, в сферу интереса государственной власти. С этой целью была предпринята масштабная государственная программа по увеличению сети социально-бытового обслуживания³⁶⁵. Но государственных средств не хватало, по этой причине была продолжена агитация самостоятельного участия работниц, активисток в организации системы бытового обслуживания³⁶⁶. Работницы, как и в 1920-е гг., принимали активное участие в устройстве детских яслей и садов. Для создания которых, например, шел

³⁶⁵ Богат А. За 3 млн 775 тысяч ясельных коек! // Работница. № 6. 1932. С. 15.

³⁶⁶ Артюхина А. Миллион работниц – на производство // Работница. № 5. 1931. С. 6.; Илюшина М. Я голосую за бытовую коммуну // Работница. № 16. 1931. С. 5-6.; Илюшина М. Я голосую за самодеятельные детсады // Работница. № 18. 1931. С. 5-6.; Сазонова П. Больше самодеятельности в перестройке быта // Работница. № 11. 1932. С. 12-13.

сбор холста и яиц³⁶⁷, а вырученные средства должны были пойти за закупку необходимого инвентаря для организуемых детских учреждений. Пропаганда среди женского населения, проводимая на страницах журнала «Работница» по-прежнему основную ответственность за реализацию идей создания сети общественных столовых и дошкольных воспитательных учреждений на женское население.

Не справляясь с государственным обеспечением работниц яслями, было предложено организовывать платные детские сады³⁶⁸. Но и эти меры не могли в значительной степени реализовать тот запрос по обеспечению советских пролетарок дошкольными учреждениями, который был необходим. Так, например, председатель секции быта при Госплане Л.М. Сабсович подсчитывал, что «для того чтобы влить в производство 900 тыс. женщин, [требуется] как минимум 240 000 ребят охватить яслями»³⁶⁹. Для этого требовалось около 130 миллионов рублей, которые взять было неоткуда, поэтому было решено вновь обратиться за помощью к общественности: «Нельзя рассчитывать в постройке бытовых учреждений только на то, что отпустит государство, что будет записано в соответствующей смете финотдела. Надо мобилизовать массы работниц и жен рабочих для расширения бытовых учреждений»³⁷⁰.

Призыв Советской власти к участию работниц, жен рабочих в организации сети дошкольных учреждений нашел широкий отклик среди женского населения, так как именно эта проблема на протяжении 1920-х – середины 1930-х гг. оставалась наиболее актуальной и привлекала наибольшее внимание. Со всей страны поступали сообщения о

³⁶⁷ Шукаева. Ясли в коммуне // Работница. № 33. 1930. С. 18.

³⁶⁸ Горбунова А. Организуем платные детские дома // Работница. № 33. 1930. С. 18.

³⁶⁹ Анчарова М. 900 тысяч женщин – на производство // Работница. № 36. 1930. С. 14.

³⁷⁰ Артюхина А. Миллион работниц – на производство // Работница. № 5. 1931. С. 6.

самостоятельном участии женского актива в устройстве яслей. Предлагались проекты по рационализации издержек через посменную работу матерей - работницы и домохозяйки в организуемых яслях и детских садах. Как это было заведено и ранее, собирали деньги на обеспечение детских учреждений через субботники, добровольные сборы³⁷¹. Но по-прежнему возникал ряд организационных проблем, с которыми сталкивались общественницы в процессе реализации поставленных перед ними задач: нехватка средств, помещений, сопротивление местных властей инициативам общественниц и работниц в организации дошкольных детских учреждений³⁷², а иногда даже и использование средств, собранных на общественные нужды, не по назначению³⁷³.

Таким образом, Советская власть пыталась максимально использовать женскую активность в первой половине 1930-х гг. как на производстве, так и в общественной работе, которая должна была способствовать успехам социалистического строительства и рупором для пропаганды этих важных для Советского государства идей оставался журнал «Работница». Вовлекая все больше женщин в производство, власть вынуждена была все больше участвовать в самостоятельной организации системы жилищно-бытового обслуживания, но сделать это было не так просто, поэтому особое внимание уделялось по-прежнему агитации среди женского населения о необходимости самостоятельного решения проблем, связанных с обобществлением быта на социалистических началах.

Другим важным направлением обобществления быта, приобретшим особую актуальность в связи с необходимостью привлечения женщин к производственной деятельности в эпоху индустриализации, являлась система

³⁷¹ Наумова А. На магнитогорском строительстве // Работница. № 8. 1931. С. 8-9.

³⁷² Там же.

³⁷³ Челиков. Просим помощи, в долгу не останемся // Работница. № 40. 1930. С. 16-17.

общественного питания. Организация столовых по-прежнему должна была не только обслуживать интересы работниц в их нужде освободить время для трудовой и общественной деятельности, но и обеспечить рациональное использование топлива, продуктов питания³⁷⁴: «правильно организовать питание рабочих масс – значит ежедневно только в городах и рабочих поселках сэкономить два миллиона трудодней, сэкономить ежегодно сотни миллионов рублей и при этом дать каждому такое питание [которое] будет содействовать сохранению и укреплению здоровья, повышению производительности труда»³⁷⁵.

Несмотря на то, что государство в начале 1930-х гг. выказало готовность взять на себя задачу по организации системы общественных столовых, от советских пролетарок, жен рабочих, ожидалось активное содействие в реализации данного плана. Участие женщин-работниц должно было выражаться в двух основных направлениях: во-первых, в непосредственной организации столовых, а, во-вторых, в контроле за уже работающими пунктами общественного питания. Содействие пролетарок налаживанию системы общественного питания расценивалось как значимый вклад в выполнение «плана великих работ, принятого XVII всесоюзной партийной конференцией»³⁷⁶.

Невзирая на то, что государство участвовало в налаживании системы общественного питания через строительство гигантских фабрик-кухонь, крупных механизированных столовых и общественных комбинатов, предпринимаемых властью мер было недостаточно. Женское участие в этой отрасли обобществления быта должно было компенсировать те недостатки,

³⁷⁴ Соловьева Л. Общественное питание на службу пятилетке // Работница. № 26. 1931. С. 10.

³⁷⁵ Кожаный П. За здоровое и дешевое питание // Работница. № 11. 1930. С. 14.

³⁷⁶ Данилевская М. Общественное питание на службу пятилетке // Работница. № 6. 1932. С. 18.

которые имелись в централизованной работе общепита – невозможность сделать общественное питание близким и доступным каждой семье, поддержать качество предлагаемых обедов, чистоту и удобство столовых.

Работницы, домохозяйки, в стремлении реализовать задачи бытовой реорганизации, проявляли самостоятельность и инициативу в устройстве и налаживании системы общественного питания. Одной из форм такой самодеятельности была работа по устройству бытовой кооперации. В коммунальных квартирах, а также даже в отдельных предоставляемых помещениях, женщины объединялись для совместной организации питания: несколько семей посменно готовили на всех, совместно совершая закупку товаров, высвобождая, таким образом, время для трудовой и общественной деятельности³⁷⁷. Такая практика давала возможность приблизить грандиозные задачи обобществления быта к реальным условиям советской жизни – переполненные коммунальные квартиры, теснота в кухонных помещениях превращала выполнение элементарных домашних дел в настоящее испытание. Попытка коллективизации бытового обеспечения должна была на практике способствовать приближению женского населения к идеалам бытового устройства на социалистических началах и эти идеи активно пропагандировались на страницах женской периодики в начале 1930-х гг.

Общественная инициатива организации системы общественного питания поддерживалась и государственной пропагандой. Перед самодеятельными столовыми ставились совершенно конкретные задачи по объемам обеспечения трудящихся обедами³⁷⁸. Выдвигались требования не

³⁷⁷ Анчарова М. Организуем бытовую кооперацию // Работница. № 13. 1931. С. 10.; Илюшина М. Я голосую за бытовую коммуны // Работница. № 16. 1931. С. 5-6.

³⁷⁸ Соловьева Л. Общественное питание на службу пятилетке ... С. 10.

оставлять ни один дом, общежитие без самодеятельной столовой³⁷⁹. Бытовая кооперация или т.н. «бытовые бригады», исполняя заказ власти, брали под свой контроль устройство общепита на фабриках и заводах, выполняя и задачи продуктового распределения³⁸⁰. Участвуя в «сталинской эстафете», жены рабочих, пролетарки, делегатки стремились максимально реализовать поставленные перед ними задачи по реализации плана устройства доступного, качественного и дешевого питания.

Женщина-пролетарка, выполняя свои общественные функции в 1930-е гг., должна была также принять активное участие в организации смотров пунктов общественного питания³⁸¹. Работа столовых вызвала множество нареканий: «простояв в очереди все 60 минут обеденного перерыва, ничего не получали и возвращались к станкам, не евши»³⁸², что требовало срочного участия общественниц в налаживании уже существующей системы общепита. Существовали серьезные проблемы и с соблюдением гигиены: «на полу всегда кучи окурков и замерзшие плевки, потому что по вечерам в столовке ежедневно или собрания, или занятия кружков»³⁸³. Начавшаяся с конца 1920-х г. пропаганда вовлечения домашних хозяек, жен рабочих и начальствующего состава³⁸⁴ к участию в надзоре за работой столовых, должна была помочь наладить работу общепита на таких началах, чтоб каждая женщина-работница могла без отвращения прийти в столовую после

³⁷⁹ Данилевская М. Общественное питание на службу пятилетке ... С. 18.

³⁸⁰ Делегатское собрание – лицом к общественному питанию // Работница. № 50-51. 1931. С. 22-23.

³⁸¹ Кожаный П. За здоровое и дешевое питание // Работница. № 11. 1930. С. 14-15.

³⁸² Секрет хорошей столовой // Работница. № 38. 1930. С. 16-17.

³⁸³ Дололова П. Обеспечить нормальное обслуживание рабочих // Работница. № 1. 1932. С. 25.

³⁸⁴ Чернышева Е. Жены начальствующего состава Красной армии в борьбе за новый быт // Работница. № 11. 1930. С. 17.; Как работают жены рабочих – домохозяйки // Работница. № 18. 1930. С. 13.; Равняйтесь по работницам Пролетарского района // Работница. № 1. 1932. С. 10.; Тайга отступила // Работница. № 1. 1937. С. 11.

тяжелого трудового дня и накормить свою семью³⁸⁵. В эту же эпоху, когда общественные столовые по-прежнему не пользовались особой популярностью среди работниц и членов ее семьи, предлагалось организовать систему доставки обедов по домам работников³⁸⁶. Но и эта практика не получила широкого распространения по ряду причин: во-первых, из-за дороговизны, во-вторых, из-за низкого качества предлагаемого питания.

Не меньшей проблемой в заводских столовых являлось качество обедов. Обеспечиваемые за счет центральной системы фабрик-кухонь, часто рабочие пайки по своему качеству оставляли желать лучшего³⁸⁷. Преодолеть эту проблему предлагалось за счет участия жен рабочих, самих пролетарок в организации собственных самостоятельных пунктов общественного питания при фабриках и заводах. Это должно было, во-первых, сделать обеды дешевле, а, во-вторых, вкуснее и сытнее. И, в свою очередь, помочь власти в еще большем охвате населения страны системой общественного питания.

Реорганизация жилищно-бытовой системы, освобождение женщины-пролетарки от «гнета горшка и ухвата» должно было не только способствовать реализации задач эмансипации советской женщины, но, в первую очередь, стать мощным орудием индустриализации. Высвобождение женского населения для производственной деятельности, пропаганда общественной инициативы, участие работниц, жен рабочих в бытовом устройстве, в контроле за реализацией задач строительства и бытового обеспечения должно было способствовать прививанию основополагающих идей социалистического устройства жизни.

³⁸⁵ Целосани М. За культурную столовую // Работница. № 26. 1938. С. 11.

³⁸⁶ Как приблизить общественное питание к рабочей семье // Работница. № 11. 1930. С. 15.

³⁸⁷ Холодный Т. Мария Ивановна и другие // Работница. № 20. 1932. С. 8-9.

Выполнение глобальных задач сопровождалось исполнением и вполне насущных нужд – поощряя ударников производства доступом к лучшим столовым, детским учреждениям, квартирам, власть стремилась улучшить производственные успехи пролетариата, в том числе и его женской части. Идеи необходимости улучшения качества жизни становятся основополагающими к середине 1930-х гг. Символично, что легендарная фраза И. Сталина о том, что «жить стало лучше, жить стало веселее», была произнесена на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц — стахановцев в 1935 гг.

Именно 1935 год становится пограничным и в изменении идей о форме и воплощении идей бытовой реорганизации на социалистических началах и это отражается в пропаганде, проводимой среди женского населения на страницах журнала «Работница». На первое место выдвигается демонстрация успехов партии и лично Сталина в значимом улучшении качества жизни советского народа. Так, к примеру, в одном из декабрьских выпусков журнала «Работница»³⁸⁸, из девяти статей и заметок номера в шести в той или иной степени выражается восхищение, благодарность, трепет перед вождем народов. Эта тенденция, пусть и не в столь явно выраженной форме, сохраняется и для остальных выпусков журнала второй половины 1930-х гг.

Пропаганда культа Сталина, связанная с тоталитаризацией общества, связана и с изменением идеи самостоятельного участия женщины в деятельности по преобразованию коммунального быта. Если в предыдущую эпоху культивировались идеи общественной инициативы, порой даже настойчивой самостоятельности участия женщин в изменении бытовой организации, то в новую эпоху пропагандируется модель поведения, в рамках которой женщина выступает в качестве благодарной, зависимой от

³⁸⁸ Работница. № 36. 1935. 16 с.

воли власти участницы советской жизни. Из самостоятельной общественницы, организующей домовые столовые, ясли, советская женщина должна была превратиться в общественницу-помощницу, оказывающую помощь государству в реорганизации бытового устройства строящегося советского общества³⁸⁹.

Практически полностью исчезают из дискурса журнала «Работница» заметки об обобществлении быта, о жилищных трудностях, о необходимости участия женщины в преобразовании системы общественного воспитания и питания. Позиционируется, что отныне только власть будет контролировать все вышеуказанные области жилищно-бытовой организации. Главным призывом становится борьба за культурное и красивое жилище, которое должно было повышать культурный уровень советских граждан³⁹⁰, власть определяет не только как должно выглядеть жилище, но и как должна жить примерная советская семья³⁹¹. Вопросы же о недостаточности жилья для рабочих, о его устройстве полностью выводятся из дискурса журнала «Работница». Все это происходит на фоне провозглашения всяческих похвал и благодарностей Советской власти и в частности вождю партии И.В. Сталину.

Единственной темой, актуальной и для второй половины 1930-х гг., остается проблема воспитания детей. И здесь речь идет уже не об участии в

³⁸⁹ Работа жен ИТР на Урале // Работница. № 13. 1936. С. 12-13.; Стыдно оставаться вдали от общественной работы // Работница. № 13. 1936. С. 16.; Готовимся к всеармейскому совещанию жен командиров Красной армии // Работница. № 27. 1936. С. 14-15.; Фонарева В. Жена командара // Работница. № 29. 1936. С. 12.; Степанова Н.П. Мы активно участвуем в строительстве детских // Работница. № 33. 1936. С. 3-4.; Рудакова И. Казарму сделали уютной // Работница. № 35. 1936. С. 12-13.; Османова. Жены командиров - националки включились в работу // Работница. № 35. 1936. С. 15.; [и др.].

³⁹⁰ Сазонова П.Г. В поход за красивые и удобные жилища // Работница. № 14-15. С. 6-7.; Сазонова П. В борьбе за культурное и красивое жилище первое место принадлежит домохозяйке-общественнице // Работница. № 5. 1936. С. 17-18.

³⁹¹ Чего партия требует от коммунистов в личной жизни // Работница. № 9. 1936. С. 3-4.; Семья в СССР // Работница. № 30. 1936. С. 9-10.

организации женщин дошкольных учреждений, а в поддержке идеологически верного воспитания будущего поколения советских граждан³⁹². Проблема воспитания в духе марксистско-ленинской партии выступает на первый план и оно должно быть осуществлено отныне исключительно за счет усилий государственной системы образования. Самодеятельности в этом вопросе быть отныне не должно. Демонстрируется забота Советской власти о детях, об их здоровье и воспитании³⁹³.

Другой важной тематикой, получившей актуализацию во второй половине 1930-х гг., становится тема демонстрации успехов реконструкции Москвы как социалистической столицы. Демонстрируются успехи строительства метро, перепланировки города, жилищного строительства в Москве³⁹⁴. Столица демонстрируется как город социалистического будущего, позиционируется как город, который должен стать образцом для дальнейшего всесоюзного городского строительства, как пример демонстрации завоеваний и успехов советского народа.

Таким образом, в 1930-е гг. наблюдается два кардинально различающихся этапа в пропаганде идей преобразования коммунального

³⁹² Чистова А., Морозова П. Конкурс на лучшее воспитание детей // Работница. № 5-6. 1935. С. 17-20.; Культурно воспитать детей // Работница. № 5-6. 1935. С. 21.; За здорового ребенка, за культурную семью // Работница. № 10. 1935. С. 8-9.; Ишкова. Поднимем качество марксистско-ленинского образования // Работница. № 11. 1935. С. 2-3.; Крупская Н.К. Воспитание подрастающего поколения в коммунистическом духе - важнейшая задача // Работница. № 13. 1935. С. 4-5.; Агранова С. Воспитаем молодое поколение в духе ленинизма // Работница. № 25. 1935. С. 2-3.; Счастливое детство, счастливая юность // Работница. № 26. 1935. С. 8-9.; Шабурова М. По-сталински заботиться о детях // Работница. № 33. 1936. С. 3-4.; Сталинская забота о матери и ребенке // Работница. № 17. 1937. С. 3-4.; Сталинская забота о матери и ребенке // Работница. № 17. 1938. С. 10-11; [и др.].

³⁹³ Елецкая П.Л. Забота советского государства о здоровье детей // Работница. № 23. 1935. С. 10.

³⁹⁴ Лопатин П. Молодость старого города // Работница. № 23. 1935. С. 6-7.; Лопатин П. Главная улица молодой столицы // Работница. № 24. 1935. С. 8-9.; Самый чистый и здоровый город мира // Работница. № 25. 1935. С. 12.; Первомайский подарок // Работница. № 14. 1938. С. 10-11.

быта и участия женского населения в его формировании, представленного на страницах журнала «Работница». Первая половина 1930-х гг., характеризующаяся усилением влияния власти на процессы изменения бытовых практик в связи с необходимостью использования быта для нужд индустриализации. Тем не менее, власть оставляет за женским населением некоторую свободу в участии преобразования бытового уклада через содействие в организации детских дошкольных учреждений, столовых, прачечных. Из сферы влияния работниц выводятся вопросы о преобразовании жилища, но области обобществления быта остаются под ее влиянием. Государство, не способное полностью удовлетворить потребности населения в создании дошкольных учреждений, системы общественного питания, перекладывает часть обязанностей на граждан, а точнее на активных работниц и жен рабочих, которые должны были самостоятельно организовывать домовые столовые, ясли.

С середины 1930-х гг. ситуация меняется в корне. Отныне только государство вольно участвовать в решении вопросов трансформации советского быта. Женщины отстраняются от участия в преобразовании системы воспитания, общественного питания. Их роль отныне выражается исключительно в контрольных функциях – обследовании системы общепита, яслей, прачечных для выявления существующих недостатков. Но основная деятельность в вопросах создания системы обобществленного быта находится исключительно под полным покровительством государства. Пропагандируется идея благодарности Советской власти (а конкретно И.В. Сталину) за организацию тех бытовых благ, которые получают распространение в этот период.

ГЛАВА 4. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА РЕОРГАНИЗАЦИИ КОММУНАЛЬНОГО БЫТА В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В 1920-1930-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА)

4.1. Решение жилищного вопроса в рамках решения задачи обобществления быта в 1917-1920-х гг.

Сразу после Октябрьской революции проблема перераспределения жилья становится одной из наиболее актуальных. Советская власть, действуя в соответствии с классовым принципом, незамедлительно преступила к распределению жилого фонда Петрограда и Москвы, стремясь удовлетворить жилищные нужды, в первую очередь, рабочего класса. Но путь перераспределения жилья оказался не столь простым, как могло показаться большевикам сразу после Октябрьской революции. Идея уплотнения жилого фонда, выселения «классовых врагов» из занимаемых ими квартир и особняков столкнулась с рядом существенных проблем, определив специфику этого, на первый взгляд казавшегося простым процесса, породив множество классовых и социальных конфликтов, оказавших серьезное влияние на быт горожан этой непростой эпохи.

Самой существенной проблемой уплотнения на первых его порах стала неорганизованность процесса и подчиненность практически исключительно инициативой на местах. Сам процесс уплотнения начинается сразу с установлением власти большевиков после Октябрьской революции 1917 г. В соответствии с «Декретом о земле», принятом 26 ноября, «помещичьи имения ... переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и

уездных Советов крестьянских депутатов»³⁹⁵ и хотя в этом же декрете указывалось, что «усадебная, городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев»³⁹⁶, но сама идея отмены частной собственности на недвижимое имущество запускает процесс его перераспределения. 30 октября 1917 г. Народный комиссариат по внутренним делам РСФСР принимает Постановление «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса»³⁹⁷. Фактически это постановление и является базовым для начала процесса уплотнения городского жилого фонда. В соответствии с содержанием постановления НКВД, органы местного самоуправления получали право: «секвестровать все пустующие помещения, пригодные для жилья», на основе самостоятельно принятых правил вселять в эти помещения нуждающихся в улучшении условий жилья граждан, проводить жилищную инспекцию и учреждать домовые комитеты, а также учреждать жилищные суды³⁹⁸.

К вышеупомянутым нормативно-правовым актам также следует добавить «Проект декрета об отмене права частной собственности на городские недвижимости» от 23 ноября (6 декабря) 1917 г., написанный В.И. Лениным и опубликованный в газетах «Известия» (№ 237, 27 ноября 1917 г.) и «Правда» (№ 24, 30 ноября 1917 г.)³⁹⁹. В соответствии с этим проектом, все

³⁹⁵ Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 17.

³⁹⁶ Там же. С. 18.

³⁹⁷ Постановление НКВД о правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса. 30.10.1917 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. [Б. м.], 2013. URL: <http://museumreforms.ru/node/13723> (дата обращения: 30.11.2021).

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ 23 ноября (6 декабря). Проект декрета об отмене права частной собственности на городские недвижимости // Декреты Советской власти : [сборник]: в 13 т. М., 1957. Т. 1. С. 132-133.

дома, сдававшиеся в аренду, должны были быть переданы в народную собственность, а владельцы домов, не сдаваемых в аренду, оставались владельцами своих домов до решения Учредительного собрания без изменения прав владения. Более того, владельцы конфискованных домов должны были даже получить компенсацию за 2-3 месяца. Отопление домов и поддержание их в должном состоянии передавалось домовым комитетам, профессиональным союзам, Советам, а также отделам по топливу при городской думе⁴⁰⁰.

Разумеется, что данный проект, не имевший силу закона, оказывал только косвенное влияние на ситуацию с конфискацией и распределением жилой площади. Но важно то, что и по постановлению НКВД «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса», и по «Проекту декрета об отмене права частной собственности на городские недвижимости» не были четко установлены пределы ответственности как по организации распределения жилья, его уплотнения, так и по его содержанию. Это привело к тому, что в первые месяцы после Октябрьской революции, руководствуясь идеей об уплотнении жилья, происходил этот процесс крайне хаотично, подчиняясь не столько закону (который, фактически, отсутствовал), сколько решениям на местах, которые имели, порой, крайне предвзятый характер. Так, например, непосредственно после Октябрьской революции 17 ноября 1917 г. в Петрограде к гражданке Баранниковой с требованием немедленного выселения в комнаты некоего гражданина Степанова обратился вахтер дома. Вахтер, судя по описанной гражданкой ситуации, находился в сговоре с самим гражданином Степановым и угрожал женщине тем, что «если я не выйду, то они придут и выбросят все мои вещи

⁴⁰⁰ 23 ноября (6 декабря). Проект декрета об отмене права частной собственности на городские недвижимости // Декреты Советской власти : [сборник]: в 13 т. М., 1957. Т. 1. С. 133.

на улицу»⁴⁰¹. Самоуправство вахтера и гражданина Степанова было пресечено только после обращения гражданки, проживавшей в своей квартире на протяжении 20 лет, в Совет Солдатских и рабочих депутатов, который распорядился оставить гражданку проживать в занимаемых ей комнатах «до конца войны»⁴⁰². Злоупотребления со стороны управления Домовых комитетов выражались и в незаконном распределении ордеров на расселение⁴⁰³, также их обвиняли и в халатности в подаче сведений о пустующих квартирах⁴⁰⁴. И первой причиной данных злоупотреблений была неопределенность в разделении полномочий, что приводило к нерадивому исполнению своих обязанностей.

Домовые комитеты бедноты, которые были обязаны следить за процессом перераспределения жилья, вселением рабочих в подходящие квартиры, не смогли сыскать должного доверия со стороны граждан и в вопросах содержания и охраны домов: «Въ виду постоянного недоверия вообще къ Домовымъ Комитетамаъ власти, а въ особенности по вопросу ... [организации] личной и имущественной безопасности жителей домовъ, за неимениемъ денежныхъ средствъ и отсутствиемъ реальной охраны со стороны милиции или красной гвардии и невозможностью при такихъ условияхъ найма сторожей»⁴⁰⁵. В подобной ситуации жители домов, оставаясь под угрозой, искали иные способы организации собственной безопасности, прибегая к самостоятельному сбору средств для оплаты услуг сторожей. Таким образом, Домовые комитеты подчас оставались единственным значимым и действительно действовавшим органом

⁴⁰¹ ЦГА СПб Ф. 55. Оп. 1. Д. 17. Л. 9 об

⁴⁰² ЦГА СПб Ф. 55. Оп. 1. Д. 17. Л. 10

⁴⁰³ ЦГАМ. Ф. Р-2313. Оп. 1. Д. 6. Л. 66

⁴⁰⁴ ЦГА СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 30. Л. 3

⁴⁰⁵ ЦГА СПб Ф. 55. Оп. 1. Д. 17. Л. 143

управления, осуществлявшим непосредственную работу с населением в решении жилищных вопросов. Но отсутствие четкой правовой базы, а также указания полномочий и контроля за их выполнением, приводило к тому, что именно Домовые комитеты становились эпицентром злоупотреблением властью, действуя, не исходя из представлений об организации быта на социалистических началах, а исключительно основываясь на собственных корыстных интересах.

Другой проблемой, порождаемой несогласованностью органов власти в вопросах уплотнения и содержания домов, стало то, что без ответственных органов, отвечающих за ремонт и содержание жилого фонда, дома в городах начали стремительно разрушаться, санитарное содержание домов было ужасающим. 26 июля 1918 г. Петергофский районный С.Р. и Кр.Ар.Д. сообщал, что дома, перешедшие в ведение Комиссариата Городского Хозяйства, находятся в санитарном отношении «в крайне плачевном состоянии»⁴⁰⁶. Рабочие продолжали жить в невыносимых условиях: «помещение, которое сейчас занято мной находится во дворе, сырые стены абсолютно мокрые, одну комнату держат закрытой, одна темная и семья из 7-ми человек вынуждена ютиться в двух комнатах»⁴⁰⁷. Санитарно-гигиеническое состояние городских районов было удручающим: «район разваливается, утопает в грязи и нечистотах»⁴⁰⁸. Значительная часть зданий в Петрограде нуждалась в ремонте крыш, системы отопления, водопровода⁴⁰⁹. В 1920 г., например, в Нарвско-Петергофском районе Петрограда насчитывалось около 1200 домов, из них каменных с паровым отоплением – 32 дома, каменных домов с печным отоплением – 600, из этих 600 домов 150

⁴⁰⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 74. Л. 9

⁴⁰⁷ ЦГА СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 114 об

⁴⁰⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 74. Л. 37

⁴⁰⁹ ЦГА СПб. Ф. 102. Оп. 1. Д. 84. Л. 22-22 об

домов были абсолютно разрушены, оставшиеся примерно 600 домов – деревянные и из них 250 домов были отмечены как абсолютно непригодные к жилью и предназначены к слому на дрова⁴¹⁰, но и в этих «домах-клоповниках труженики Путиловцы» жили, «не смотря на угрозу провала и пожара»⁴¹¹. В этих домах капитальный ремонт не проводился более 6-ти лет, поэтому практически на всех домах крыша и другие коммуникации пришли в негодность⁴¹².

Не лучше ситуация складывалась и в Москве в 1921 г. Жилищно-земельный отдел Сокольнического отдела констатировал быстрое разрушение жилых домов в районе и предлагал принять срочные меры для его решения через строгий и скорейший учет всех помещений и их распределение⁴¹³. Жилищный кризис достиг такого состояния, что на заседании Жилищного совета Москвы было предложено расселять демобилизованных рабочих в свободных чайных и трактирах, используя их в качестве общежитий⁴¹⁴.

В качестве одной из причин быстрого разрушения существующего жилого фонда указывалось небрежное отношение населения «в силу эгоистических соображений (страх перед выселением) с другой стороны отсутствием у Москомгосоора производственных возможностей к удовлетворению самых минимальных потребностей жилищ в ремонте»⁴¹⁵. В соответствии с этим было предложено обеспечить гражданам гарантиями на длительное проживание без переселения и уплотнения, при условии

⁴¹⁰ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 84. Л. 24

⁴¹¹ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 84. Л. 24

⁴¹² ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 84. Л. 24

⁴¹³ ЦГАМ. Ф. Р-2313. Оп. 1. Д. 6. Л. 9

⁴¹⁴ ЦГАМ. Ф. Р-2313. Оп. 1. Д. 6. Л. 28

⁴¹⁵ ЦГАМ. Ф. Р-2313. Оп. 1. Д. 6. Л. 35

организации самостоятельного содержания жилья и проведения работ по его ремонту⁴¹⁶. И уже с 1-го июня 1921 г. Постановление Президиума Жилищного совета Москвы объявило о невыселении граждан, которые на собственные средства производили ремонт канализации и водопровода⁴¹⁷.

Другой же немаловажной причиной разрушения жилого фонда было отсутствие материальных средств как у государства, так и у граждан. Это положение дел усугублялось еще и неразберихой в распределении полномочий. Так, например, Подотдел Коммунальных предприятий Отдела Коммунального хозяйства Охтинского Совдепа в своих отчетах о деятельности определяет, что функции отдела «пока совершенно не определены»⁴¹⁸. Тем не менее, пытаясь обозначить сферу своей ответственности, было определено, что данный Подотдел осуществляет руководство электрическим освещением, отоплением, водопроводом, освещением, тремя Коммунальными Охтинскими банями (из которых одна бездействовала)⁴¹⁹. Между управляющим дома, домовладельцами, Домовым Комитетом нередко возникали споры по вопросам распределения полномочий и финансов. Домовой комитет, например, мог препятствовать внесению платы управляющему за пользование помещениями⁴²⁰, что крайне негативно сказывалось на выполнении ремонтных работ в доме, снабжению необходимым топливом, организации домовой охраны. Соответственно финансирование жилищно-коммунального сектора без утверждения точных полномочий было неопределенно и приводило к дальнейшему разрушению жилого фонда, как Петрограда, так и Москвы.

⁴¹⁶ ЦГАМ. Ф. Р-2313. Оп. 1. Д. 6. Л. 35

⁴¹⁷ ЦГАМ. Ф. Р-2313. Оп. 1. Д. 6. Л. 45

⁴¹⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 3

⁴¹⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 3

⁴²⁰ ЦГА СПб. Ф. 55. Оп. 1. Д. 17. Л. 70

Но и позитивные последствия в передаче власти над управлением домами Домовым комитетам, Жилищным отделам и районным Исполнительным комитетам Советов рабочих и солдатских депутатов были. Кроме решения спорных вопросов, возникавших между владельцами домов и их арендаторами, а также между соседями, вышеуказанные органы власти часто вмешивались в решение насущных бытовых проблем. Например, домовладельцам давали предписания по графику отопления помещений, по поддержанию установленной температуры, графику стирки белья⁴²¹, устранению неполадок (подачи воды), ремонту помещений⁴²², периодичности уборки⁴²³ и пр. Это вмешательство давало возможность хоть как-то упорядочить и организовать процесс содержания домов, который в условиях революции не подлежал никакому контролю и осуществлялся исключительно на основе инициативы собственников домов или Домовых комитетов.

Примечательно, что проблема, связанная с отсутствием точной системы распределения полномочий между органами власти, решалась созданием новых надзорных и распорядительных органов, которые должны были принять активное участие в решении насущных жилищно-коммунальных проблем. Так в 1920 г. в Петрограде «крайняя острота жилищного вопроса, зависящая в настоящее время от неудовлетворительности жилых помещений в техническом и санитарном отношении и необходимость настойчивого проведения в жизнь декретов о распределении жилых помещений между трудящимися»⁴²⁴ вызвала потребность организации Жилищной инспекции. Новый орган фактически

⁴²¹ ЦГА СПб Ф. 55. Оп. 1. Д. 17. Л. 60

⁴²² ЦГА СПб Ф. 55. Оп. 1. Д. 17. Л. 61; ЦГА СПб Ф. 55. Оп. 1. Д. 17. Л. 112

⁴²³ ЦГА СПб Ф. 55. Оп. 1. Д. 17. Л. 112

⁴²⁴ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 84. Л. 20

перенял часть полномочий, выполняемых ранее Домовыми комитетами бедноты, а также городским Жилищным Отделом и районными исполкомами по сбору материалов по обследованию жилых помещений, помощи в обеспечении трудящихся здоровыми и благоустроенными квартирами и комнатами, проведению мероприятий, необходимых для содержания жилых помещений в пригодном санитарном состоянии. В 1922 г. был создан еще один новый орган – Жилищные Товарищества, взявшие на себя решение ряда задач, необходимых для поддержания порядка в доме. Например, обеспечение заготовки топлива, устройство сбора денег на неотложные расходы и даже перераспределение этих средств в случае необходимости и отсутствия у кого-то из жителей необходимых средств, устройство ремонтных мастерских, содержание дома в надлежащем санитарном и гигиеническом состоянии⁴²⁵ и другие важные для содержания дома мероприятия. Также в полномочия Жилищных Товариществ входило возбуждение дел в Народном суде о выселении жильцов дома, взимание квартплаты и иных средств и распоряжение ими, вопросы о совершении займов и получения ссуд⁴²⁶ и др.

С увеличением надзорных органов начинается фактический передел их сферы ответственности и компетенции, начинается настоящая борьба за распределение жилья. Так, например, в Президиум Исполкома Нарвско-Петергофского Районного Совдепа Петрограда, представляя интересы рабочих 3-го Хлебозавода, обращается в Бюро Жалоб Рабоче-Крестьянской Инспекции на Домкомбед № 126 о препятствии Домкомбеда о вселении рабочих завода в дом на Фонтанке, который Центральным Жилищным Отделом был назначен в качестве дома для расселения рабочих завода⁴²⁷.

⁴²⁵ ЦГА СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 101

⁴²⁶ ЦГА СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 107

⁴²⁷ ЦГА СПб. Ф. 102. Оп. 1. Д. 84. Л. 17

Постепенно происходит и захват жилых районов теми предприятиями, которые расположены в данном районе: в декабре 1920 г. было издано постановление Совета Народных Комиссаров об улучшении жилищных условий для рабочих заводов и фабрик. В соответствии с данным постановлением, например, все учреждения и жильцы района, принадлежащего Путиловскому заводу, должны были в двухнедельный срок быть переселены⁴²⁸. Только ясли, детские дома, столовые, партийные организации и профсоюзы, т.е. учреждения, обслуживающие нужды рабочих завода, не подлежали выселению из района, контролируемого заводом⁴²⁹.

В борьбе за распределение жилья участвовали, кроме заводов, и другие организации, учреждения и ведомства, стремившиеся через распределение жилого фонда поощрять служащих, чиновников, ученых, которые находились под их покровительством. Так в 1923 г. НКВД обращается в СНК с ходатайством об улучшении быта милиции, «при содержании ее из местных средств»⁴³⁰. В 1924 г. издается Постановление СНК и отдельно разрабатывается инструкция Моссовета о жилищных льготах научным работникам⁴³¹.

Таким образом, неопределенность компетенции различных городских, районных, домовых органов власти, связанных как с процессом уплотнения квартир, так и с вопросами их содержания, приводили исключительно к негативным последствиям, ведущим к разрушению жилого фонда, ухудшению санитарных условий, а, порой, и к преступному произволу отдельных граждан, использующих подобную неразбериху с целью

⁴²⁸ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 84. Л. 62

⁴²⁹ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 84. Л. 62

⁴³⁰ ГАРФ Ф. А259. Оп. 86. Д. 265. Л. 1

⁴³¹ ГАРФ Ф. А259. Оп. 86. Д. 104. Л. 1-5

улучшения своих жилищных условий и захвату приглянувшейся жилой площади.

Но, несмотря на отсутствие точных инструкций по организации процесса уплотнения, распределение жилого фонда среди граждан, нуждавшихся в улучшении жилищных условий, продолжался. Следует отметить, что в целом в 1917-1919 гг. этот процесс происходил не столь активно. В основном происходил отъем домов и квартир у чуждых Советской власти классов не с целью улучшения жилищных условий рабочего класса, а для устройства в этих помещениях различного рода учреждений. Так, например, в 1919 г. в отчете о деятельности Отдела по жилищному вопросу Охтинского района Петрограда указывалось, что за год в районе «всего вселено пять человек беднейшего класса безработных»⁴³². Но в этом же отчете отмечалось, что из «богатых квартир» выселяли только в том случае, когда данная квартира требовалась для устройства учреждений, всего же было выселено около 50 квартир⁴³³. В отчете Жилищного отдела Смольнинского района Петрограда за февраль 1920 г. данные по расселению уже указаны более значимые: «матросам и красноармейцам было выдано бесплатно 89 ордеров на квартиры и дрова; 29 рабочих было вселено в буржуазные квартиры; 27 квартир было передано рабочим, чьи дома подлежали на слом; 4 семьи было переселено из подвальных помещений в буржуазные квартиры; 23 семьи было переселено в связи с тем, что дом должен был быть снесен»⁴³⁴.

В Москве в 1919 г., например, на Даниловской хлопчато-бумажной фабрике происходило заселение не «богатых квартир», а рабочего жилья

⁴³² ЦГА СПб. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 26

⁴³³ ЦГА СПб. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 26

⁴³⁴ ЦГА СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 30. Л. 1

новыми рабочими⁴³⁵, прибывающими на фабрики и заводы из сельской местности, а также уплотнялись квартиры служащих⁴³⁶. При этом вопрос о возможности вселения в ту или иную квартиру решался Фабричным управлением с учетом жилищной ситуации рабочих и состояния квартиры⁴³⁷, порой и с учетом личных пожеланий самого жильца⁴³⁸. Все граждане, ожидающие расселения, записывались в общую очередь и управление фабрикой на общих собраниях решало все вопросы о возможности вселения или выселения в квартиры и общежития с учетом проведенного обследования как жилищных условий ходатателя, так и жильцов, проживающих в жилье, предназначенном к уплотнению⁴³⁹.

При вселении могли учитывать не только нужду рабочего в жилье или порядок его очереди, но и, например, лояльность к органам управления. Так в 1921 г. на Общем собрании граждан, проживавших в Москве в доме № 24 по Домниковской улице 1-го Мещанского Комиссариата, шло обсуждение о предоставлении гражданки Т.В. Мосоловой второй комнаты. Решение было принято в пользу женщины, но только при условии, что она будет вести себя вежливо и подчиняться постановлениям Домового комитета и тем более, не наносить оскорбления его председателю. Удовлетворенная реализацией своего требования гражданка моментально отказалась от своих обвинений о какой-то пропаже⁴⁴⁰.

Кроме учреждений в «богатые квартиры» происходило вселение, в первую очередь, не рабочих, а коммунистов-революционеров. Так, например,

⁴³⁵ ЦГАМ Ф. Р-168 Оп. 1. Д. 12. Л. 7 об

⁴³⁶ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 14. Л. 6

⁴³⁷ ЦГАМ Ф. Р-168 Оп. 1. Д. 12. Л. 8 об; ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 14. Л. 1

⁴³⁸ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 14. Л. 4

⁴³⁹ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 14. Л. 7

⁴⁴⁰ ЦГАМ. Ф. Р-2313. Оп. 1. Д. 6. Л. 1

Исполнительный Комитет Петергофского районного Совдепа постановил передать дом № 7 по Старо-Петергофскому проспекту коммунистам Петергофского района. Жители дома должны были освободить жилое помещение в пятидневный срок. В освобожденном же доме должно было быть устроено общежитие для коммунистов⁴⁴¹. На втором месте в сложившейся иерархии приоритетного распределения жилья находились красноармейцы. Но красноармейцы получали только временные ордера на проживание в квартирах и комнатах, которые требовалось продлевать в установленный срок для того, чтоб не быть выселенными из занимаемых квартир⁴⁴². А после окончания Гражданской войны возникла серьезная проблема, связанная с прекращением арендных договоров после демобилизации, что приводило к немедленному выселению красноармейцев и их семей⁴⁴³, вынужденных в срочном порядке искать себе новое жилье. Были случаи выселения из занимаемых квартир и в связи с отсутствием жильца по причине болезни⁴⁴⁴.

Но и в вопросе расселения не существовало единого для всех правила, т.к. районные комитеты Советов и Жилищные отделы имели возможность существенно корректировать принципы расселения, отдавая приоритет тем категориям граждан, которых считали более важными. В связи с этим крайне примечательна переписка Жилищного подотдела Отдела коммунального хозяйства Петросовета и Петроградской Трудовой Коммуны Нарвско-Петергофского районного совдепа от 22 апреля 1920 г. В своем заявлении в Жилищный подотдел Петроградская Трудовая Коммуна Нарвско-Петергофского районного совдепа обращается с предложением «в целях

⁴⁴¹ ЦГА СПб. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 74. Л. 31

⁴⁴² ЦГА СПб. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 74. Л. 46

⁴⁴³ ЦГА СПб Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 169

⁴⁴⁴ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 14. Л. 3

правильного расселения идя на встречу нуждам рабочего класса в районе, выдавать ордера на право занятия помещений рабочим и служащим нашего района, по возможности воздерживаться от выдачи ордеров как неработающим, так матросам, красноармейцам, духовенству всех наций»⁴⁴⁵. Районный совдеп, таким образом, стремился взять на себя решающую роль в процессе распределения жилого фонда в районе с целью предотвратить их передачи учреждениям и организациям из-за существенного жилищного кризиса среди рабочих, например, Путиловского района⁴⁴⁶.

В эпоху НЭПа уже и классовый принцип начинает уходить на второй план, уступая вопросу финансовому. Так, например, Конфликтная Комиссия, разбирая спор между швеей, занимавшей помещение по Владимирской улице Петрограда и бывшим его владельцем гражданином Березовским, решает вопрос «не входя в оценку имущественного и классового состояния спорящих сторон, а преследуя лишь цель предоставления Петрогуботкомхозу наибольшей арендной платы»⁴⁴⁷, выставив помещение на торги, предоставляя тем самым преимущество гражданину Березовскому «как человеку весьма состоятельному, и ставит гр. Иоффе перед невозможностью снискивать себе пропитание трудом по своей профессии»⁴⁴⁸. Разрабатывая проект постановления ВЦИК и СНК о дополнениях ко второй главе Гражданского Кодекса РСФСР о «праве застройки» в 1923 г., на вопрос об обязанности заселения 10% площади рабочими, Народный Комиссариат Юстиции, давая разъяснения по проекту, указывает, что «застройщик вообще не обязан заселять свободную жилую площадь по ордерам Коммунального

⁴⁴⁵ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 84. Л. 16

⁴⁴⁶ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 84. Л. 16 об

⁴⁴⁷ ЦГА СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 74

⁴⁴⁸ ЦГА СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 74

Отдела»⁴⁴⁹, а имеет право заселять ее жильцами по своему выбору, «т.е. жильцами платящими наивысшую ставку квартирной платы»⁴⁵⁰. Это решение было обусловлено в т.ч. и нуждой немедленного начала жилищного строительства, основанного приоритетно на средства предпринимателей, т.к. у государства денег на строительство жилых домов не было. Требовалось гарантировать застройщикам рентабельность капиталовложений: «необходимо обеспечить за застройщиком не менее 80% чистого дохода»⁴⁵¹ и поэтому совокупные траты по всем видам государственных и местных налогов не должна была превышать 20%.

Другим примером не соблюдения идеи защиты трудового населения в процессе распределения жилья может стать решение, принятое в 1921 г. Профсоюзом работников народного питания, в соответствии с которым из домов-коммун Нарпита должны были быть выселены представители следующих профессий: «1) повары 2) кухонные работники 3) судомойки и поломойки 4) раздатчицы и буфетчицы 5) кладовщики 6) прачки 7) ... самоварщики»⁴⁵², т.е. представители трудового населения.

Таким образом, весь процесс уплотнения квартир, выселения из «богатых квартир» прежних хозяев и заселения их рабочими приобрел свою специфику. Несмотря на стремление удовлетворить потребности рабочего класса в улучшении жилищных условий, данная идея в итоге не получила никакой серьезной реализации. Во-первых, классовый принцип распределения жилья выдвинул на первый план не интересы рабочих, а новой элиты, а также государственных учреждений и организаций, стремящихся реализовать собственные интересы в условиях новой власти. А

⁴⁴⁹ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 86. Д. 274. Л. 1

⁴⁵⁰ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 86. Д. 274. Л. 1

⁴⁵¹ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 86. Д. 274. Л. 6

⁴⁵² ЦГАМ. Ф. Р-2313. Оп. 1. Д. 6. Л. 51

в эпоху НЭПа кассовый принцип распределения жилья уже уходит на второй план, уступая принципу материальному – арендатор с большей платежеспособностью получал преимущества перед трудящимися, т.к. инвестор, на средства которого планировалось организовать жилищное строительство в данный период, должен был окупить вложенные в строительство средства. Во-вторых, несогласованность действий органов власти, неопределенность компетенции и ответственности, приводила к ужасающим последствиям – злоупотребления на местах, халатность приводила к разрушению жилого фонда и к возрастающей несогласованности в заселении районов, выселению граждан даже не в соответствии с классовыми интересами, а исходя исключительно из корыстных намерений отдельных должностных лиц или их знакомых. В-третьих, незаинтересованность граждан в содержании домов из-за постоянной угрозы переселения на фоне отсутствия централизованной поддержки ремонтных работ приводила к еще большему усугублению жилищного кризиса.

Если даже между органами власти царила неразбериха и неорганизованность в процессе реализации идеи удовлетворения нужд рабочего класса в достойном бытовом устройстве, то среди граждан накал отношений был еще более критичен. Следует, правда, отметить, что сложность бытовых взаимодействий и порождаемые ими конфликты существовали еще задолго до прихода к власти большевиков. Так, например, в своей жалобе в квартирную Комиссию при С.Р. и С.Д. гражданка Розалия Гетваб в конце 1917 г. писала: «хозяйка притесняет меня уже 1 1/2 года не дает пользоваться плитой, не топить печки, не дает ставить самовара, угрожает расправой, обвиняет въ воровстве драке»⁴⁵³. Но начало уплотнения квартир еще более усугубил ситуацию – хозяева уплотняемых квартир в

⁴⁵³ ЦГА СПб Ф. 55. Оп. 1. Д. 17. Л. 19

основном действовали прежними методами ограничения доступа к пользованию местами общего пользования⁴⁵⁴.

Эта практика ведения бытовой войны против новых жильцов делала жизнь вынужденно проживающих совместно людей совершенно невыносимой. Поэтому в начале 1920-х гг. рабочие получили возможность самостоятельного уплотнения квартир, если занимаемая площадь оказывалась для рабочей семьи слишком большой. Оставаясь ответственным съемщиком, рабочий, получивший жилплощадь по распределению Районной Комиссии по распределению квартир, мог вселять в свою квартиру тех рабочих и служащих, которые работали на местных фабриках и заводах⁴⁵⁵. И рабочие часто прибегали к такому добровольному уплотнению из-за отсутствия возможности одной рабочей семьи оплачивать квартплату в полном объеме. Эта возможность немного снизила накал страстей между вынужденными соседями, т.к. возможность выбора соседей смягчала бытовые конфликты, но не искореняла их полностью, приводя к дискредитации самой идеи обобществления быта. Советские граждане, «насытившись» бытовыми конфликтами, происходившими в уплотненных квартирах, в дальнейшем будут стремиться к индивидуальным формам организации жилища и быта, активно сопротивляясь пропагандируемым идеям о необходимости создания коллективных форм жилищно-бытовой организации.

Нужда и необходимость выживания в сложных материальных условиях привела к тому, что объектом споров после Октябрьской революции становится не только жилая площадь, но и личное имущество граждан. Вопросы распоряжения комнатами, мебелью, оставленной в квартире ввиду временного отъезда жильцов, занимающих часть комнат, являлись

⁴⁵⁴ ЦГА СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 99

⁴⁵⁵ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1267. Л. 300 об

постоянной проблемой, возникающей в отношениях между вынужденными соседями, приводящей к частым и, порой, неразрешимым конфликтам⁴⁵⁶.

Дележ имущества в уплотняемых квартирах доходил до того, что абсолютно необоснованно люди лишались своего личного имущества по заявлению, например, домкомбеда о незаконности приобретения личных вещей. Недоказуемое обвинение часто приводило к изыманию мебели, книг и иных вещей, которые оказывались предметом спора⁴⁵⁷. Также дележу подлежало и оставленное имущество прежними хозяевами домов и квартир, эмигрировавших после Октябрьской революции. Примечательна история, произошедшая в Петрограде в 1922 г. в доме, оставленном бывшим владельцем и эмигрировавшим в Польшу. После отъезда в доме осталась мебель, которая была присвоена председателем домового комитета бедноты Абрамовым, заявившим, что мебель была им куплена. Эта запутанная история с присвоением мебели продолжалась на протяжении 1918-1922 гг. и закончилась коллективной жалобой жителей дома на произвол Абрамова⁴⁵⁸, который пытался доказать свою невиновность, ссылаясь на заговор против него со стороны своих недоброжелателей. Процедура отъема личного имущества была достаточно распространенным явлением. В этом процессе очень часто принимали участие члены Домовых комитетов бедноты, которые в силу занимаемого положения часто принимали участие в разделе личного имущества как уплотняемых домов, так и отбывающих за границу граждан.

Таким образом, период Гражданской войны и начала НЭПа характеризовались сложностью в сохранении и перераспределении жилого фонда Москвы и Петрограда (Ленинграда). Неопределенность в полномочиях и сфере ответственности, отсутствие материальных средств для поддержания

⁴⁵⁶ ЦГА СПб Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 181

⁴⁵⁷ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 84. Л. 42; ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 84. Л. 45

⁴⁵⁸ ЦГА СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 81-83

уже имеющегося жилого фонда, халатность в проведении ремонтных работ – все это привело к тому, что сокращение жилищного фонда Ленинграда к 1927 г. по сравнению с дореволюционным составил примерно 17% (примерно 3 миллиона кв.м.)⁴⁵⁹. Причинами сокращения жилого фонда в т.ч. были: отсутствие ремонта зданий и их разрушение; прекращение жилищного строительства; исключение из жилого фонда подвальных и иных площадей, непригодных для жизни рабочих⁴⁶⁰. Начавшееся в 1925 г. жилищное строительство по своим масштабам было столь незначительным, что не позволяло даже покрыть ежегодную убыль жилого фонда в следствии разрушения домов⁴⁶¹. Проблему усугублял и резкий приток в новую и старую столицы крестьянского населения (особенно в Москву) после Гражданской войны.

Несмотря на множество теоретических проектов жилищного строительства, которые разрабатывались в середине 1920-х гг., реальная ситуация в жилищном строительстве серьезно отличалась от разработок советских архитекторов. Признавая важность перехода к обобществлению быта, освобождению работниц «от притупляющей работы в кухне и прачешной»⁴⁶², продолжалось строительство индивидуальных квартир без каких-либо нововведений с обобществлением быта, обеспечением культурной работы с населением. Строительство индивидуального типа квартир, преимущественно 2-3 комнатных, с отдельной кухней или общей жилой комнатой, оснащенной плитой, ванной комнатой в этот период является основным направлением в городском жилищном строительстве как в Ленинграде, так и в Москве.

⁴⁵⁹ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 186

⁴⁶⁰ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 186

⁴⁶¹ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 187

⁴⁶² ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 75

Строительство шло преимущественно на основе кооперативного строительства и, соответственно, основывалось на интересах пайщиков. Так, например, Ленинградский Комитет Содействия Кооперативному строительству рабочих жилищ, объявляя конкурс на разработку строительных проектов рабочего жилища, в требованиях указывает необходимость устройства комнат из расчета 9 кв.м. на одного человека⁴⁶³ при этом жилых комнат в данных квартирах предусматривалось от 2 до 4 с «вместимостью от 1 до 3 человек в комнате»⁴⁶⁴. Расчет проживающих в данных квартирах устанавливался следующий: в двухкомнатных квартирах 3-4 человека, 4-5 человек в трехкомнатных и 5-8 человек в четырехкомнатных квартирах⁴⁶⁵. На совещании по рассмотрению разработанной Проектным Бюро программы жилищного строительства на 1926 г. также предусматривалось строительство индивидуальных квартир, «чтобы в каждой квартире могла поселиться лишь одна семья и чтобы размеры и планировка кухонь исключала возможность превращения их в жилую комнату и место ночлега»⁴⁶⁶. Но уже при обсуждении проекта застройки участков в Московско-Нарвском и Володарском районах Ленинграда Комитет предлагает более реалистично рассматривать ситуацию с дальнейшим расселением в домах: «заранее можно сказать, что в каждой квартире, рассчитанной на четыре человека, будет в действительности жить по 10 человек»⁴⁶⁷. В связи с этим обстоятельством Комиссия вела серьезное обсуждение необходимости увеличения кубатуры комнат за счет повышения высоты потолков в проектируемых домах (повышение кубатуры комнаты должно было обеспечить всех проживаемых в ней необходимым запасом

⁴⁶³ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 41 об

⁴⁶⁴ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 41 об

⁴⁶⁵ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 43

⁴⁶⁶ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 168

⁴⁶⁷ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 74 об

воздуха), но и эта необходимость вызывала серьезные нарекания, т.к. увеличение кубатуры комнат требовало больших затрат не только на строительство, но и на отопление помещений⁴⁶⁸.

Прогноз Комитета по плотности заселения проектируемых квартир оправдался при обследовании построенных домов в Володарском районе Ленинграда в 1926 г. уже непосредственно после их заселения. Если по норме предполагалось заселение квартир из расчета 9 кв.м. на человека, то построенные дома в Московско-Нарвском и Володарском районах были заселены плотностью 7,5-7,9 кв.м. на человека⁴⁶⁹. Одна квартира заселялась двумя и тремя семьями, столовые и кухни превращались в спальни. Так, например, в квартиру с двумя спальнями и кухней-столовой были заселены две семьи: одна семья из 5 человек, вторая из трех человек⁴⁷⁰. По статистике, представленной о реальной заселенности рабочих квартир в построенных в 1925 г. домах, средняя плотность заселения в Московско-Нарвском районе Ленинграда была указана как 6,83 кв.м. на человека⁴⁷¹.

С учетом опыта строительства и заселения квартир в 1925 г., в 1926 г. квартиры проектировались уже с возможностью вселения 2-х семей⁴⁷². Также существенно была уменьшена площадь квартир, что обуславливалось дороговизной содержания рабочими больших по площади, например, 3-комнатных квартир площадью 60 кв.м. и сложностью их заселения 2-3 семьями из-за неудобства планировки и недостаточной величины подсобных помещений (кухни, ванной). По этой причине при проектировании строительства в 1927 г. было принято решение перейти на уменьшение

⁴⁶⁸ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 74 об

⁴⁶⁹ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 16

⁴⁷⁰ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1267. Л. 278 об

⁴⁷¹ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1267. Л. 312

⁴⁷² ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 176

общей площади квартиры: 2-комнатных до 30 кв.м. и трехкомнатных до 50 кв.м. при увеличении площади кухонных помещений⁴⁷³ (что давало возможность более комфортного проживания в случае уплотнения квартиры и ее заселения несколькими семьями).

Другим вариантом, не менее популярным в этот период, было, наоборот, увеличение площади комнат, что способствовало удешевлению строительства⁴⁷⁴. Но в случае увеличения площади комнат, разумеется, речь уже не шла о посемейном заселении квартиры. Удешевляя строительство за счет увеличения площади комнат, фактически реализовывалась расселение семей покомнатно. Это, с одной стороны, соответствовало соблюдению жилищных норм по норме расселения 9 кв.м. на человека, а, с другой стороны, позволяло существенно удешевить строительство.

Всего в Ленинграде в 1925 г. в Московско-Нарвском районе был построен 21 дом на 1000 комнат и было восстановлено 2 дома на 137 комнат. В Володарском районе Ленинграда Стройкомом было построено 10 новых домов, Жилсоюзом 5 домов и один дом был восстановлен – всего в Володарском районе было получено 455 комнат в результате строительства и проведенного ремонта. В Выборгском районе жилой фонд был увеличен на 554 комнаты и в Василеостровском районе на 523 комнаты⁴⁷⁵. Качество нового строительства оставляло желать лучшего. Обследование, проведенное через несколько месяцев после заселения построенных домов в Володарском районе в 1925 г., выявило серьезные проблемы в только что построенных домах: сырость, плохое качество построенных печей и окон, рассыхание дверей⁴⁷⁶.

⁴⁷³ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 177

⁴⁷⁴ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1278. Л. 17

⁴⁷⁵ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1267. Л. 308

⁴⁷⁶ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1267. Л. 278

Распределение этой жилой площади шло по следующей схеме: 10% квартир передавалось заводам и трестам, которые осуществляли отчисления на строительство из фонда по улучшению быта рабочих, остальной жилой фонд поступал на общее распределение между работниками всех предприятий Ленинграда⁴⁷⁷. При этом отмечалось, что распределение жилого фонда шло в первую очередь не среди рабочих предприятий, а среди административно-технического персонала⁴⁷⁸.

Идеи полного обобществления быта, столь популярные в риторике новой власти, не находили поддержки в реальной жилищно-бытовой организации. Это проявлялось как в отказе от строительства общежитий, домов-коммун, так и в минимальном размещении объектов обобществления быта (столовых, прачечных, детских яслей) при строительстве рабочих домов и кварталов. Основной же причиной отказа от этих идей была нехватка средств. При подсчете расходов на строительство домов-коммун было выявлено, что соотношение общественных и жилых помещений должно соответствовать 40 на 60, а с учетом того, что в середине 1920-х гг. жилищное строительство в большинстве своем производилось по принципу кооперативного строительства, то все расходы должны были ложиться на плечи самих жильцов⁴⁷⁹. В итоге Строительным Комитетом по постройке рабочих домов Губпрофсовета и Огкомхоза был сделан вывод о недопустимости возлагать на рабочего строительство новых типов домов с общественной организацией быта. Отмечалось, что на это «нет ни экономических, ни социальных оснований» и единственным верным путем решения жилищной проблемы пролетариата является постройка

⁴⁷⁷ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1267. Л. 308

⁴⁷⁸ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1267. Л. 308

⁴⁷⁹ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 175

индивидуальных квартир «при соблюдении основных условий гигиены быта»⁴⁸⁰.

Несмотря на невероятное уплотнение квартир, возникшие проблемы с сыростью помещений, рабочие оставались вполне довольны заселением в новые квартиры, т.к. условия их жизни до заселения в ряде случаев были значительно хуже, чем в новых домах. По признанию одной из хозяек новой квартиры в Володарском районе Ленинграда (разумеется, уплотненной сверх меры): «мы прежде жили в невозможных условиях. Сегодня ночью я проснулась и заплакала: неужели и мы будем жить как люди»⁴⁸¹.

Если вопрос о строительстве индивидуального типа квартир являлся решенным в ходе практической реализации жилищного строительства в Ленинграде, то вопрос о размере квартир обсуждался. Как было указано выше, в 1925-1926 гг. при проектировании строительства многоквартирных домов приоритет отдавался проектированию комнат малой площади с целью избежать их заселения несколькими семьями, на обсуждении же строительства в 1927 г., с целью экономии средств рассматривалась необходимость увеличения площади комнат, т.к. «за те же деньги можно будет получить больше жилой площади»⁴⁸².

Элементы обобществления быта в этих проектах можно найти только в отношении проектирования общежитий для бессемейных: здесь предполагалось проживание 1-2 человек в комнате, питание в столовой, помещения для работы и отдыха – в т.н. «общих приемных», читальнях⁴⁸³. Основным препятствием для внедрения идей преобразования быта на социалистических началах, разумеется, был недостаток средств. Проектируя

⁴⁸⁰ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 175

⁴⁸¹ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1267. Л. 278 об

⁴⁸² ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 7

⁴⁸³ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 43-43 об

жилые районы, основным предметом спора среди архитекторов были не расхождения в архитектурных представлениях на форму и стиль, а споры о целесообразности строительства тех или иных культурных или хозяйственных объектов с т.з. их стоимости. Примером этому может послужить спор по застройке участков в Московско-Нарвском и Володарском районах Ленинграда. При планировании застройки участка возникает план строительства зрительного культурно-просветительного центра для проведения собраний, представлений, который должен был стать важным объектом в рамках реализации плана культурно-идеологической работы с населением⁴⁸⁴. Долгие споры о месте размещения зала, его форме в итоге привели к отказу от идеи, т.к. строительство, во-первых, оказалось слишком дорогостоящим, а, во-вторых, было объявлено о нецелесообразности проекта из-за отступления от текущих задач первоочередного улучшения жилищно-бытовых условий трудящихся⁴⁸⁵.

Вынужденная экономия выражалась и в крайней осторожности к сносу ветхих жилых домов. Те здания, которые могли прослужить еще несколько лет не трогали даже в том случае, если они мешали реализации архитектурных планов застройки района⁴⁸⁶. При проектировании общественных помещений предлагалось их устройство впредь не в каждом доме, а для каждого домового объединения, т.е. поквартально. Дома должны были объединяться по группам 2-х, 3-х или более домов⁴⁸⁷.

Принцип реализации планировки жилых районов практикующими архитекторами осуществлялся не всегда по правилам архитектурной застройки, а по принципу «насыпания картофеля в мешок: чем больше его

⁴⁸⁴ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 63 об

⁴⁸⁵ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 64

⁴⁸⁶ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 65

⁴⁸⁷ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 165

утрачивать, тем лучше расположатся в нем картофелины»⁴⁸⁸, именно такой принцип предлагалось использовать для проектирования жилых районов Ленинграда Технической Комиссией Ленинградского Губернского Комитета Содействия Кооперативному Строительству рабочих жилищ, участниками которой были архитекторы А.И. Дитрих, А.И. Дмитриев и другие.

В то время, когда среди ведущих архитекторов страны шла дискуссия о лучшей форме организации пролетарского жилища на основе идей обобществления быта, архитекторы и строители городских районов, действовавшие не столько на перспективу, сколько стремясь решить актуальные проблемы жилой организации пролетариата, отказываются от воплощения идей строительства не только домов-коммун, но и даже от строительства общежитий. На совещании Технической Комиссии Ленинградского Губернского Комитета Содействия Кооперативному Строительству рабочих жилищ было признано временно отказаться от строительства общежитий, т.к. «опыт с искусственным насаждением общежитий дает пока отрицательные результаты»⁴⁸⁹, которые выражались в «распушенности нравов» среди жильцов общежитий⁴⁹⁰.

Другой немаловажной причиной постепенного отказа от строительства общежитий и домов-коммун была бесхозность содержания домов. Так, например, в Санкт-Петербурге еще в 1904 г. архитектором В.П. Кондратьевым в качестве эксперимента был построен дом-коммуна с системой покомнатного расселения, получивший название «Порт-Артур». После Революции этот дом был преобразован в рабочее общежитие. В 1925 г., обсуждая возможность дальнейшего использования дома, было предложено перестроить общежитие в многоквартирный дом – 600 комнат

⁴⁸⁸ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 66

⁴⁸⁹ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 67 об

⁴⁹⁰ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 67 об

предлагалось преобразовать в 150 трехкомнатных квартир с кухней. Причиной же отказа от обобщественного быта и расселения рабочих в общежитии было то, что при покомнатной системе не было возможности добиться хозяйственности в ведении дома⁴⁹¹. По мнению собравшихся на совещании с Представителями Районов по вопросу о восстановлении жилых домов и постройке новых в 1926 г., «при настоящем уровне культуры и общественности» комнатная система способствовала «превращению благоустроенного дома в клоаку»⁴⁹². По этой причине на указанном совещании предлагалось практически все дома с покомнатным расселением перестроить в многоквартирные дома. При этом доля домов-коммун (надо учитывать, что само название «дом-коммуна» в ряде случаев никак не соответствовало тем представлениям о данной форме организации жилища и быта, которая бытовала в идеологической пропаганде и архитектурной мысли современников) в Ленинграде в 1925 г. по отчету Статистической Секции составляла 0,7% от объема всей жилищной застройки Ленинграда (94 объекта из 12736)⁴⁹³.

Таким образом, в то время, когда ведущие архитекторы страны спорили об архитектурной форме будущей системы расселения советских граждан (спор между урбанистами и дезурбанистами) на социалистических началах, архитекторы, ведущие реальное строительство рабочего жилья в 1920-х гг. намеренно отказывались от любых форм создания коллективных форм жилой организации. Этому способствовали и настроения советских граждан, которые, вкусив все прелести коллективного быта, получив возможность выбора форм расселения через кооперативное строительство, целенаправленно отказывались от любых подобных экспериментов.

⁴⁹¹ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 160

⁴⁹² ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 160

⁴⁹³ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1269. Л. 28

Немногочисленное строительство домов-коммун, осуществляемое в середине 1920-х гг., происходило исключительно на государственные средства в качестве эксперимента. Эти дома, как правило, заселялись идейными коммунистами, истинно верившими в возможность ведения быта на коллективных началах, но даже и здесь возникали серьезные проблемы. Для большинства же граждан, имевших очень слабое представление о коммунистических бытовых идеалах, и неудовлетворенных коллективными формами жилой организации, с которыми им пришлось столкнуться в дореволюционные годы и в годы военного коммунизма, идеалом бытовой организации являлось расселение в индивидуальных квартирах и ведение индивидуального быта.

В процессе строительства рабочего жилища повсеместно возникали проблемы, которые являлись основным препятствием для быстрого и экономного строительства и главной проблемой была элементарная халатность. Повсеместно и в Москве, и в Ленинграде основными жалобами на проводимые ремонтные и строительные работы было недовольство их качеством: «живущие в отремонтированных зимою домах жалуются на недоброкачественность ремонта – штукатурка в квартирах отваливается, в новых полах огромные щели»⁴⁹⁴. Не менее значимыми проблемами были отсутствие необходимой рабочей силы, простои в подвозе материалов для строительства, недостаточное обеспечение рабочих продовольствием, жильем⁴⁹⁵. Нехватка рабочей силы проявлялась в том числе и в том, что за время практически десятилетнего застоя в строительстве, профессиональные рабочие потеряли свою квалификацию⁴⁹⁶. Падение профессиональных навыков стало существенным препятствием к внедрению механизации в

⁴⁹⁴ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 136 об

⁴⁹⁵ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 136 об

⁴⁹⁶ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 137

строительстве «работника надо сперва воспитать, долгой практикой приучить пользоваться и управлять механизмами, а при нынешнем составе рабочих, при их сомнительной квалификации уж лучше вернуться к испытанной русской «дубинушке», которая в нашей обстановке быстрее вывезет, чем научно построенные, математически точные приемы и методы форда»⁴⁹⁷.

Отсутствие же механизации строительства (ручное приготовление растворов, ручная переноска материалов), в свою очередь, серьезно препятствовала его скорости и негативно сказывалась на росте затрат на строительство⁴⁹⁸. Также проблемой была разница в оплате труда между профессиональными рабочими и чернорабочими. Другой проблемой было расхищение стройматериалов как самими строителями, так и, например, жильцами ремонтируемых домов: «не успеешь поставить новое центральное отопление, как население дома выломает радиаторы и унесет трубы»⁴⁹⁹. Не меньшей проблемой оказалось и отсутствие стандартизации в строительстве и нерациональное проектирование, а также отсутствие единого органа управления строительством, которое регулировало бы все планирование и проектирование городского строительства⁵⁰⁰. Плохое качество строительных материалов также существенно препятствовало быстрому, дешевому и качественному жилищному строительству⁵⁰¹. Эти проблемы, по мнению экспертов, проводивших обследование жилищного строительства в Ленинграде, указывались как основные, существенно удорожающие

⁴⁹⁷ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 137

⁴⁹⁸ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1278. Л. 6

⁴⁹⁹ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 160

⁵⁰⁰ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 16

⁵⁰¹ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1278. Л. 5 об

строительство⁵⁰². Проблема жилищного кризиса в Ленинграде в 1927 году получила новые варианты ее разрешения. Было предложено использовать под жилье помещения, занятые ранее различными учреждениями, предлагалось восстанавливать недостроенные и разрушенные здания⁵⁰³, в т.ч. и пустующие торгово-промышленные здания⁵⁰⁴.

Недовольство рабочих объемами, качеством и, главное, распределением квартир было повсеместным. Так, например, в обращении группы рабочих заводов, объединившихся в клубе Энгельс, отмечается то, что, во-первых, в центральных районах Ленинграда по-прежнему «царствует прежняя буржуазия» и рабочим снять квартиры в этом районе невозможно⁵⁰⁵. Невозможность съема квартир в центральном районе рабочие объясняли и как их дороговизной, так и нежеланием хозяев сдавать комнаты рабочим, «чтобы не нарваться на твердого человека, который въедет в комнату и устроит там революцию»⁵⁰⁶. Возможность сдачи квартир в наем, по мнению рабочей группы, многие ответственные квартиросъемщики использовали как дополнительный источник доходов⁵⁰⁷. Квартплата в соотношении к заработку рабочего колебалась в зависимости от места работы, но примерно находилось в пределах от 20 до 35%⁵⁰⁸.

Социальная неприязнь среди рабочих в отношении бывшей буржуазии и дворянства, их возмущение классовой дискриминацией в вопросах распределения жилья в центральных районах и даже в рабочих районах

⁵⁰² ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 16

⁵⁰³ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 13

⁵⁰⁴ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 35

⁵⁰⁵ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1269. Л. 163

⁵⁰⁶ Там же.

⁵⁰⁷ Там же.

⁵⁰⁸ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1278. Л. 4 об

(Лесной район) демонстрируют, в первую очередь, невозможность решения жилищной проблемы в Ленинграде и, в первую очередь, в промышленных районах, населенных рабочими. Рабочей группой предлагалось законодательно сократить самостоятельность в распоряжении жильем ответственными квартиросъемщиками, что должно было способствовать более справедливому распределению жилого фонда в городе⁵⁰⁹.

Расширенному строительству в городах рабочего жилья препятствовало в т.ч. и недостаточность финансирования строительства, а также его неопределенность – финансирование (так же, как и проектирование) не было централизовано, что серьезно препятствовало планированию объемов строительства, планировки застройки районов. Финансирование жилищного строительства в Ленинграде в 1925-1927 гг. шло по следующим каналам: из долгосрочный ссуд Центрального Коммунального банка; от Ленинградского губернского отдела коммунального хозяйства (Губоткомхоза); ссуд от Губернского Комитета Содействия строительству рабочих жилищ; из фонда улучшения быта, который привлекал отчисления из прибылей предприятий; из паевых накоплений Рабочих Жилищно-строительных Кооперативных Товариществ; оборотных средств Жилищно-арендных кооперативных товариществ (ЖАКТов)⁵¹⁰. Доля пайщиков среди всех категорий граждан, заселяемых в дома, строившиеся в 1925-1926 гг. в Ленинграде, было около 50%, среди них большую часть пайщиков составляли рабочие средней и высокой квалификации⁵¹¹.

Таким образом, система организации социалистического жилья не была реализована в советской действительности в 1920-х гг. Немногочисленные

⁵⁰⁹ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1269. Л. 164-164 об

⁵¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1278. Л. 4

⁵¹¹ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1278. Л. 11 об

попытки создания домов-коммун не получили никакого серьезного распространения. Единственной формой организации жилья на социалистических началах, получившей распространение в 1920-х гг., стало создание рабочих общежитий, но и эта идея дискредитировала себя бесхозяйственностью – то, что находилось в общей собственности быстро подвергалось разрушению и захламлению. Разумеется, строительство рабочих общежитий продолжалось, это было обусловлено насущной необходимостью расселения одиноких рабочих, которые массово прибывали в Москву и Ленинград в 1920-х гг., а не идеей обобществления жилищно-бытовой организации на социалистических началах. А за основу жилищного строительства было принято строительство индивидуальных квартир. Разумеется, низкие темпы жилищного строительства, нехватка средств, перенаселение городов приводило к перенаселению индивидуального типа квартир. В итоге обобществление жилища все же произошло, но в крайне искаженных формах, которые были далеки от тех идеалов, создаваемых в проектах сперва социалистов-утопистов, в некоторой степени поддерживаемые идеологами марксизма и далее ведущими советскими архитекторами, занимавшимися разработкой концепции рабочего жилища на социалистических началах.

Организация же быта в подобных искаженных формах обобществленного жилья приводила только к негативным последствиям. Граждане, участвовавшие в постоянных бытовых войнах, возникавших между вынужденными соседями по причине недостаточности площади жилья, необходимой для нормальной жизни, приобретали стойкое нежелание в дальнейшем участвовать в экспериментах по организации быта на социалистических началах. Как только у населения появляется возможность какого-то выбора в форме жилой организации через кооперативное

строительство, оно делает выбор в пользу индивидуального устройства своего жилища, отделенного от вынужденного соседства.

4.2. Реализация проекта обобществления бытовой организации в 1917-1920-х гг.

Идея полного обобществления быта в системе жилищного строительства не была реализована в 1920-х гг. Причин было достаточно много, но основными являлись: во-первых, отсутствие материальной возможности Советского государства, находившегося на протяжении 1920-х гг. в тяжелом экономическом кризисе; во-вторых, неготовность самих граждан к переходу к системе полного обобществления быта; в-третьих, отсутствие истинной заинтересованности, как партийного руководства, так и в низшем звене управления (на фоне насущных проблем необходимости удержания власти реализация идеи обобществления быта представлялась несущественной). Практика показала, что все проекты организации жилища, предусматривавшие полную коллективизацию быта (дома-коммуны, общежития) в итоге дискредитировали себя из-за халатности жителей и их нежелания участвовать в содержании обобществленных помещений. Тем не менее, насущные потребности советской действительности не полностью отодвигали идею внедрения элементов обобществленного быта. Поэтому отдельные его элементы получили распространение в 1920-х гг. В первую очередь, система обобществления коммунального быта коснулась системы питания.

В эпоху военного коммунизма важнейшей проблемой для советской власти оставалась продовольственная проблема. Проблема выдачи пайка была одной из основных для населения, в первую очередь, крупных городов – Петрограда и Москвы. Так в адрес Жилищного Отдела Петергофского районного совдепа постоянно поступали обращения о предоставлении

удостоверений на получения продовольственного пайка⁵¹². Именно получение продуктов становилось в этот период основой для социальной активности. Любая приближенность к новой власти давала шанс обеспечить себя и членов своей семьи необходимым для жизни продовольствием – поступление в качестве добровольца в Продовольственный Отряд⁵¹³, в Красную Армию⁵¹⁴ давало возможность всем членам семьи, находящимся на иждивении (жене, детям, нетрудоспособным матери, отцу, братьям и сестрам), получать содержание в виде пайка. В Райбюро Петрокоммуны поступали постоянные просьбы о предоставлении дежурным при Исполкоме⁵¹⁵, работающим сверхурочно строителям⁵¹⁶, служащим⁵¹⁷, артистам, выступающим с концертами⁵¹⁸, сельди, сахара⁵¹⁹, воблы⁵²⁰, керосина⁵²¹, соли⁵²², обуви⁵²³. Также об обеспечении своих рабочих необходимым продовольствием заботился каждый отдельный завод самостоятельно. Так, например, Даниловская прядильно-ткацкая и красильно-набивная фабрика через Московское потребительское общество организовывало для своих рабочих распределение овощей (картофеля и капусты)⁵²⁴, соли⁵²⁵.

⁵¹² ЦГА СПб. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 74. Л. 30

⁵¹³ ЦГА СПб. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 74. Л. 34

⁵¹⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 74. Л. 30

⁵¹⁵ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 1

⁵¹⁶ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 17

⁵¹⁷ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 18

⁵¹⁸ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 36

⁵¹⁹ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 2; ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 4

⁵²⁰ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 8

⁵²¹ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 13

⁵²² ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 48

⁵²³ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 19

⁵²⁴ ЦГАМ Ф. Р-168 Оп. 1. Д. 12. Л. 8

Проблема распределения продуктов в ситуации продовольственного кризиса отяжелялась рядом иных проблем: хаотичностью в процессе распределения пайков, хищениями продуктов сотрудниками столовых, буфетов, неудовлетворительной работой столовых. Так, например, анонимный рабочий в своем обращении в Бюро Райкома указывает на то, что в столовых «происходит ужасающая картина: во первых грязь все та же, во вторых уменьшение порции обедов в коммунальных столовых»⁵²⁶, а также упоминается о сильном злоупотреблении в лавках и столовых⁵²⁷. О фактах злоупотребления сообщается и в отношении распределения товаров первой необходимости. Так гражданин, которому было отказано в предоставлении ткани на пошив костюма, в своей жалобе в Петрокоммуну указывает на то, что «в Петрокоммуне как слышно поддерживаются старого знакомства и кумовства и через знакомого человека можно получить, а так все будет отказ за неимения»⁵²⁸.

Важным элементом в системе перераспределения продовольствия между гражданами было создание столовых. Именно через систему общественного питания в период Гражданской войны происходило распределение большей части продовольственных пайков. При этом состояние столовых в этот период в ряде случаев было устрашающим. Так Претроградская Трудовая Коммуна Нарвско-Петергофского районного совета, обращаясь в Горздравотдел, обращала внимание на состояние столовых: «Коммунальные столовые в настоящий момент являются рассадниками дезинтерии и вообще желудочных заболеваний ... самое главное зло в столовых проделываются служащими: воровство и разбавление

⁵²⁵ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 14. Л. 7

⁵²⁶ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 64

⁵²⁷ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 64

⁵²⁸ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 79

пищи не кипяченой водой. Честные труженики гибнут и ждут помощи»⁵²⁹. Это подтверждается и записками врача-гигиениста М.И. Покровской, проводившей обследование рабочих столовых Петрограда в 1921 г., большая часть которых находилась в крайне запущенном состоянии. Отсутствовали элементарные условия для соблюдения гигиены (например, умывальники⁵³⁰ или даже канализация⁵³¹), помещения общепита «одолевали крысы»⁵³², отсутствовала вентиляция⁵³³, царила «страшная грязь, пар, душный воздух»⁵³⁴, обваливались потолки⁵³⁵. Часты были случаи, когда в столовых не готовили, а выдавали только кипяток⁵³⁶.

О недоброкачественности пищи поступали постоянные жалобы в Совет Петергофского Района. Так жалоба на столовую № 7 заключалась в том, что «кормят какой то зеленью не доброкачественной, горькой»⁵³⁷. Рабочие, обращаясь к власти, просили иметь «хотя несколько сострадания, к бедному народу» и дать «пищу которую можно без боязни кушать в которой нет вредной сорной травы и грязи»⁵³⁸, жаловались на «очень не доброкачественные продукты так что нельзя из него нечего приготовить поварит она что выдают ужин с червями ведь это все для рабочих нашей фабрике»⁵³⁹.

⁵²⁹ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 122

⁵³⁰ ЦГИА СПб Ф. 2114 Оп. 1. Д. 1Б. Л. 10

⁵³¹ ЦГИА СПб Ф. 2114 Оп. 1. Д. 1Б. Л. 12

⁵³² ЦГИА СПб Ф. 2114 Оп. 1. Д. 1Б. Л. 18

⁵³³ ЦГИА СПб Ф. 2114 Оп. 1. Д. 1Б. Л. 30

⁵³⁴ ЦГИА СПб Ф. 2114 Оп. 1. Д. 1Б. Л. 33

⁵³⁵ ЦГИА СПб Ф. 2114 Оп. 1. Д. 1Б. Л. 36

⁵³⁶ ЦГИА СПб Ф. 2114 Оп. 1. Д. 1Б. Л. 15

⁵³⁷ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 127

⁵³⁸ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 127

⁵³⁹ ЦГА СПб Ф. 54. Оп. 1. Д. 53. Л. 37

Кроме жалоб на некачественную еду в столовых, рабочие высказывали претензии на злоупотребления в столовых, хищения, антисанитарию. Так в 1920 г. сотрудник кухни столовой № 172 неоднократно обращался с жалобами на свое руководство о хищении продуктов, халатность сотрудников в использовании топлива (из-за неоднократных опозданий кладовщика, выдающего продукты, в то время, когда печи были растоплены для готовки)⁵⁴⁰. Но не все столовые находились в ужасающем состоянии, наоборот, на некоторых заводах и фабриках с ответственной администрацией столовые играли значительную роль в условиях продовольственного кризиса. Например, в Москве в 1919 г. на Даниловской прядильно-ткацкой и красильно-набивной фабрике рабочие обеспечивались не только обедами в рабочее время, но и была создана система раздачи обедов на дом⁵⁴¹, что было крайне актуально, т.к. большая часть рабочих предприятия состояла из женщин.

Если в эпоху Гражданской войны в силу острого продуктового дефицита граждане были вынуждены пользоваться общественными столовыми, то уже к середине 1920-х гг., когда острая необходимость отпала, столовые все меньше привлекали работниц. Одной из причин указывалась дороговизна обедов⁵⁴². Так в столовой в Ярцеве стоимость обеда и ужина на семью оценивалась в 4 р. 50 к. «на эти деньги работница два дня будет кормить семью, как говорится, до отвалу. Вот почему семейные в нашу столовую не ходят»⁵⁴³. Не меньшее отторжение вызывал и беспорядок в

⁵⁴⁰ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 162

⁵⁴¹ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 14. Л. 2

⁵⁴² Нужна ли работнице организация быта на общественных началах // Работница. № 2. 1923. С. 17.

⁵⁴³ Балужева П. Ярцевским ткачихам не хватает яслей // Работница. № 10. 1927. С. 14.

местах общественного питания: мусор на столах и полу, холод в помещениях «на столах лед, обеды подаются холодные»⁵⁴⁴, грязная посуда, очереди⁵⁴⁵.

Проблема единоличного приготовления пищи была как никогда актуальной. Места на кухнях в общежитиях и коммунальных квартирах не хватало катастрофически. Так на фотографии кухни общежития прядильно-ниточной фабрики им. С. Халтурина, сделанной в 1926 г. в Ленинграде, на тесной кухне одновременно готовят обед 9 женщин, часть из которых с маленькими детьми⁵⁴⁶. Единовременное пребывание женщин на кухне делало коммунальный быт крайне тяжелым, порождая бытовые конфликты. Иногда женщины в общежитиях и коммунальных квартирах объединялись и распределяли между собой обязанности по приготовлению пищи: «соединяемся по 3 по 4 работницы вместе и готовим, по очереди на базар ходим»⁵⁴⁷. Идею совместного приготовления еды с целью минимизации расходов (например, на топливо или продуктов⁵⁴⁸) и времени на готовку (которое женщины должны были тратить на общественную работу и труд на производстве⁵⁴⁹) женщины пытались реализовывать и в коммунах⁵⁵⁰, но эта кооперация часто имела негативные последствия, по причине недоговоренности между собой, подозрениях в обмане друг друга.

Таким образом, как только спала необходимость пользоваться столовыми по причине продовольственного кризиса, семьи практически мгновенно отказались от этой возможности. Женщины, несмотря на бытовые

⁵⁴⁴ Работницы в бытовом походе // Работница. № 21. 1929. С. 14.

⁵⁴⁵ Богомолова А. В поход за культуру // Работница. № 40. 1929. С. 15.

⁵⁴⁶ ЦГАКФФД СПб Гр 11973

⁵⁴⁷ Елпидифорова Е. Живем по новому // Работница. № 16. 1924. С. 16.

⁵⁴⁸ Неева. Фабрики-кухни // Работница. № 5. 1929. С. 7-8.

⁵⁴⁹ Кожаный П. Об общественном питании // Работница. № 10. 1923. С. 22.

⁵⁵⁰ ЦГАКФФД СПб Гр 10479

сложности, связанные с приготовлением пищи на общих кухнях, были готовы терпеть эти бытовые трудности из-за стремления сэкономить и тем самым обеспечить свою семью лучшим качеством еды, чем это предоставлялось в общественных столовых. Даже скученность и неудобство на небольших кухнях в коммунальных квартирах и рабочих общежитиях не останавливали женщин. Все идеи по организации кооперации по совместному приготовлению еды также были отвергнуты, не получив никакого масштабного распространения, ограничившись отдельными непродолжительными экспериментами, несмотря на активную пропаганду этих идей Советской властью.

Еще осенью 1917 г. в связи с наступающим экономическим и продовольственным кризисом, был выдвинут вопрос о развитии огородничества в Петрограде. В связи с реализацией этой задачи при Центральной Городской Управе был создан Центральный Сельскохозяйственный Совет задачей которого был учет всех пригодных для огородничества земель и «насаждения на них огородничества»⁵⁵¹, покупки и распределения семян, оказание агрономической помощи, снабжение инвентарем⁵⁵². Для упрощения процесса распределения и контроля за работами, были созданы районные подотделы. Одним из таких стал Сельскохозяйственный Подотдел Отдела коммунального хозяйства Центрального Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Охтинского района г. Петрограда, который также занимался заведованием и распределением свободных участков под огороды среди нуждающегося рабочего населения⁵⁵³. Этот же отдел осуществлял надзор за выделяемыми огородами. В общем на закупку инвентаря, семян, оборудование кухни,

⁵⁵¹ ЦГА СПб. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 28

⁵⁵² ЦГА СПб. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 28

⁵⁵³ ЦГА СПб. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 2

склада и др. было потрачено 2 834 501 руб., планировалось собрать урожай в 88 000 пудов и обеспечить работой 700 рабочих в течение трех месяцев⁵⁵⁴. Если огороды организовывались при фабрике или заводе, то обычно в сельскохозяйственных работах участвовали сами рабочие или служащие, выдвигаемые общественностью или выступавшие в качестве добровольцев⁵⁵⁵.

Особенно идея организации огородов при фабриках и заводах получила распространение с усилением продовольственного кризиса накануне голода 1921-1922 гг. Вопрос распределения земли между предприятиями становится крайне актуальным. В Москве на заседании коллегии Московского коммунального хозяйства шел активный спор между руководством Красно-Пресненского Сахаро-Рафинадного завода и представителями Шелепехинской Молочной артели о том, кому достанется земельный участок под обработку, в итоге преимущество было отдано заводу, т.к. этот участок обрабатывался им раньше⁵⁵⁶.

Идея с устройством городских огородов привела к тому, что уже в 1922 г. в Петрограде сложилась следующая ситуация: «в последнее время в Президиум Райисполкома нередко стали обращаться за содействием арендаторы, в большинстве случаев, получивших в пожизненное владение мелкие дома ..., на дворах которых по закрепленным мандатам Земотдела располагаются для огородных работ совершенно посторонние люди. Последние, не заинтересованные в доме, нередко препятствуют начинаниям арендаторов в доме сохранения и ремонта, нередко ограничивая дворовый

⁵⁵⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 30 об

⁵⁵⁵ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 14. Л. 6

⁵⁵⁶ ЦГАМ. Ф. Р-2313. Оп. 1. Д. 6. Л. 3

участок огородами настолько, что не остается места для вырытия известковой ямы, для свалки песку и т.д.»⁵⁵⁷.

Кроме организации огородов, после Октябрьской революции управление фабрик и заводов получало скот из дворянских имений, который в дальнейшем использовался для продовольственного снабжения рабочих предприятия. Так, например, Даниловская прядильно-ткацкая и красильно-набивная фабрика получила молочный скот из имения Астафьева – заведение молочным хозяйством входило в ответственность администрации фабрики⁵⁵⁸. Все полученные от содержания фермы продукты (молочные и мясные) должны были равномерно распределяться между всеми сотрудниками фабрики. Рабочие, которые трудились на огородах больше, чем остальные, должны были получать выращенных овощей больше, но нормы распределения были крайне низкими. Так, например, на Даниловской фабрике в Москве в 1921 г. рабочие, которые работали на фабричных огородах целый сезон должны были получить по 2 пуда картофеля (32,6 кг.), остальные в соответствии с трудовой активностью⁵⁵⁹.

В отличие от организации системы общественного питания на общественных началах, которая не пользовалась популярностью среди хозяек в 1920-х гг., участие в огородничестве стало достаточно популярным способом обеспечения семьи дефицитным продовольствием. Женщины-работницы, жены рабочих с удовольствием на общественных началах участвовали в обработке фабричных огородов, т.к. это давало им возможность приобрести дополнительные продукты для своей семьи. Несмотря на то, что оплата труда на огородах была крайне низкой (производилась она выделением части урожая, но в очень скромных

⁵⁵⁷ ЦГА СПб Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 131

⁵⁵⁸ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 12. Л. 10

⁵⁵⁹ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 19. Л. 3

объемах), но это позволяло обеспечить семью хоть какими-то дополнительными продуктами питания в условиях жесткого продовольственного кризиса.

Распределение обуви, одежды, тканей также было строго лимитировано и затруднено в послереволюционный период. Получение ордера на приобретение необходимых товаров требовало много времени и сил. Так, например, когда квартиру заведующей Школьным подотделом Отдела Народного Образования взломали и похитили личные вещи, ее ходатайство о получении обуви для себя и сына и ткани для пошива одежды пришлось передавать в районное Бюро по распределению предметов первой необходимости через Президиум Исполкома Совдепа Петрограда⁵⁶⁰.

Товары первой необходимости (особенно обувь) были основным объектом ходатайств рабочего населения. Часто в обосновании для выдачи обуви указывалась нужда работы на улице⁵⁶¹ или, например, члены Петросовета, аргументируя необходимость распределения, указывали что «товарищи лишены за отсутствием таковой обуви посещать даже службу» (так в тексте)⁵⁶². О невозможности посещать работу из-за отсутствия обуви заявлял и Комитет рабочих и Служащих Коммунального хозяйства 1-го Городского района, обращаясь с просьбой в Исполком 1-го городского района предоставить своим рабочим 30 пар обуви⁵⁶³. При этом обувь, полученная по ходатайству по рабочей нужде, должна была использоваться только во время работы. Так на заседании комитета Даниловской фабрики

⁵⁶⁰ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 24

⁵⁶¹ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 28

⁵⁶² ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 68

⁵⁶³ ЦГА СПб Ф. 54. Оп. 1. Д. 53. Л. 13

было постановлено «чтобы как только член приедет из командировки, то сапоги должны снимать и ходить в своих»⁵⁶⁴.

Нехватка обуви отмечалась и рабочими Путиловского завода: «большинство населения кроме рваных до невозможности опорков не имеет никакой более сносной обуви. То же самое наблюдается и у детей в приютах, интернатах и школах, где $\frac{3}{4}$ состава лишены сапог. Мер к улучшению данного положения не видно. Отдел Распределения предметов первой необходимости выпускает в месяц около 300 пар ботинок на 100 тысячное население да и из тех часть распределяется по знакомству»⁵⁶⁵. Обувной кризис был серьезным, затрагивающий все категории населения. На фотографии воспитанников детского очага фабрики им. Желябова⁵⁶⁶, сделанной в Петрограде в начале 1920-х гг., дети, гуляющие по улицам города, практически все без обуви, только несколько детей на фотографии обуты и обувь их явно не по размеру. На Ижорском заводе полученные для рабочих галоши распределялись между тружениками по лотерее, в которой принимали участие все рабочие завода⁵⁶⁷. Так председатель Исполкома товарищ Миндлин и секретарь Исполкома товарищ Ивлев ходатайствовали перед Райбюро Петрокоммуны через Президиум Исполкома Райсовета о получении двух пар брючных подтяжек, двух пар перчаток, двух теплых вязаных рубашек и двух пар теплых носков⁵⁶⁸. Красноармеец Штаба Петроградского управления Райкома А. Королев, обращаясь с заявлением о предоставлении его детям обуви, отмечал, что его «дети школьного возраста 10 и 12 лет не имеют совершенно холодной обуви и лишены возможности не

⁵⁶⁴ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 14. Л. 8

⁵⁶⁵ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 81

⁵⁶⁶ ЦГАКФФД СПб Гр 41341

⁵⁶⁷ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 100

⁵⁶⁸ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 167

только посещать школу, но и вообще выходить на улицу»⁵⁶⁹. Сам же красноармеец, находящийся на службе, на свое жалование никак не мог позволить себе купить детям необходимую обувь. Иногда обувь, распределяли среди рабочих на время в условиях экстремальных погодных условий, например, половодья⁵⁷⁰.

Кризис производства товаров первой необходимости дошел до максимального пика к 1921 г. В феврале 1921 г. Петрокоммуна обращалась в исполком 1-го городского района о приостановлении выдачи предметов первой необходимости и широкого потребления рабочим фабрик и заводов ввиду их отсутствия⁵⁷¹. Расстройство в системе распределения товаров первой необходимости заставляло граждан искать все возможные способы для их получения. Гражданка Осипова обращалась в Жилищный Отдел Литейного совета с ходатайством о получении детской коляски для 6-месячного ребенка, обосновывая необходимость болезненностью и отсутствием родственников⁵⁷², т.к. в ситуации кризиса получение подобных товаров было возможным только через обращения к вышестоящим органам власти, но и это не давало никакой гарантии на удовлетворение ходатайства.

Раздача товаров народного потребления происходила крайне хаотично и неравномерно. Так, например, заведующий Техническим Отделом Петрограда 1-го Городского района Ф.Н. Королев жаловался в Исполком Совета 1-го городского района о том, что в результате распределения среди служащих Исполкома и Совета 1-го Городского района обуви (галош, кожаной и парусиновой обуви и валенок) из расчета одной пары на 4

⁵⁶⁹ ЦГА СПб Ф. 54. Оп. 1. Д. 53. Л. 12

⁵⁷⁰ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 14. Л. 32

⁵⁷¹ ЦГА СПб Ф. 54. Оп. 1. Д. 53. Л. 1

⁵⁷² ЦГА СПб Ф. 54. Оп. 1. Д. 53. Л. 26

человека, на его и его служащих не было выдано ничего⁵⁷³. Невозможность же «достать» необходимые товары народного потребления приводила к процветанию краж на производстве. Рабочие воровали с заводов ткани⁵⁷⁴, ремни⁵⁷⁵, дрова⁵⁷⁶ и др.

В эпоху Гражданской войны и НЭПа объектом перераспределения выступали не только продовольственные товары, товары народного потребления, но и мебель. Запросы о выделении мебели гражданам были достаточно распространенным явлением, просили все: столы, кровати с матрацами, шкафы, стулья, диваны, комоды, диваны, умывальники⁵⁷⁷. Но если для благоустройства рабочего жилья представлялся крайне скромный набор мебели (на каждого человека рассчитывалось 2 стула, кровать и сундук⁵⁷⁸), то запросы у руководства были значительно выше. Так, например, прибывший в Петроград заместитель Губуполномоченного по улучшению жизни детей товарищ Попов в своем заявлении о получении мебели, указал список следующих предметов интерьера: «стол ломберный, кресла, кровать, картины, портьеры, статуэтки, вещи к письменному прибору, электрическую лампу для стола, ковер-подстилку, самовар и чайник»⁵⁷⁹.

Сам же процесс получения казенной мебели был крайне затруднен для граждан. Первоначально было необходимо подать заявление в Жилищный Отдел, который проводит обследование жилого помещения, занимаемого семьей, выявляя насущность предоставления необходимой мебели. После

⁵⁷³ ЦГА СПб Ф. 54. Оп. 1. Д. 53. Л. 3

⁵⁷⁴ ЦГАМ Ф. Р-168 Оп. 1. Д. 6. Л. 1

⁵⁷⁵ ЦГАМ Ф. Р-168 Оп. 1. Д. 6. Л. 2

⁵⁷⁶ ЦГАМ Ф. Р-168 Оп. 1. Д. 6. Л. 3

⁵⁷⁷ ЦГА СПб Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 157

⁵⁷⁸ ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 84. Л. 53 об

⁵⁷⁹ ЦГА СПб Ф. 54. Оп. 1. Д. 53. Л. 10

одобрения Жилищным Отделом заявления выписывался ордер на получение вещей, который должен был получить подтверждение в Центральном Жилищном Отделе. Получив все подтверждения, ордер выдавался на руки заявителю, который должен был с ордером обратиться в Петрокоммуну (в Петрограде), которая имела основания в предоставлении мебели отказать, обосновав это ее отсутствием, либо иными причинами⁵⁸⁰. При распределении мебели предпочтение отдавалось советской элите: «разрешить, в виде исключения, Подотделу Недвижимых Имуществ отпустить бесплатно предметы обстановки по установленной норме, распространив ее лишь на семью пом. Начальника Гормилиции (состоящую, по его заявлению, из 3-х лиц): остальные выдать за плату по обычной расценке»⁵⁸¹.

Таким образом, отсутствие возможности обеспечения себя и своей семьи необходимыми товарами первой необходимости – одеждой, обувью, мебелью, порождали в гражданах стремление к поиску нужных связей, контактов с людьми и организациями, имевшими доступ к распределению товаров народного потребления. Процветала система обмена, т.к. часто распределение тех или иных товаров зависело от сферы деятельности производства. Не гнушались граждане и воровством с предприятий. И именно женщины в этот период становятся главными заинтересованными лицами в организации этой системы бытового обмена и перераспределения товаров первой необходимости. Связи, знакомства, ходатайства о получении – все это становится сферой интересов хозяйки, стремящейся обустроить быт своей семьи, обеспечить всем необходимым. Тратя на это достаточно много времени, т.к. любое ходатайство о получении тех или иных товаров требовало прохождения нескольких инстанций, женщины в 1920-х гг. становятся своеобразными добытчицами без активности которых семья

⁵⁸⁰ ЦГА СПб. Ф. 102. Оп. 1. Д. 84. Л. 66-66 об

⁵⁸¹ ЦГА СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 73 об

имела все шансы остаться как без продовольственных, так и непродовольственных товаров первой необходимости. Именно на это уходила львиная доля времени женщины-хозяйки, отнимая время от активной общественной деятельности, участия в которой так жаждало государство.

Другим важным элементом системы обобществления быта, пропагандируемого Советской властью, была организация стирки белья. Стирка белья в эпоху 1920-х гг. была крайне трудоемким и тяжелым делом, требовавшим от хозяйки много времени и сил. Более того, организация стирки белья дома вела часто к сырости в помещениях из-за недостаточного отопления в домах, а в последствии и к скорому разрушению домов. Именно поэтому в 1920-х гг. единственным элементом системы обобществления быта, который получил распространение при строительстве отдельных квартир, стало строительство прачечных. Но и здесь существовали расхождения в подходах к организации процесса стирки белья.

С одной стороны, стирка белья должна была осуществляться в индивидуальных квартирах в ваннных комнатах или в т.н. «черных кухнях», но «капитальная стирка» должна была быть переведена в механические прачечные⁵⁸², которые должны были устраиваться в каждом районе города⁵⁸³. Такие прачечные должны были оснащаться «паровыми бучильными чанами и центрифугами»⁵⁸⁴, паровой сушильной, механическими катками, гладильнями⁵⁸⁵. Районные прачечные предполагалось использовать и для индивидуальной стирки – они должны были делиться на «клетки», каждая из

⁵⁸² ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 37

⁵⁸³ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 36 об

⁵⁸⁴ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 32

⁵⁸⁵ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 32

которых должна была обслуживать не более 30 человек⁵⁸⁶. Спор возникал и вокруг того, стоит ли строить прачечные поквартально или централизованно, т.е. одну большую прачечную на несколько кварталов. Аргументом против централизованного строительства было то, что дальность расположения может привести к тому, что хозяйки откажутся от пользования центральной прачечной и продолжат стирать у себя дома⁵⁸⁷. Стирка белья в квартирах несла угрозу повышения влажности и, следовательно, быстрого разрушения⁵⁸⁸, поэтому вопрос об организации централизованной стирки был не столько частью идеи обобществления быта, сколько заботой о сохранении жилого фонда.

Для домов, построенных в 1925 г., даже была выпущена инструкция о запрете стирки белья в квартирах для предотвращения излишней сырости. Было постановлено, что стирка и сушка белья непременно должна осуществляться в прачечных (прачечные были установлены вне домов по одной на 3-4 дома из расчета 1 кабина на 24 квартиры⁵⁸⁹) и на чердаках⁵⁹⁰.

В итоге в строительстве рабочего жилья в Ленинграде в 1925-1927 гг. идея организации прачечных также существенно отличалась в своем исполнении от задуманных и обсуждаемых ранее проектов: в кварталах прачечным выделялось особое помещение с изолированными кабинками для стирки, но о механизации процесса стирки пришлось быстро отказаться из-за отсутствия средств на их оборудование, непосильное для финансирования из средств трудящихся⁵⁹¹ (т.к. все финансирование строительства в этот период

⁵⁸⁶ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 43

⁵⁸⁷ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 67 об

⁵⁸⁸ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1268. Л. 136 об

⁵⁸⁹ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1267. Л. 333

⁵⁹⁰ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1267. Л. 309

⁵⁹¹ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1277. Л. 175 об; ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1278. Л. 13

преимущественно шло не из государственного бюджета, а покрывалось за счет квартплаты или кооперации, а также отчислений от предприятий).

Наибольшую популярность среди всех форм обобществления быта у советских женщин в 1920-х гг. получила организация яслей и детских садов. Это отражается и в наибольшей популярности темы создания дошкольных учреждений в тематике журнала «Работница» среди иных тем, связанных с обобществлением бытовой организации. Фабрики и заводы, понимая важность обеспечения своих работниц детскими воспитательными учреждениями, при заводах самостоятельно создавали ясли или кооперировались с существующими дошкольными учреждениями. Так, например, руководство яслями № 42 и 43, а также детским садом «Новая жизнь» ходатайствовали «о включении сотрудников в коллектив наших служащих в количестве 13ти человек», что было необходимо для улучшенного снабжения сотрудников яслей⁵⁹². В ясли принимали детей до 1 года, что позволяло работницам возвращаться к работе непосредственно после рождения детей⁵⁹³.

Но, в первую очередь, создание яслей и детских садов оставалось в сфере ответственности самого женского населения и именно в решении этого вопроса женская активность находила наибольшее распространение. Женщины-работницы, объединяясь в различные добровольные общества и комиссии искали возможность организовывать для своих детей ясли, которые позволяли бы им спокойно трудиться на предприятиях и выполнять иные хозяйственно-бытовые функции. Реализуя эту задачу, например, Женская комиссия Даниловской фабрики в Москве в 1919 г. вынесла на рассмотрение фабрично-заводского комитета вопрос о выделении на предприятии комнаты

⁵⁹² ЦГАМ Ф. Р-168, Оп. 1, Д. 14. Л. 1

⁵⁹³ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 14. Л. 6

для устройства яслей⁵⁹⁴. Инициатива работниц иногда поддерживалась и руководством предприятий, видевших в организации дошкольных учреждений при фабриках пользу для работы предприятия. В 1920 г. под ясли и детский сад на Даниловской фабрике были переданы помещения больницы и деревянного барака, а также 2-й этаж одной из дач, находившейся в распоряжении фабрики⁵⁹⁵.

Не только организация дошкольных учреждений, но и их оснащение и даже работа в них также полностью возлагалась на родителей и, соответственно, в первую очередь на матерей, а иногда и на других работников предприятий на добровольных началах. В 1920 г. на заседании Совета Детского сада №13, обслуживающего сотрудников Даниловской фабрики, было принято решение об организации «недели ребенка» во время которой все сотрудники фабрики и родители детей, посещающих детский сад, должны были внести посильный вклад в обустройство дошкольного учреждения. Каждый должен был отработать 2 дня для нужд учреждения. За неделю планировалось сделать «80 детских стульчиков, 8 столиков, 4 песочных ящика, 4 полки, 3 табуретки, для кухни и строительный материал для детей»⁵⁹⁶. Детскому саду помогало и руководство фабрикой, выдавая для обеспечения нужд дошкольного учреждения необходимую мануфактуру и другие товары, в которых нуждалось учреждение⁵⁹⁷.

Еще одним важным изменением, которое косвенно было связано с преобразованием коммунального быта советских рабочих, была организация требуемых санитарно-гигиенических условий: «без здоровья трудящихся, нельзя говорить о поднятии производительности труда, удешевлении

⁵⁹⁴ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 14. Л. 28

⁵⁹⁵ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 19. Л. 9

⁵⁹⁶ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 19. Л. 4

⁵⁹⁷ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 19. Л. 4

продукции, а отсюда не будет и смычки с крестьянством»⁵⁹⁸. Эпидемиологическая ситуация в городах была достаточно серьезной. Скудность населения, отсутствие требуемых гигиенических условий особенно в трудовых общежитиях, отвратительное состояние канализационных систем, качества продуктов – все это в совокупности представляло серьезную проблему, которая еще больше усугублялась в ситуации Гражданской войны. Топливный кризис в Петрограде и Москве был столь критичным, что в Петрограде было даже принято решение «в виду отсутствия топлива, сократить занятия в бане до 3-х дней в неделю»⁵⁹⁹.

Сокращение рабочего дня общественных бань усугублялось их закрытием из-за разрушения и отсутствия необходимых ремонтных работ. Отдел Коммунального хозяйства Охтинского района в отчетах о своей деятельности за 1919 г. сообщал о проведении только мелких ремонтных работ в Охтинских банях⁶⁰⁰ (объем работ не указывался, но сумма, затраченная на все ремонтные работы как в банях, так и в других общественных учреждениях района указывалась в 30 000 рублей⁶⁰¹).

Кроме разрушения, отсутствия топлива большой проблемой являлось то, что бани работали в очень неудобное для рабочих время. Это приводило к тому, что рабочие «не имеют возможности сходить в баню в нерабочее время и должны или раньше времени уходить с работы или совсем не ходить в баню»⁶⁰². В итоге время работы общественных бань было увеличено, но системная проблема доступности бань для рабочих не была решена. В большинстве рабочих квартир и общежитий не было условий для мытья и эту

⁵⁹⁸ Еще одно достижение // За новый быт. № 1. 1925. С. 8-9.

⁵⁹⁹ ЦГАМ Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 14. Л. 25

⁶⁰⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 4

⁶⁰¹ ЦГА СПб. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 4

⁶⁰² ЦГА СПб Ф. 102. Оп. 1. Д. 23. Л. 7

нужду рабочие должны были удовлетворять в общественных банях, число которых уменьшалось в следствии разрушения, отсутствия топлива, ухудшая и без того опасную эпидемиологическую ситуацию в городах.

Таким образом, система коммунально-бытового и жилищного устройства в 1920-х гг. оказалась крайне далекой от тех идеалов, которые пропагандировали коммунисты и Советская власть после Октябрьской революции. Практически ни одна из форм обобществления быта на социалистических началах, организации жилищного устройства на базе коллективного жилища не получила никакой популярности среди населения. Следует отметить, что и пропаганда преобразования быта на коллективных началах не была существенной, затененной важностью решения иных, более насущных и актуальных вопросов.

На фоне экономического, продовольственного, жилищного кризиса послереволюционной эпохи все проекты по устройству быта на обобществленных началах получили воплощение в крайне искаженной форме. Даже сама пропаганда организации коллективного быта часто не столько пыталась по-настоящему привлечь и заинтересовать граждан (и в первую очередь женщин, т.к. несмотря на идею эмансипации, выполнение хозяйственно-бытовых функций по-прежнему оставалось в сфере компетенции женщины), сколько механически декларировала всем известные, но не до конца понимаемые постулаты.

Искаженность же тех форм воплощения идей бытовой организации на социалистических началах, особенно в эпоху военного коммунизма, привело к отторжению любых подобных проектов. Напротив, получив возможность самостоятельного участия в выборе формы организации быта в эпоху НЭПа, граждане моментально дистанцировались от реализации утопичных

коммунистических идей, стремясь к индивидуализации жилища и быта. Провальными оказались проекты по строительству домов-коммун, организации системы общественного питания, стирки белья. Женщины, не заинтересованные в обобществления быта из-за отсутствия в т.ч. и реальной государственной поддержки, отказались от реализации данного проекта самостоятельно, хотя именно этого и ждало государство от советских женщин в 1920-е гг. Советские женщины оказались заинтересованы только в вопросе организации яслей и детских садов с целью обеспечения безопасности своим детям и именно в этой области женская общественная активность была наибольшей. Все же остальные идеи оказались ими отвергнуты и, несмотря на пропаганду, не реализованы. Государство же в силу экономических, политических проблем не оказалось способным в осуществлении помощи в решении этих важных для коммунистической идеологии вопросов.

4.3. Реализация проекта реорганизации коммунального быта в Москве и Ленинграде в 1930-е гг.

Государственное участие в решении вопросов, связанных с необходимостью преобразования быта на социалистических началах, в начале 1930-х гг. резко сменило свое направление по сравнению с 1920-ми гг. Во-первых, с 1930 г. из области публичного обсуждения был исключен вопрос о форме жилищной организации – было принято решение о строительстве индивидуального типа квартир с поквартальными элементами обобществленной бытовой организации. Отныне решение вопроса о форме жилищного устройства оказалось полностью под контролем государства. Гражданское участие, в основном со стороны женского актива, допускалось только в обследовании состояния рабочего жилья и устранения недостатков, связанных с санитарно-гигиеническим состоянием жилья, а также организацией самодеятельных объектов бытового обслуживания (столовых и

яслей) и организацией культурно-агитационной работы. Во-вторых, государство берет на себя большее участие в решении вопросов обобществления быта на социалистических началах, т.к. этот вопрос рассматривается как основа успехов индустриализации. Но здесь гражданская активность допускалась в значительно большем объеме, рабочие (и вновь, в первую очередь, женщины) должны были принять активное самостоятельное участие в организации системы общественного питания, дошкольного воспитания детей, организации прачечных, в контроле за проводимыми работами. Это было актуально потому, что государство по-прежнему не справлялось с тем объемом задач, которые были возложены на систему бытового обслуживания населения, а значимость трансформации быта имела огромное влияние на решение иных актуальных для государства задач, связанных напрямую с успехами индустриализации.

Во-первых, в эпоху форсированной модернизации большое значение имела реализация плана соцсоревнования и ударничества⁶⁰³, которое тесно было связано с бытовым поощрением через улучшение снабжения, качества обедов и обслуживания в столовых, жилищным расселением. Требовалось «для наших ударников обеспечить все условия для того, чтобы они хорошо выполняли работу»⁶⁰⁴.

Во-вторых, на работниц и домашних хозяек была возложена важная задача «по улучшению городского хозяйства, путем борьбы за экономию топлива, электричества, воды, соблюдения чистоты и сбора утильсырья»⁶⁰⁵. Эти актуальные для государства задачи были тесно связаны с преобразованием быта и имели особую важность в условиях индустриализации, т.к. идея экономии ресурсов становится в этот период

⁶⁰³ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 35. Л. 1

⁶⁰⁴ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 67

⁶⁰⁵ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 35. Л. 1

основной, непосредственно связанной со сроками и успехами реализации плана первой и второй пятилеток.

В-третьих, большую важность имела политико-воспитательная работа среди рабочих, которая происходила в этот период преимущественно на производстве, в рабочих клубах или в «домашних хозяйствах»⁶⁰⁶. Таким образом, организовывая рабочее проживание, надо было учитывать и необходимость возможности осуществления политической агитации, что становилось возможным через организацию библиотек, красных уголков, мест для проведения лекций, кружков, собраний. Это надо было учитывать при строительстве и организации рабочего жилья. Забота о развертывании политико-воспитательной работы среди населения по-прежнему входила в сферу ответственности преимущественно активистов, которые должны были искать доступные способы для ее проведения в существующих условиях рабочего быта.

В-четвертых, государство в этот момент начинает тратить средства на организацию жилищного строительства и системы бытового обслуживания. Общество должно было следить за верным распределением выделяемых на организацию бытового обслуживания и политико-воспитательной работы средств: «если мы не сумеем эти средства правильно направить на улучшение быта наших рабочих и работниц, то мы будем вместе нести политическую ответственность перед соответствующими организациями»⁶⁰⁷.

В-пятых, задачи, связанные с переустройством быта имели важность в т.ч. и с точки зрения необходимости «переделать психологию людей, привычки, изменить бытовые условия, которые еще в некоторой мере

⁶⁰⁶ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 76

⁶⁰⁷ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 51

довлеют над рабочим классом, которые не дают рабочим, служащим и специалистам должного размаха в их работе»⁶⁰⁸.

В-шестых, требовалось организовать систему рабочего контроля, в котором жены рабочих домохозяйки, работницы должны были осуществлять проверку столовых и буфетов, устройства питания и снабжения ударников, организацию самозаготовок, контролировать и участвовать в управлении и работе на пригородных хозяйствах (огородах)⁶⁰⁹, следить за санитарным и гигиеническим состоянием столовых и кухонь, хранения продуктов, наблюдать за верностью по выдаче продовольственных карточек, подготовке к севу и др.

В-седьмых, участвовать в проверке чистоты «торговых кадров от классово-чуждых элементов, воров, растратчиков»⁶¹⁰.

Все эти многочисленные задачи, связанные напрямую с жилищно-бытовой организацией и имевшие прямое отношение к реализации плана форсированной модернизации народного хозяйства СССР, должны были осуществляться за счет общественного надзора и участия и, в первую очередь, оно должно было исходить от женского актива. Таким образом, несмотря на то, что государство в начале 1930-х гг. все больше проявляет самостоятельность и участие в организации жилищно-бытового устройства, задачи общественности становятся шире. Расширяется и социальная ответственность за реализацию поставленных перед гражданским активом задач, которые должны иметь прямое влияние на реализацию планов Советского государства по созданию условий не только для общественной реорганизации на социалистических началах, но и в реализации экономических задач в условиях индустриализации.

⁶⁰⁸ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 74-75

⁶⁰⁹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 1-2

⁶¹⁰ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 9

4.3.1. Воплощение проекта жилищного строительства и организации рабочего жилья в Москве и Ленинграде в 1930-е гг.

На июньском пленуме ЦК ВКП(б) 1931 г. вопросам жилищно-коммунального строительства вновь было уделено особое внимание. Улучшение жилищных и бытовых условий рассматривалось как средство «борьбы за пятилетку»⁶¹¹. Было принято решение первоочередного улучшения жилищно-бытовых условий рабочих, задействованных в тех отраслях промышленности, которые имели стратегическую важность для государства. Анализируя проблемы жилищного строительства в 1932 г., один из партийных работников К. Лопяло подчеркивал, что жилища рабочих с коллективным бытом обходятся дешевле в строительстве и эксплуатации на 20-30%⁶¹². Но в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» от 16 мая 1930 г., признавалась необходимость строительства домов с индивидуальными квартирами, с устройством коммунально-бытовых учреждений на группу домов, обслуживающих около 500-600 человек⁶¹³. Именно такое направление в жилищном строительстве найдет наибольшее распространение в крупных советских городах в 1930-е гг. Будут продолжаться строиться, в большинстве своем, индивидуальные квартиры, заселяемые семьями покомнатно, реализуя идею возможности ведения индивидуального хозяйства и параллельно приобщая население к обобществленному быту.

Но государство в полной мере не отказалось от того пути, который был избран в 1920-е гг. Параллельно продолжали строиться и рабочие казармы (в особенности в индустриальных центрах). До середины 1930-х гг. еще идет

⁶¹¹ Пленум ЦК ВКП(б). Москва. 11-15 июня 1931 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988): в 15 т. Т. 5. 1929-1932. М., 1984. С. 315.

⁶¹² Лопяло К. Жилище – рабочим! С. 34.

⁶¹³ Лопяло К. Жилище – рабочим! С. 35.

строительство домов-коммун. Не отказывается власть и от строительства общежитий, но идея немедленной коллективизации проживания и быта в той форме, как она была предложена в ходе градостроительной дискуссии Л. Сабсовичем и М.А. Охитовичем, была отвергнута полностью из-за неподготовленности населения и финансовой невозможности приступить к такому радикальному переустройству жилищно-бытовой организации в Советском государстве. Фактически же даже на протяжении 1920-х гг., более открытых для эксперимента в т.ч. и в области жилищно-бытовой реорганизации, среди населения и власти идея полного обобществления быта в жилищной организации так и не была никак реализована. Более того, уже тогда с началом жилищного строительства на кооперативных началах в 1925 г., именно строительство индивидуальных квартир оставалось преимущественным. Как отмечал Л.М. Сабсович в 1930 г.: «до настоящего времени мы не имеем ни одного дома, который можно было бы с малейшим основанием назвать домом-коммуной»⁶¹⁴. А в условиях форсированной модернизации, когда все средства и усилия граждан должны были быть направлены на реализацию планов индустриализации, на подобные социальные эксперименты государство все больше не решалось. Этому способствовало, в том числе, и установление тоталитарного режима, с характерным для него централизмом и даже консерватизмом, стремлением к единообразию и контролю.

Приняв как основной проект строительства индивидуального типа квартир, власть сосредоточивает свое внимание на организации строительства домов с 2, 3, 4-комнатными квартирами с кухней, ванной и уборной «с компактной площадью для каждой семьи отдельно, со своей

⁶¹⁴ Сабсович Л.М. Новые пути в строительстве городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 4.

уборной и кухонным уголком в виде ниши или шкафа»⁶¹⁵ и акцент должен был делаться в т.ч. и на внешнем виде строящихся зданий⁶¹⁶. Важность архитектурного оформления строящихся в столице домов имела на тот момент огромное значение, т.к. воспринималось как величайший прорыв на идеологическом фронте⁶¹⁷. И выполнение этих задач привело к тому, что на фоне недостаточного финансирования жилищного строительства (приоритеты форсированной модернизации не давали возможности вкладывать в жилищно-бытовой сектор значительные средства), при ускоренном заселении Москвы и Ленинграда (особенно Москвы, в которой прирост населения между 1928 и 1931 гг. был около 650 000 человек, а новыми квартирами было обеспечено в 1931 г. 28000 рабочих⁶¹⁸) большинство рабочих продолжало жить в казармах, состояние которых было далеко от тех идеалов, которые объявлялись в соответствии с новой жилищно-бытовой политикой. Часть домов, находившихся под угрозой обвала и в очереди на строительство «мощных гигантов для жилья»⁶¹⁹, расселялась по баракам, строившимся для временного проживания жителей.

В соответствии с тем, что на общественность была возложена важная задача участия в жилищно-бытовом строительстве и, в том числе, через надзор за состоянием рабочего жилища, эта функция частично была переложена на профессиональные союзы. Именно сведения об обследовании пролетарского жилья, осуществляемые этими организациями, становятся

⁶¹⁵ Мостаков А. Московское жилищное строительство // Строительство Москвы. 1930. № 7. С. 25.

⁶¹⁶ Попов В. Создадим массовый культурный стандарт жилья // Строительство Москвы. 1930. № 11. С. 21.

⁶¹⁷ Воблый И. Как оформлять красную столицу // Строительство Москвы. 1931. № 3. С. 34.

⁶¹⁸ Жилстроительство – важнейший участок стройфронта // Строительство Москвы. 1931. № 11. С. 1.

⁶¹⁹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 2. Д. 20. Л. 130

важным источником о действительном положении дел в жилищно-бытовом устройстве в обход существующей пропаганды.

Так в соответствии с этими сведениями, большая часть пролетариата в Москве продолжала жить в казармах или т.н. рабочих общежитиях. Качество жизни в большинстве рабочих казарм было крайне низким. Не было матрасов⁶²⁰, постельных принадлежностей⁶²¹, столов, табуретов⁶²², шкафов для хранения спецодежды⁶²³, что приводило к тому, что маляры и штукатуры, возвращаясь в общежитие в рабочей одежде, приводили помещение в состояние, непригодное для нормального отдыха. Фиксировалась скученность⁶²⁴, «масса клопов»⁶²⁵ и вшей⁶²⁶, отсутствие дезинфекции, холодной воды, умывальников⁶²⁷, не были вставлены окна, не работали печи⁶²⁸. Людям приходилось спать на полу⁶²⁹ или на столах⁶³⁰, «на постелях чистят картошку»⁶³¹, «грязь непролазная»⁶³², а сами бараки сравнивались с «помойной ямой»⁶³³. Рабочие из-за нехватки постельных принадлежностей спали на грязных пальто и другой одежде, ложились в

⁶²⁰ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 76; ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 46. Л. 99

⁶²¹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 6. Д. 3. Л. 16

⁶²² ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 80

⁶²³ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 46. Л. 57

⁶²⁴ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 46. Л. 58

⁶²⁵ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 80; ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 50

⁶²⁶ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 6. Д. 3. Л. 16

⁶²⁷ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 6. Д. 3. Л. 8

⁶²⁸ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 6. Д. 3. Л. 9

⁶²⁹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 50

⁶³⁰ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 6. Д. 3. Л. 16

⁶³¹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 6. Д. 3. Л. 16

⁶³² ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 66

⁶³³ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 66

постель «в одежде, грязной, и даже в обуви»⁶³⁴. В некоторых бараках отсутствовал потолок, а крыша протекала⁶³⁵ или была покрыта соломой, которая во время оттепели протекала⁶³⁶. В бараках было холодно – не хватало дров⁶³⁷, а в некоторых просто не работали печи⁶³⁸ и рабочие спали в пальто⁶³⁹. Так, например, обследуя образцовый барак в 1933 г., принадлежащий заводу «Мастяжарт», отмечалось: «двери без пружин, уборная забита нечистотами, в комсомольском образцовом бараке температуре ниже нуля, вода остановленная на ночь в комнате покрылась слоем льда»⁶⁴⁰.

Антисанитарное состояние рабочего жилья усугублялось и провоцировалось нехваткой жилплощади. В 1935 г. приводились расчеты, что для нормального бытового уклада семьи необходимо на одного человека предоставлять от 12 до 18 м² жилой площади, но государство, исходя из материальных возможностей, было готово обеспечить граждан нормой в 6-9 м²⁶⁴¹. В действительности же в то время в Москве средняя норма жилплощади на человека составляла «4,33 кв. метра в верхних этажах и 3,25 кв. метра в подвальных помещениях»⁶⁴², в бараках занимаемая рабочим площадь доходила иногда до 0,47 м²⁶⁴³ (т.е. только площадью койки). В Ленинграде плотность заселения в 1936 году составляла 6,6 м² на одного

⁶³⁴ ЦГАМ Ф. 2458. Оп. 1. Д. 369. Л. 3.

⁶³⁵ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 13

⁶³⁶ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 20

⁶³⁷ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 13

⁶³⁸ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 24.

⁶³⁹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 45.

⁶⁴⁰ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 3.

⁶⁴¹ Вутке О. За новую планировку квартир // Строительство Москвы. 1935. № 1. С. 16.

⁶⁴² ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 44.

⁶⁴³ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 52.

человека; в 1937 г. и в 1938 г. – 5,4 м² ⁶⁴⁴, против 8,1 м² ⁶⁴⁵ в 1929 г. Рост населения серьезно обгонял рост жилой площади, несмотря на то, что в 1928-1932 гг. в Ленинграде было построено 2 200 000 кв. метров жилой площади ⁶⁴⁶ – этого прироста не хватало для удовлетворения жилищных потребностей населения при его интенсивном росте.

Жилищный кризис был настолько серьезным, что иногда рабочим приходилось спать «в конюшне вверху, а внизу лошади» ⁶⁴⁷ или под жильем приспособлялись подсобные помещения – прачечные или сторожки ⁶⁴⁸, бывало, что несколько рабочих занимали одну койку и спали в ней посменно, работая в разные смены ⁶⁴⁹. Иногда рабочие жили в подвальных или полуподвальных помещениях, а т.к. часто в районах не работала канализация, а выгребные ямы не очищались, то нечистоты выходили из выгребных ям и плыли в комнаты ⁶⁵⁰.

В некоторых случаях в одной комнате могли проживать даже 4 семьи ⁶⁵¹. В 1933 г., рассматривая размер скидок по оплате жилья для «многосемейных», расчет производился из среднего размера квартиры в 20 кв.м. на этой площади предполагалось расселение семьи с 2-4 иждивенцами, т.е. семьи из 4-6 человек ⁶⁵². Квартплата же составляла 39 руб. 60 коп. при зарплате 80 рублей за 20 кв.м. жилплощади и 44 руб. при зарплате 145 руб.

⁶⁴⁴ ЦГА СПб Ф. 4. Оп. 5. Д. 41. Л. 2

⁶⁴⁵ ГАРФ Ф. А262. Оп. 1. Д. 516. Л. 2

⁶⁴⁶ ГАРФ Ф. А262. Оп. 1. Д. 516. Л. 1

⁶⁴⁷ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 6. Д. 3. Л. 17

⁶⁴⁸ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 44.

⁶⁴⁹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 6.

⁶⁵⁰ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 42; ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 45.

⁶⁵¹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 44.

⁶⁵² ГАРФ Ф. А-314. Оп. 1. Д. 74. Л. 17

при той же жилой площади, т.е. составляя от 50% до 30% дохода семьи⁶⁵³ (в случае, если доход семьи состоял из одной заработной платы). При этом скидки для семей с детьми варьировались от 10% (при двух иждивенцах), до 40% (при четырех иждивенцах и низкой заработной платой)⁶⁵⁴. Высокая заработная плата приводила и к постоянному увеличению задолженности по квартплате⁶⁵⁵.

Строились рабочие бараки в условиях жилищного кризиса из самых примитивных подручных материалов, стены утеплялись торфом сфагнумом⁶⁵⁶ или землей⁶⁵⁷, лесоматериал, из которого строилось такое рабочее жилище, часто было не просушено и поэтому заражено грибком⁶⁵⁸.

Подобное положение дел воспринималось как недопустимое явление «в центре, в Москве, в сердце нашей революции»⁶⁵⁹, но серьезно повлиять на сложившуюся ситуация не представлялось возможным. В таких условиях, когда большая часть рабочих жила в ситуации, когда отсутствовали кровати, «а про матрацы и говорить не приходится»⁶⁶⁰, среди рабочих в качестве образцового, идеального рабочего жилища представлялась не отдельная 2-3 комнатная квартира с кухней и ванной, как это было предложено в советской пропаганде той эпохи, а то, когда «все проживающие обеспечены железными койками, окрашенными в белый цвет. Регулярно меняется постельное белье. У каждого имеется ватное и бумажное одеяло, одна перовая подушка, под'одеяльник, на полу дорожки, на окнах шторы, на каждой тумбочке у

⁶⁵³ ГАРФ Ф. А-314. Оп. 1. Д. 74. Л. 17

⁶⁵⁴ Там же.

⁶⁵⁵ ГАРФ Ф. А-314. Оп. 1. Д. 730. Л. 1-3

⁶⁵⁶ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 57. Л. 189.

⁶⁵⁷ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 24.

⁶⁵⁸ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 57. Л. 189.

⁶⁵⁹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 52

⁶⁶⁰ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 11. Д. 22. Л. 17.

кровати электрическая лампочка с абажуром»⁶⁶¹. Такой образец идеальной казармы – практически единственно возможного места расселения для большинства рабочих Москвы и Ленинграда, мы можем встретить на фотографиях той эпохи: выставленные в ряд железные кровати с прикроватной тумбочкой, со спальными принадлежностями (одеялами, подушками, постельным бельем)⁶⁶², смятой скатертью на столе⁶⁶³ и портретом вождя на стене⁶⁶⁴. А иногда даже с резным столом, патефоном и радио⁶⁶⁵. Но идеал был тяжело достижим и поэтому обычно вместо железных кроватей, в лучшем случае, рабочие спали на самодельных кроватях из досок⁶⁶⁶.

Для семейных рабочих идеалом выступала отопленная отдельная комната. Слесарь Иванов в 1932 г., переселенный из общей комнаты в отдельную комнату общежития, так делился своими впечатлениями: «я своей комнатой доволен, я знаю, что приду с работы домой и в своей комнате найду отдых и буду спокоен, что моя семья находится в тепле. Раньше такой комнаты не имел, хотя имею производственный стаж свыше 30 лет»⁶⁶⁷. Достижение идеальных жилищно-бытовых условий в 1930-е гг. для обычных рабочих становилось возможно через ударный труд, т.к. строительство образцовых барачных становилось способом поощрения ударников. На некоторых предприятиях им предоставлялись бараки повышенного удобства, обеспеченные железными койками, простынями и одеялами⁶⁶⁸.

⁶⁶¹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 4-5.

⁶⁶² ЦГАКФФД СПб Вр 11095

⁶⁶³ ЦГАКФФД СПб Вр 26535

⁶⁶⁴ ЦГАКФФД СПб Вр 26536; ЦГАКФФД СПб Гр 23542; ЦГАКФФД СПб Гр 44653

⁶⁶⁵ ЦГАКФФД СПб Гр 44652

⁶⁶⁶ ЦГАКФФД СПб Гр 19649

⁶⁶⁷ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 5.

⁶⁶⁸ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 31.

Из-за крайне неудовлетворительного состояния жилищно-бытовых условий рабочего класса, фиксировались даже бунты среди рабочих: «такие условия для жилья (холод, грязь, необеспеченность постельными принадлежностями) привели к тому (красный уголок бездействует, рабочие спецодежду не получают), что в результате мы имеем такой факт, что 2 бригады бастовали – не выходили на работу»⁶⁶⁹. Другие рабочие «2 дня не выходили на работу, требуя удаления вшей»⁶⁷⁰. Но, разумеется, вся вина была переложена на «зажиточных», т.е. на кулаков⁶⁷¹. Иногда целые бригады, заключившие договор на работу, бежали и главной причиной была неподобающая организация быта в рабочих бараках⁶⁷². На фоне выполнения плана первой и второй пятилеток, подобная ситуация воспринималась как недопустимая, поэтому внимание к решению проблемы жилищно-бытового устройства было особенным.

Вопрос неудовлетворительного состояния рабочих казарм предлагалось решать, в первую очередь, собственными силами, активно привлекая общественность. Предлагалось организовывать субботники, убирать «всю эту грязь своими собственными силами, ничего не затратив»⁶⁷³, за счет самообслуживания налаживать систему общественного питания и воспитания детей. Проводились конкурсы на лучшее содержание бараков, к которым подключались рабочие и их жены. Пропагандировался принцип собственной ответственности трудящихся за вверенное им жилье⁶⁷⁴. Уже позже, в 1939 г. проводились собрания жильцов, на которых управхозы отчитываются о ходе ремонта «актив на этих собраниях обычно выявляет все

⁶⁶⁹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 30.

⁶⁷⁰ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 43.

⁶⁷¹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 30.

⁶⁷² ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 35.

⁶⁷³ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 66

⁶⁷⁴ ЦГА СПб Ф. 4. Оп. 5. Д. 41. Л. 1

недочеты в работе и вносит ценные предложения, способствующие улучшению и сохранению нашего жилищного фонда⁶⁷⁵. А домовый актив превращался не только в силу, которая активно участвовала в решении жилищно-бытовых вопросов, но и вел «политико-массовую – интернациональную, антирелигиозную и оборонную работу в домах⁶⁷⁶».

Еще одной большой проблемой, препятствующей созданию образцового жилищно-бытового уклада советского пролетариата, и, главное, влияющей на сознательность рабочих, было «пьянство, драки, иконы»⁶⁷⁷, которые процветали в рабочих казармах. Днем в таких бараках царил хаос, а «вечером же распространяется в коридорах хулиганство... В кухнях и коридорах образуются притоны беспризорных»⁶⁷⁸. Рабочие были вынуждены утаивать свой инструмент друг от друга, т.к. были случаи краж: «каждый ставит свою лопату возле койки, а пилу кладут под матрац»⁶⁷⁹. Разумеется, что данное положение дел рассматривалось как недопустимое и поэтому надо было полностью перестроить работу общественности в рабочих казармах, «с тем, чтобы мы чувствовали, что наши общежития являются примерными рассадниками культуры, что наши общежития выковывают сознательного гражданина»⁶⁸⁰.

Поэтому было предложено усиливать культурно-воспитательную работу среди рабочих: обеспечивать общежития газетами, журналами, радио, библиотеками⁶⁸¹. Просветительская деятельность должна была проводиться

⁶⁷⁵ ЦГА СПб Ф. 4. Оп. 5. Д. 66. Л. 9

⁶⁷⁶ ЦГА СПб Ф. 4. Оп. 5. Д. 66. Л. 8

⁶⁷⁷ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 73

⁶⁷⁸ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 45.

⁶⁷⁹ ЦГАМ Ф. 2458. Оп. 1. Д. 369. Л. 3.

⁶⁸⁰ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 126

⁶⁸¹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 46. Л. 123

исключительно за счет усилий общественности. Из всех сообщений об обследовании рабочих казарм Москвы в 1932 г. только в одной указывалось о ее образцовой организации в вопросах проведения культурно-воспитательной работы⁶⁸². Но здесь возникали серьезные препятствия – нехватка места. Скученность в рабочих казармах достигала такого предела, что на организацию культурно-агитационной работы не хватало места. Да и желания рабочих, лишенных возможности удовлетворять базовые потребности в подобающем месте для отдыха, еде, участвовать в подобной работе не наблюдалось. Поэтому по запросу руководства организовывалась только формальная часть культурно-просветительской работы. При необходимости, а в особенности перед посещением бараков инспекцией, на стены вешались портреты вождя, самодельные плакаты с лозунгами, но эта работа не имела никакого серьезного успеха.

На фоне нового жилищного строительства продолжалось и осуществление ремонтных работ в старых домах, который рассматривался как «боевой поход»⁶⁸³, направленный на восстановление жилого фонда. В Москве «из общего количества 36 тысяч домов, насчитывающихся в 1932 г. в 15 тыс. домах должен быть проведен капитальный ремонт, на общую сумму 40 милл. рублей»⁶⁸⁴. Но по итогу проведенных работ фиксировалось, что «качество ремонта ниже среднего, а местами и безобразное»⁶⁸⁵. Не изменялась ситуация и в 1933 г., так, например, в Октябрьском районе Москвы за первое полугодие 1933 г. ремонтные работы были произведены на 3% от запланированного на год объема работ, максимальный же показатель

⁶⁸² ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 77

⁶⁸³ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 68

⁶⁸⁴ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 73

⁶⁸⁵ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 79

приходился на Фрунзенский район – 13,3%⁶⁸⁶. В Ленинграде ремонтные работы в домах проводились в еще более скромных масштабах: так в Смольнинском районе за 1936 г. ремонту подлежало 5 домов, в 1937 г. 6 домов, в 1938 г. планировалось отремонтировать 5 домов⁶⁸⁷.

Причин этому было много: проволочки с составлением плана работ, проблемы со снабжением стройматериалами⁶⁸⁸, неподготовленность транспорта⁶⁸⁹, плохое качество поставляемых строительных материалов и проблемы с их хранением⁶⁹⁰, нехватка рабочей силы и тем более квалифицированных кадров⁶⁹¹. И, что очень важно, всеобщая халатность и неорганизованность. Примером может стать, например то, что из-за нехватки материалов и рабочей силы, ремонтные работы, которые могли быть реализованы за несколько дней, затягивались на месяц, при этом жильцы ремонтируемых помещений «ютились где попало»⁶⁹². Было много жалоб на медлительность ремонта и отсутствие организованности: «по три, четыре недели белили коридор одной квартиры разбросанность была по всему дому, не было такой установки взять примерно две три квартиры и приступить дальше»⁶⁹³.

Сюда можно добавить еще одну проблему – воровство строительных материалов и их порча ввиду безответственности в организации их хранения: «известь 12 тонн свалена под открытым небе и дождь всю ее испортил»⁶⁹⁴.

⁶⁸⁶ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 46. Л. 1

⁶⁸⁷ ЦГА СПб Ф. 4. Оп. 5. Д. 41. Л. 3 об

⁶⁸⁸ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 68

⁶⁸⁹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 71

⁶⁹⁰ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 71

⁶⁹¹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 72

⁶⁹² ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 79

⁶⁹³ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 46. Л. 148

⁶⁹⁴ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 80

Рабочие не обеспечивались необходимой рабочей одеждой, которая хранилась в сырых помещениях, отчего «галоши потеряли свой лак, одежда вся заплеснивала»⁶⁹⁵. Не хватало элементарных рабочих инструментов и материалов – железа, гвоздей⁶⁹⁶, стекла, кирпича, лесоматериала⁶⁹⁷.

Нерационально использовался труд квалифицированных рабочих, которые должны были тратить время на работу чернорабочих⁶⁹⁸, значительно снижая общую производительность труда. А это происходило из-за того, что не хватало людей. И здесь фактически круг замыкался: организация строительных работ требовала привлечения рабочей силы, которая нуждалась в обеспечении подобающими жилищными и бытовыми условиями, обеспечить которыми не представлялось возможным. Так, например, новые рабочие, прибывавшие из деревни, были «не обеспечены общежитиями, спят в транспорте без матрацов»⁶⁹⁹, продовольственными карточками⁷⁰⁰, прикреплялись к столовым на далеком расстоянии⁷⁰¹. Соответственно, текучесть рабочей силы в таких условиях была крайне высокой.

В представлении власти, неспособной решить данные бытовые проблемы, но остро нуждавшейся в их разрешении, именно общественная инициатива должна была урегулировать эти вопросы – нужно было организовать для строительных рабочих столовые, которые обеспечивали бы их необходимым качественным питанием, провести работы по немедленному

⁶⁹⁵ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 80

⁶⁹⁶ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 46. Л. 8

⁶⁹⁷ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 46. Л. 12

⁶⁹⁸ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 80

⁶⁹⁹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 46. Л. 8

⁷⁰⁰ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 46. Л. 9

⁷⁰¹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 46. Л. 57

улучшению условий жизни рабочих в бараках⁷⁰². Но и здесь вновь возникала проблема – отсутствие средств. Денег на ремонтные работы не хватало и поэтому предлагалось брать деньги у рабочих: «тов. Бирюков говорит, что надо изыскать деньги с рабочих – «вы ... будете получать деньги на квартплату и на это делайте»»⁷⁰³. Строительство и ремонт обеспечивалось за счет отчислений домохозяйств примерно в такой пропорции, так в Ленинграде «в 1936 и 1937 гг. отчисления эти составили 9% от доходов по квартплате, а в 1938 году – 5%. Половина средств расходовалась в общегородском масштабе, а другая половина распределялась по районам»⁷⁰⁴.

Все это приводило к тому, что в целом ремонтно-строительные работы в Москве в 1931-1933 г. проводились крайне неудовлетворительно. Фактически проведенные ремонтные работы в силу использования некачественных материалов и неквалифицированной рабочей силы приводили к тому, что в уже отремонтированных домах «штукатурка трескается и осыпается»⁷⁰⁵, происходила утечка воды после ремонта в туалетных бачках («нужно было только запаять оловом и это заняло бы час-два работы. А работали два слесаря и два дня и они додумались до того, что замазали мылом»⁷⁰⁶), некоторые квартиры перекрашивались по 4 раза⁷⁰⁷. И в итоге, израсходованные средства на ремонт пропадали, т.к. с скором времени эти помещения требовали нового ремонта.

В соответствии с докладом Наркомхоза РСФСР Совета Народных Комиссаров РСФСР о ходе коммунального и жилищного строительства в

⁷⁰² ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 71

⁷⁰³ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 31.

⁷⁰⁴ ЦГА СПб Ф. 4. Оп. 5. Д. 41. Л. 6 об

⁷⁰⁵ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 2. Д. 20. Л. 70

⁷⁰⁶ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 2. Д. 20. Л. 80

⁷⁰⁷ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 2. Д. 20. Л. 80

РСФСР в 1932 г. по Москве и Ленинграду дана следующая оценка организации жилищно-бытового и коммунального строительства. В Ленинграде «коммунальное и жилищное строительство в полном объеме не развернулось»⁷⁰⁸. В первом квартале программа по жилищному строительству была выполнена только на 58,9%. В качестве основных причин низких темпов строительства указываются: недостаточная обеспеченность рабочей силой (от 22 до 50%) и нехватка стройматериалов⁷⁰⁹. По Москве также указывалось недостаточности строительства «вследствие слабой подготовки районных стройорганизаций к стройсезону»⁷¹⁰.

Таким образом, несмотря на то, что государство в рамках политической пропаганды берет на себя роль решения вопросов жилищной организации, но роль эта ограничивалась решением только тех проблем, которые касались масштабного проектирования нового типа жилья, его архитектурного оформления и определением важности жилищной организации для пропаганды коммунистической идеологии. Те немногочисленные дома, строившиеся в 1930-х гг., предназначались, в первую очередь, не для удовлетворения реальных нужд рабочих в достойных условиях организации жилища и быта, а были предназначены для новой советской элиты. Рабочие же в большинстве своем, за исключением ударников, поощряемых за трудовые успехи через доступ к нормальному жилищу и быту, были лишены возможностями пользоваться теми бытовыми благами, которые пропагандировались как завоевание Советской власти.

Тем не менее, обеспечение пролетариата достойными условиями жизни рассматривалось как важная стратегическая задача на пути достижения целей индустриализации, т.к. от трудового энтузиазма и успехов зависела

⁷⁰⁸ ГАРФ Ф. А-314. Оп. 1. Д. 70. Л. 12

⁷⁰⁹ ГАРФ Ф. А-314. Оп. 1. Д. 70. Л. 13

⁷¹⁰ Там же.

успешность реализация проекта форсированной модернизации. Не имея же ресурсов для претворения в жизнь данного замысла, государство приняло решение делегировать ответственность на общественность и низовые хозяйственные организации, которые должны были взять на себя самостоятельное решение жилищно-бытовых проблем советского пролетариата. Рабочий актив в первую очередь в лице работниц и жен рабочих, должен был исследовать состояние рабочего жилья и преобразовывать его всеми доступными средствами, заботиться об организации придомовых столовых и яслей, о ремонте, взимании платы за жилплощадь и ее перераспределение в т.ч. и на реновацию пролетарских бараков. В полномочия рабочей общественности должна была входить и забота о проведении культурно-воспитательной работы. И все это должно было осуществляться под пристальным взглядом государства.

Сами же рабочие, испытывая острую нужду в улучшении жилищно-бытовых условий, были вынуждены в большинстве своем проживать в бараках, совершенно не предназначенных для нормальной жизни. Пропаганда декларировала первостепенное удовлетворение нужд рабочего класса, на практике же реализация этой задачи оставалась на второстепенных позициях. От самих рабочих требовалось вести тот образ жизни, который должен был соответствовать социалистическим представлениям о «культурном» быте, но на практике скученность, антисанитария, не давала такой возможности. Более того, это даже больше усугубляло ситуацию с формированием образа жизни, соответствующего социалистическим представлениям о «новом человеке». Скученность порождала недоверие между людьми, вынужденными жить в невольном соседстве – прятать личные вещи, подозревать, жаловаться. Постоянная борьба за возможность удовлетворять свои базовые потребности приводила к озлобленности, меркантильности и страху за потерю уже приобретенного. Это, с одной

стороны, способствовало формированию тоталитарного режима и его укреплению в 1930-х гг., но, с другой стороны, значительно отдаляло от тех социалистических идеалов формирования человека с новым сознанием, к которому так стремилась коммунистическая идеология.

4.3.2. Развитие системы общественного питания в 1930-е гг.

Вопрос организации системы общественного питания выступал как один из основных в реализации идеи обобществления быта на социалистических началах. Эта идея активно реализовывалась в 1920-х гг., ее важность была особенно подчеркнута в Постановлении ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» - вопрос организации централизованной системы рабочего снабжения, реализуемого через сеть общественных столовых, рассматривался в т.ч. и как залог для воплощения плана индустриализации.

Несмотря на признание важности реализации идеи, ее воплощение не приобрело тех масштабов, к которым призывала власть. Доступ рабочих в рабочее и свободное время к системе общественного питания не являлся свободным. Обычно администрация завода, домтрест или иные организации, связанные с данным производством (например, профсоюзы) заключали договор на обеспечение граждан обедами с определенным учреждением общепита, т.е. рабочие и жители домов «прикреплялись» к той или иной столовой, услугами которой они должны были пользоваться. Но часто «прикрепление» происходило крайне хаотично и поэтому значительная часть рабочих и их семей не могла пользоваться услугами системы общественного питания из-за удаленности от места работы или дома⁷¹¹. В ряде случаев столовые, находившиеся около того или иного объекта на котором работали рабочие, отказывали в прикреплении из-за отсутствия возможности

⁷¹¹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 80

обеспечить всех необходимым продовольственным снабжением⁷¹². Примечательно, что в решении этого вопроса существовала своя иерархия – рабочим некоторых производств (например, Метрострою) отдавалось большее преимущество, чем, например, строителям Мосжилтреста и Горжилсоюза⁷¹³. Прикрепление рабочих к «ширпотребу и продмагам»⁷¹⁴ также не всегда шло успешно.

Но даже если прикрепление к столовым происходило для предприятия успешно, то возникали другие трудности, значительно препятствовавшие идее эффективного обеспечения нужд рабочих в доступе к системе общественного питания. Но не все столовые справлялись с возложенными на них обязанностями, часто сообщалось о неудовлетворительной их работе, о недоброкачественных обедах⁷¹⁵, антисанитарии⁷¹⁶ («на столах немытые клеенки, грязные графины и стаканы, засиженные мухами. Окна побиты, ветер гуляет, как на палубе»⁷¹⁷, «пол грязный, не моется, на полу масса бумаги»⁷¹⁸), грубости обслуживающего персонала⁷¹⁹, ветхости зданий столовых («протекает крыша, заливая водой стены всех этажей»⁷²⁰).

Еще одной проблемой были очереди в столовых⁷²¹. Так, например, в обследовании фабрики-кухни № 2 Замоскворецкого района сообщалось, что «обедающие ждут 30-40 минут, пока им подадут первое и столько же пока

⁷¹² ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 32

⁷¹³ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 32

⁷¹⁴ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 48. Л. 28

⁷¹⁵ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 6. Д. 3. Л. 120

⁷¹⁶ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 2. Д. 13. Л. 81; ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 57. Л. 61

⁷¹⁷ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 1

⁷¹⁸ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 38. Л. 88

⁷¹⁹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 1

⁷²⁰ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 12

⁷²¹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 2. Д. 13. Л. 81; ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 12

подадут второе»⁷²². Часто качество подаваемой рабочим еды было не просто неподобающим, но и опасным для жизни: «давали тухлые пирожные на завтрак, которые никто не ел»⁷²³, подавалась «квашенная капуста с песком и щепками»⁷²⁴, «в капусте полученной от ЗРК В.Х. Академии обнаружено кало, в макаронах, поступающих от ф-ки им. 13-летия ОГПУ систематически попадают шурупы, болты, стекла»⁷²⁵. Еда готовилась из недоброкачественных продуктов, разбавлялась водой⁷²⁶, что давало «понижение калорийности и ухудшение пищи»⁷²⁷. Кроме этого, например, при обследовании фабрики-кухни № 2 Замоскворецкого района было выявлено: незаконное повышение цен (от одной фабрики-кухни цены для разных филиалов существенно отличались⁷²⁸), бесхозяйственность («мясо мороженое, грязное, оттаивается под плитой на навесе; стекает на плиту в протвину с жареным мясом и в кастрюли с соусами»⁷²⁹, из привозной картошки 85% оказалась непригодной⁷³⁰), завышенная цена самих обедов (так, например, торгово-установленная цена котлеты мясной с гарниром была установлена в 27 копеек, а продавалось блюдо по 45 копеек⁷³¹). А хранение продуктов осуществлялось с нарушением всех санитарных норм: «в кладовой в одном помещении хранится грязный гнилой картофель, свекла, открытые баночки с помидорами, огурцами и грибами. Здесь же лежит несколько мешков крупы, часть бочек с кислой капустой хранится прямо во дворе

⁷²² ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 1

⁷²³ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 1

⁷²⁴ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 57. Л. 88

⁷²⁵ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 57. Л. 88

⁷²⁶ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 1

⁷²⁷ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 57. Л. 87

⁷²⁸ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 12

⁷²⁹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 12

⁷³⁰ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 16

⁷³¹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 13

открытые. В помещении хранения муки, сахара и проч. продуктов находятся несколько ящиков гнилых яблок, распространяющих зловонье и сырость. В одной из кладовых хранится соль, бочки с огурцами и помидорами открытые, из которых вытекает рассол; здесь же стоит верстак с тисками; происходит текущий ремонт механизированного оборудования; лежит масса грязных тряпок, мешков, рогож, издающих зловонье. В разборочной и мясохранилище мясо лежит на грязном полу. Очень много завезено подсолнечного масла, которое налито в кадки; кадки открытые, благодаря чему не исключена возможность попадания в масло мышей и других посторонних предметов. Кадки протекают, отчего в помещении коридора все залито маслом и ходят по маслу»⁷³². Причиной же неудовлетворительной работы фабрики-кухни № 2 Замоскворецкого района указывалось то, что если первоначально она была рассчитана на обслуживание до 5000 человек, то фактическая ее нагрузка была до 14000 человек⁷³³. Это же обстоятельство объяснялось невозможностью строительства новых столовых и фабрик-кухонь в том объеме, который мог бы удовлетворить запросы рабочих хотя бы только в организации питания на рабочем месте, а о создании системы обслуживания рабочих семей с целью вывода процесса приготовления пищи из функций отдельного домохозяйства (а фактически женщины-хозяйки), речи вообще идти не могло.

Подобная работа системы общественного питания собирала много жалоб: рабочие и работницы жаловались не плохое качество обедов, их однообразие («в течении 3-х недель в ноябре м-це рабочих кормили ... одной капустой плохого качества и небрежно приготовленной»⁷³⁴). Проблемы со снабжением, очереди провоцировали скандалы как между сотрудниками

⁷³² ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 12

⁷³³ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 15

⁷³⁴ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 43

столовой и гражданами, так и между рабочими⁷³⁵. И в решении этих вопросов должна была подключаться общественность, задачей которой была проверка калорийности обедов, их стоимости и качества продукции из которых они готовились⁷³⁶ и, главное, на общественность возлагалась задача по организации самодеятельных столовых, более доступных рабочему, чем фабрики-кухни. И поэтому организация самодеятельных столовых по-прежнему пользовалась популярностью, т.к. в ряде случаев это был единственный выход в обеспечении рабочих необходимым снабжением обедами. Так в 1932 г. Центржилсоюз увеличил количество самодеятельных столовых с 8 (обслуживалось 1400 человек) до 12 (с обслуживанием 4200 человек)⁷³⁷. Самодеятельные столовые в ряде случаев даже более успешно справлялись с поставленной задачей обеспечения рабочих необходимыми обедами и ужинами. Иногда даже обеспечивая рабочих кондитерскими изделиями⁷³⁸. Но и в их организации было множество сложностей: не хватало помещений⁷³⁹, возникали трудности с закупкой продовольствия. Тем не менее, самостоятельно организованные столовые выполняли очень важную задачу продовольственного обеспечения рабочих там, где государство не справлялось. Постепенно через усилия администрации заводов и активистов, участвовавших в организации самодеятельных столовых, ситуация с продовольственным обеспечением рабочих улучшалась. Например, при поддержке профорганизаций во Фрунзенском районе все рабочие были обеспечены обедами и ужинами, а в Дзержинском районе была организована

⁷³⁵ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 30

⁷³⁶ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 6. Д. 9. Л. 2

⁷³⁷ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 46. Л. 160

⁷³⁸ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 51. Л. 8

⁷³⁹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 6. Д. 3. Л. 30

доставка обедов на объекты работы, что значительно сэкономило время рабочих в обеденное время⁷⁴⁰.

В самом начале 1930-х гг. получает широкое распространение и организация заводской системы снабжения, получившая свое начало еще в годы Гражданской войны и направленной на удовлетворение нужд трудящихся в необходимом продовольствии в ситуации продовольственного кризиса. Именно с 1930-го г. этой практике был дан новый толчок, т.к. необходимость сосредоточить все ресурсы на нужды индустриализации вынудила создать базу для обеспечения продовольствием рабочее население городов. По этой причине предприятия и общественные организации с новым энтузиазмом объединяются с колхозами для организации огородов и животноводческих ферм. Выполнение задачи обеспечения рабочих продовольственной базы не на всех предприятиях шла успешно, на некоторых предприятиях эта деятельность получила распространение только к 1933 г.⁷⁴¹

Отчеты о деятельности по организации самостоятельного снабжения отличались в зависимости от предприятий: некоторые заводы и общественные организации успешно справлялись с задачей, создавая по-настоящему мощные сельскохозяйственные производства с огородами, фермерскими хозяйствами, даже с грибницами и прудами и озерами для разведения рыбы⁷⁴². Некоторые предприятия с задачей не справлялись, публикуя данные о «зачаточной» организации хозяйства⁷⁴³. Так, например, Московский городской комитет профессионального союза рабочих городских предприятий и домашних работниц публиковал данные о том, что

⁷⁴⁰ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 46. Л. 58

⁷⁴¹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 2. Д. 20. Л. 146

⁷⁴² ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 78

⁷⁴³ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 80; ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 6. Д. 14. Л. 7

в 1933 г. им была «освоена посевная площадь под разные технические культуры – 1265 га, количество рогатого скота – 387, кол. свиней – 340, кроликов – 3583»⁷⁴⁴. Бауманский Райпроссовет в 1933 г. сообщал о том, что обрабатывали «41 рабочий огород и 20 колхозов и совхозов с земляным массивом в 9748 га. Рост больше чем вдвое. Мы имеем посевной план 1933 года, который намечает засев 320 га под картофель... мы сможем собрать с этих 320 га 3200 центнеров картофеля ... под засев капусты 133 га земли. ...под засев лука 17 ½ га земли, ... моркови 56 ½ га, ... свеклы 61 га, ... огурцы 63 га и т.д.»⁷⁴⁵. Механическая фабрика прачечной Сталинского банно-прачечного треста смогла обеспечить своих работников дополнительными 32 тоннами картофеля, «капусты 15 тн., огурцов 6 тн., помидор 3 тн., свеклы 1,5 тн. моркови 1,5 тн.»⁷⁴⁶, а также дополнительным снабжением от трех подшефных колхозов⁷⁴⁷.

Предполагалось, что производства должны были вступать в кооперацию с подшефными колхозами и создавать объединенную базу для снабжения рабочих⁷⁴⁸. Администрация завода здесь выполняла своеобразную роль посредника: ходатайствовала перед, например, Конвенционным бюро о получении семян для сева⁷⁴⁹ в обмен колхоз обеспечивал кормами и уходом скот, принадлежащий заводу. Такая кооперация представлялась крайне выгодной для одной и другой стороны, решая проблему снабжения деревни необходимыми для сельскохозяйственной работы ресурсами, и рабочих недостающими продовольственными товарами. Со своей стороны предприятия и общественные организации обеспечивали колхоз рабочей

⁷⁴⁴ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 46. Л. 39

⁷⁴⁵ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 16. Л. 40

⁷⁴⁶ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 51. Л. 16

⁷⁴⁷ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 51. Л. 16

⁷⁴⁸ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 2. Д. 13. Л. 85

⁷⁴⁹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 2. Д. 13. Л. 89

силой в страдную пору, организовывая субботники, например, по сбору урожая⁷⁵⁰. Рабочие, участвовавшие в сельскохозяйственных работах, получали часть урожая. Обычно работу на огородах и фермах делали жены рабочих: «жена рабочего Епифанова за 65 трудодней – 390 кгр. картофеля, 260 кгр. капусты, 65 кгр. свеклы и моркови ... мать рабочего Гусева – 62 трудодня. Получила: 78 кгр. огурцов, 183 кгр. картофеля, 22 кгр. помидор, 150 кгр. капусты и пр., а всего 680 кгр., что составляет больше 10 кгр. на трудодень»⁷⁵¹ – это был способ получить дополнительное снабжение для рабочей семьи в условиях продовольственного кризиса. Остатки сельскохозяйственной продукции, остававшейся после распределения между работниками, участвовавшими в обработке огородов, распределялись между другими работниками завода, поставлялись в заводскую столовую или даже использовались для оплаты иных нужд рабочих через посредничество предприятием. Также при участии предприятий и общественных организаций решался и вопрос организации индивидуального огородничества для рабочих, проживавших за городом⁷⁵². Возможность содержания собственного огорода также значительно способствовала решению продовольственной проблемы в эпоху продовольственного кризиса.

Так как проблемы со снабжением в начале 1930-х гг. оставались по-прежнему крайне актуальными, поэтому вопрос распределения в снабжении являлось действенным механизмом в поощрении ударников. Премировали всем, что могло представлять хоть какую-то ценность для неизбалованных потребительскими товарами граждан: блузками⁷⁵³, скатертями⁷⁵⁴,

⁷⁵⁰ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 6. Д. 22. Л. 8

⁷⁵¹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 12

⁷⁵² ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 5. Д. 5. Л. 2

⁷⁵³ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 2. Д. 13. Л. 25

⁷⁵⁴ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 38. Л. 87

мануфактурой⁷⁵⁵. В 1933 г. на обсуждение Бауманского Райпросовета был вынесен и вопрос дифференцированного продовольственного распределения продуктов, получаемых с заводских огородов и ферм⁷⁵⁶. Было предложено распределять получаемые от подсобного хозяйства продукты в зависимости от профессии рабочих, т.е. высококвалифицированные рабочие, ударники должны были снабжаться продуктами лучше, чем неквалифицированные рабочие.

Система дифференцированного снабжения с 1933 г. стала успешно реализовываться и на других предприятиях. Так, например, на московских заводах «Красный пролетарий» и «Серп и Молот» ударники были разделены на 4 категории, основными принципами для деления на группы служило разделение по рабочим профессиям, квалификации. Разница в снабжении между категориями была достаточно существенной. Например, на заводе «Серп и Молот» ударники первой категории получали 3 кг. свинины, второй категории – 2 кг., а третьей и четвертой категорий – 1,5 кг⁷⁵⁷. Продовольственный паек для ударников ведущих профессий был действительно хорошим по сравнению с остальными категориями рабочих: на Химзаводе в Москве эта разница составляла примерно 50% по сравнению с неударниками⁷⁵⁸.

На некоторых предприятиях в качестве поощрения ударников рассаживали за отдельными столами в столовой⁷⁵⁹, покрытыми «новыми светлыми клеенками»⁷⁶⁰ с графинами кипяченой воды, их обслуживал

⁷⁵⁵ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 38. Л. 91

⁷⁵⁶ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 16. Л. 2

⁷⁵⁷ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 8

⁷⁵⁸ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 61

⁷⁵⁹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 8

⁷⁶⁰ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 57. Л. 61

«хороший подбор подавальщиц»⁷⁶¹ и предоставлялось большее разнообразие блюд⁷⁶². Предполагалось, что ударники должны обслуживаться в магазинах без очереди, но это реализовывалось редко, что вызывало массу недовольства, т.к. ударники теряли «много времени на стоянку в очередях с всеми другими рабочими»⁷⁶³. Но эта политика проводилась не на всех заводах, на некоторых предприятиях дифференциация работников и ударников находилась под запретом и особое снабжение получали только старые работники, имевшие особые заслуги на производстве⁷⁶⁴.

Проблемы с продовольственным снабжением и снабжением товарами народного потребления создавали много сложностей для граждан в их стремлении удовлетворить свои базовые потребности и одновременно создавали благодатную почву для злоупотреблений. Так, например, сотрудники магазинов за определенную плату позволяли незаконную торговлю на своей территории продуктами питания⁷⁶⁵. Фиксировалась и недобросовестная работа некоторых государственных органов, а именно «театр им. Вахтангова, зав. Стандарт-Бетон, столовая № 6 Мостропа, столовая № 156 Фрунзенского р-на и др.»⁷⁶⁶, которые скупали колхозную продукцию по низким ценам, а при перепродаже взвинчивали цены вверх.

Купить продукты в магазинах часто вообще не представлялось возможным, т.к. некоторые магазины пустовали⁷⁶⁷, не выполняя

⁷⁶¹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 38. Л. 104

⁷⁶² ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 38. Л. 104

⁷⁶³ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 38. Л. 113

⁷⁶⁴ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 8

⁷⁶⁵ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 6. Д. 3. Л. 1

⁷⁶⁶ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 120

⁷⁶⁷ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 38. Л. 17

обязательства по снабжению рабочих, постоянно собирались очереди⁷⁶⁸. Завоз товаров был хаотичным, что создавало особенные трудности для работающих хозяек. Например, «хлебные магазины, хотя и открываются в 6 час. утра, но хлеб завозят лишь в 12 ч., а то и в 2 часа»⁷⁶⁹. Это становилось серьезной проблемой для работниц, находившихся в это время на работе. В больших очередях, образовавшихся около продовольственных магазинов, возникали постоянные скандалы возмущенных рабочих⁷⁷⁰.

Делались попытки доставки обедов и продуктов на дом, но не очень успешно. Так, например, база Универмага № 2 в Дангауэровской слободе в Москве доставляла хлеб только по 1198 карточкам из всех 10000 прикрепленных к магазину по получению хлеба. Но и эта услуга не была бесплатной, стоимость ее была – рубль с карточки⁷⁷¹ (т.е. две порции мясной котлеты с гарниром в заводской столовой). Именно по этой причине эта услуга не пользовалась никакой популярностью среди рабочего населения. Ситуация немного стала улучшаться уже к концу 1930-х гг., когда было достигнуто более масштабное снабжение рабочих обедами и ужинами на дом: рабочие и служащие обслуживались питанием «при приходе и уходе с работы»⁷⁷².

В начале 1930-х гг. вопрос об организации системы общественного питания также, как и вопрос строительства жилья, практически полностью переходит под контроль государства, которое начинает централизованное строительство фабрик-кухонь. Но и здесь возникает ряд сложностей. Во-первых, из-за нехватки средств централизованного строительства

⁷⁶⁸ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 38. Л. 20

⁷⁶⁹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 38. Л. 20

⁷⁷⁰ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 38. Л. 20

⁷⁷¹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 11

⁷⁷² ЦГА СПб Ф. 4. Оп. 5. Д. 110. Л. 4

немногочисленных фабрик-кухонь было недостаточно для обеспечения нужд жителей Москвы и Ленинграда в реализации идеи обобществления питания. Во-вторых, расположение фабрик-кухонь и столовых при них не позволяло большей части населения пользоваться их услугами, только население близлежащих предприятий и домов могли пользоваться их услугами, но этого было недостаточно. В-третьих, питание в столовых, обеспечиваемых фабриками-кухнями, по-прежнему оставалось достаточно дорогостоящим для большинства населения. По этим причинам в 1930-х гг. по-прежнему пропагандировалась идея создания самодеятельных столовых в рабочих домах и общежитиях, предприятиях, организация которых, как и прежде, возлагалась в первую очередь на женский актив работниц и жен рабочих.

Антисанитария, транспортная недоступность, дороговизна обедов и их часто низкое качество приводило к тому, что как и в 1920-х гг. система общественного питания по-прежнему не привлекала внимания граждан, не смогла полностью реализовать поставленную перед системой общепита задачу – освободить женщину-хозяйку от необходимости тратить временные, топливные ресурсы на индивидуальное приготовление пищи. Несмотря на то, что власть в этот период выступала с требованием немедленного охвата системой общепита по возможности большее число рабочих и их семей, реализовать эту задачу так и не удалось. По-прежнему женщины-хозяйки были вынуждены готовить дома. А идея обобществления быта через создание системы общественного питания не получила своей реализации. Более того, та бесхозность, антисанитария, некачественная пища в системе общепита в очередной раз поставила под сомнение саму идею возможности реализации системы трансформации быта на общественных началах.

Тем не менее, функцию распределения продовольствия рабочие столовые выполняли, также обеспечивали горячими обедами рабочих во время работы, но дальше их функции не распространялись.

4.3.3. Воплощение идеи обобщественного воспитания детей в 1930-е гг.

Идея создания системы общественного воспитания детей – яслей и детских садов, как было сказано выше, имела наибольшую популярность среди женского населения на протяжении всей эпохи существования Советской власти. Необходимость создания дошкольных учреждений имела ряд важных функций: позволяла обеспечить женщинам возможность успешно участвовать в производстве (что было насущной необходимостью в эпоху индустриализации), а также обеспечивало подрастающему поколению идеологически верное воспитание. По этой причине в вопросе необходимости создания централизованной системы дошкольного воспитания были в равной степени заинтересованы как советские женщины, так и само государство: «мы должны освободить нашу работницу от корыта и детей»⁷⁷³, при этом сами дети рассматривались как «будущая наша смена, строитель нашей Советской страны»⁷⁷⁴.

Предполагалось, что система дошкольного воспитания детей должна быть выстроена таким образом, чтобы полностью удовлетворить нужды работниц, призванных в годы индустриализации принять самое активное участие в труде и общественной работе. Так, например, в соответствии со Вторым пятилетним планом по городу Ленинграду (1933-1937 гг.), планировалось к концу второй пятилетки «охватить яслями 100% детей рабочих и учащихся и до 50% детей служащих»⁷⁷⁵.

Кроме дневных яслей, которые работали с 6:30 утра до 11 вечера, также работали суточные группы, которые давали возможность оставлять там детей от 11 месяцев до 3-х лет (дневные ясли принимали детей с 2-х месячного

⁷⁷³ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 52

⁷⁷⁴ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 117

⁷⁷⁵ ГАРФ Ф. А262. Оп. 1. Д. 516. Л. 3

возраста)⁷⁷⁶. При приеме детей проводилось полное обследование состояния здоровья ребенка, проводилась вакцинация⁷⁷⁷. Матери должны были полностью доверить воспитание своих детей советской власти, не опасаясь за их жизнь и развитие, посвящая высвобожденное время ударному труду и общественной деятельности на благо общества. Но, несмотря на то, что в рамках советской пропаганды вопросу воспитания детей уделялось много внимания, на практике решение проблемы создания системы общественного воспитания детей сталкивалось с множеством преград и сложностей.

Детских садов и яслей не хватало, их было значительно меньше, чем запрос со стороны работниц. Фактически общая доля обслуживания детей детскими садами в 1931-1933 гг. в Москве составляла в среднем 1/3 («детей в возрасте для детсада – 1200 чел., а обслуживаем мы только 440. Ясельного возраста – 500 чел., а обслуживаем только 170»⁷⁷⁸). Решение о распределении мест в яслях и детских садах, а также размер оплаты определялся исходя из занятости и уровня заработной платы родителей⁷⁷⁹, общественной активности, должности, занимаемой отцом и матерью. Так, например, при распределении мест в детских садах санаторного типа кроме состояния здоровья ребенка рекомендовалось учитывать «материальное и жилищное условие, а также общественную нагрузку и удельный производственный вес родителей»⁷⁸⁰. Таким образом, доступ к пользованию яслями и детскими садами, детскими санаториями становится еще одним из привилегий новой советской элиты (в т.ч. и рабочей), которая, несмотря на пропаганду, определяет базу для социальной дифференциации в советском обществе. Но,

⁷⁷⁶ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 22

⁷⁷⁷ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 22

⁷⁷⁸ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 40

⁷⁷⁹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 6. Д. 9. Л. 2; ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 42

⁷⁸⁰ ЦГАМ Ф. 2458. Оп. 1. Д. 186. Л. 2

следует отметить, что советская элита (в т.ч. и пролетарская элита) в большинстве случаев отдавала предпочтение индивидуальному воспитанию своих детей, пользуясь услугами домашних работниц (нянь). Поэтому Московским городским профсоюзом рабочих городских предприятий и домработниц проводились разъяснительные работы с объяснением того как надо воспитывать молодое поколение – будущих строителей Советской страны⁷⁸¹.

Так же как и в реализации системы общественного питания, организация дошкольных учреждений происходила несколькими путями: через централизованные действия государственных органов власти, самодеятельность активистов, участвовавших в организации яслей и детских садов при домах и производствах, а также при поддержке производств и общественных организаций, выделявших деньги для их создания. Предприятия могли или сами организовывать ясли и детские сады для своих работниц, или ходатайствовать о получении мест в районных дошкольных учреждениях⁷⁸² такие места распределялись через фабкомы и в районных детских садах обслуживались дети сразу из нескольких фабрик⁷⁸³. Уделялось внимание и организации летних детских оздоровительных лагерей за городом, а также специальных городских детских садов для детей, отстающих в физическом и психическом развитии в которых дети прибывали преимущественно в летнее время на протяжении 3-6 месяцев⁷⁸⁴.

Основная доля финансирования содержания и строительства детских дошкольных учреждений также была достаточно сложной: за счет средств

⁷⁸¹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 117

⁷⁸² ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 2. Д. 13. Л. 81

⁷⁸³ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 22

⁷⁸⁴ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 42. Л. 30

кооперации, страховых касс, городского управления⁷⁸⁵, фабричных комитетов⁷⁸⁶. Определенную помощь оказывали профсоюзы⁷⁸⁷. Так, например, по финплану дошкольного воспитания на 1936 г. указывались следующие источники финансирования: «местный бюджет, Соцстрах, Хозорг. и фубры., родительск. Средства, промкооп., инвалидная копер., профсоюзы»⁷⁸⁸. Родительские средства составляли 27,8% от финансирования, 32,5% средств выделялась из местного бюджета, 21,3% из Соцстраха⁷⁸⁹.

Но здесь возникал ряд трудностей – иногда деньги, поступавшие, например, от родителей в страховую кассу на содержание яслей, не поступали в бюджет дошкольных учреждений из-за чего ряд детских садов и яслей находился под угрозой закрытия⁷⁹⁰. Но в некоторых случаях даже когда деньги на строительство находились, то строители отказывались от строительства, обосновывая отсутствием, например, строительных материалов⁷⁹¹ или уже существующие дошкольные учреждения сносились из-за строительства иных объектов.

Не все дошкольные учреждения были подготовлены к приему детей, здесь возникали все те же трудности, как и в системе организации рабочего жилья и в системе общественного питания: неорганизованность, халатность, бесхозяйственность. Так, например, на фабрике им. Фрунзе «ясли к зиме соответствующим образом не были приведены в порядок, не были

⁷⁸⁵ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 42. Л. 30

⁷⁸⁶ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 42. Л. 88

⁷⁸⁷ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 43. Л. 1

⁷⁸⁸ ГАРФ Ф. А262. Оп. 1. Д. 3146. Л. 8

⁷⁸⁹ ГАРФ Ф. А262. Оп. 1. Д. 3146. Л. 9

⁷⁹⁰ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 42. Л. 112

⁷⁹¹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 42. Л. 27

остеклены»⁷⁹². Обследование яслей, расположенных по Бутырской улице дом 58 в Москве в 1933 г., показало, что дошкольные учреждения содержались в крайне плохом санитарном состоянии. Тесное помещение, нерабочие ванна и душ, паутина, мухи. В качестве спальных мест для детей – голые скамейки с грязным постельным бельем, которого на всех детей было недостаточно, дети были вынуждены пользоваться грязными полотенцами и ходить в грязной одежде⁷⁹³. Ясли обслуживались общественными прачечными, но постоянные перебои со своевременной стиркой и доставкой, а также порча белья в прачечных приводила к тому, что «дети болеют и заражают друг друга полотенцами общего пользования»⁷⁹⁴. В некоторых яслях, расположенных в жилых домах, даже не было места для прогулок⁷⁹⁵. В системе дошкольного воспитания также наблюдалась постоянная смена кадров: «сестры и няни бегут проработав два, три дня»⁷⁹⁶, что объяснялось в т.ч. и достаточно низкой заработной платой: в 1932 г. в Москве няня получала 55 рублей, сестра 88-120 рублей, доктор – 200 рублей⁷⁹⁷.

Хаотично происходило и снабжение яслей продовольственными и промышленными товарами. Общественницы, матери-работницы, сотрудники дошкольных учреждений договаривались с различными организациями о пошивке белья⁷⁹⁸, просили материальную поддержку от различных общественных организаций и заводов⁷⁹⁹, подшефных организаций,

⁷⁹² ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 42

⁷⁹³ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 21

⁷⁹⁴ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 38

⁷⁹⁵ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 42. Л. 88

⁷⁹⁶ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 21; ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 38

⁷⁹⁷ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 21

⁷⁹⁸ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 21

⁷⁹⁹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 22

снабжавших ясли, например, лоскутами для пошивки белья⁸⁰⁰. Фактически, как и в 1920-х гг., очень часто все вопросы обеспечения дошкольных учреждений необходимым для работы инвентарем (мебель, посуда, постельные принадлежности) решались исключительно на общественных началах. Возникали сложности и бюрократическая волокита и в вопросах снабжения натурпайками по уходу новорожденных – их катастрофически не хватало на всех из-за чего работницы были крайне недовольны⁸⁰¹.

Продовольственное снабжение также было плохо организовано – основная часть продуктов доставлялась с продовольственных баз, но часто на базах отсутствовали необходимые для учреждения продовольственные товары или их качество не соответствовало требованиям детского питания. В 1932 г. в Москве фиксировались перебои в поставке в дошкольные учреждения молока, масла, овощей, сухофруктов и картофельной муки⁸⁰², яиц, фруктов, риса⁸⁰³. Нехватка продуктов (фруктов, овощей, сахара), маленькие порции и неудовлетворительное качество детского питания, низкая температура в помещениях, неподобающие санитарно-гигиенические условия⁸⁰⁴ - составляли основной перечень жалоб работниц на работу дошкольных учреждений. Во всех детских садах Москвы в 1932 г. отмечался недостаток пеленок, белья, обуви⁸⁰⁵.

Не лучше была ситуация и в школьной системе. Значительная часть детей не имела доступа к школьному образованию, несмотря на то, что школы работали в 3 смены, а классы состояли из 60 учеников (вместо

⁸⁰⁰ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 38

⁸⁰¹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 42. Л. 124

⁸⁰² ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 22

⁸⁰³ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 35

⁸⁰⁴ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 38

⁸⁰⁵ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 38

предполагаемых 40 учеников)⁸⁰⁶. В школе организовывалось питание в столовых, для части учеников оно было бесплатным⁸⁰⁷, остальные же платили или полную стоимость школьных обедов, или частично – учитывались уровень дохода семьи, общественная и трудовая активность родителей. Система школьного питания имела те же недостатки, что и остальная система общественного питания – антисанитария, грязная посуда⁸⁰⁸.

Общественность принимала самое активное участие в воспитание детей, помощь заключалась в организации самодеятельных яслей и детских садов, поиске средств для финансирования строительства и организации дошкольных учреждений, в инспекции состояния яслей. Более того, актив работниц и домохозяек принимал участие в оказании непосредственной помощи семьям, столкнувшимся с трудностями и проблемами в воспитании детей. В 1939 г. в Ленинграде была создана секция, состоявшая из 70-и активисток, которая оказывала поддержку семьям в случае плохой учебы детей⁸⁰⁹, организовывала контрольные посты в городе, которые следили за поведением детей и подростков в общественных местах и в случае необходимости учили нарушителей порядка «уважать правила социалистического общежития»⁸¹⁰. Как и в 1920-х гг., так и в 1930-е гг. именно общественная активность являлась основой для создания системы дошкольного воспитания детей, принимавшей участие не только в общественном надзоре за состоянием дошкольных учреждений, сборе

⁸⁰⁶ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 42

⁸⁰⁷ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 39

⁸⁰⁸ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 59. Л. 39

⁸⁰⁹ ЦГА СПб Ф. 4. Оп. 5. Д. 66. Л. 2

⁸¹⁰ ЦГА СПб Ф. 4. Оп. 5. Д. 66. Л. 3

средств на строительство и содержание, но и фактически брало на себя роль главного организатора системы общественного воспитания детей.

Таким образом, и система общественного воспитания детей не получила должного распространения в Советском государстве в 1930-е гг., несмотря на то, что именно эта сфера обобществления быта имела наибольшую популярность среди населения и признанную особую важность в рамках советской пропаганды с целью воспитания нового поколения советских граждан. И основной причиной неразвитости системы общественного воспитания детей была нехватка средств на строительство и содержание яслей и детских садов. Предполагалось, что существенная часть средств должна быть получена от самих родителей, но плохое благосостояние советских граждан этого не позволяло. Как следствие, многие рабочие были вынуждены по-прежнему воспитывать своих детей вне системы дошкольных учреждений. А те граждане, которые получали доступ к воспитанию детей в дошкольных учреждениях, сталкивались с множеством проблем, связанных с ненадлежащим санитарно-гигиеническим состоянием яслей и детских садов и в связи с этим с распространением заболеваний, перебоями в их снабжении. Но в условиях индустриализации и необходимости женского населения активно участвовать в промышленном производстве организация яслей и детских садов являлась важным средством для обеспечения безопасности для детей рабочих и их содержания в условиях, когда родители были вынуждены интенсивно трудиться. Поэтому общественная инициатива, испытывая множество трудностей в реализации плана создания сети дошкольных учреждений, была вынуждена все же активно участвовать в реализации данного проекта.

4.3.4. Организация банно-прачечного сектора в 1930-е гг.

Идея обобществления быта на социалистических началах предполагала в т.ч. и создание системы обслуживания населения в организации стирки белья. Стирка в этот период занимала много ресурсов женщины-хозяйки, более того, в жилых помещениях являлась серьезной угрозой для домов из-за распространения сырости и разрушения домов. Так же, как и в решении вопросов общественной системы питания, воспитания детей, строительства рабочего жилья, вопрос организации прачечных был выведен на уровень государственного планирования и финансирования.

Еще в 1920-х гг., когда решался вопрос о проектировании районов рабочего расселения, вопрос об организации прачечных поднимался как особенно важный из-за той угрозы разрушения домов, которую несла организация стирки и сушки белья в рабочих квартирах. Тогда же было принято единогласное решение о необходимости обязательной организации прачечных поквартально или выделения для этих нужд специально оборудованных помещений в подвалах или на чердаках рабочих домов и общежитий. Предпочтение отдавалось созданию централизованной сети механической стирки белья, которая позволила бы минимизировать усилия и количество расхода топлива и бытовой химии, используемой для стирки. Но на практике, когда большая часть рабочего населения была вынуждена жить или в старом жилом фонде, или в рабочих бараках, эта идея так и не получила должного распространения.

Несмотря на пропаганду внедрения механической системы стирки белья, механизация прачечных была на достаточно низком уровне, т.к. требовала материальных затрат на закупку оборудования, которых как обычно не хватало. Например, в 1932 г. по отчету Горштаба Москвы было

открыто 26 новых прачечных и только 2 из них были механизированы⁸¹¹. Рабочее же состояние этих прачечных было неудовлетворительным: стиральные машины и центрифуги требовали ремонта, вентиляция работала плохо, не все прачечные были снабжены собственной котельной⁸¹². Поэтому идея с механизацией стирки белья не получила должного распространения.

Более того, большинство прачечных обслуживало предприятия и государственные учреждения, но целью было увеличение охвата обслуживания населения, что было важно в рамках реализации проекта обобществления быта. Но этот проект не получил должной реализации, так по докладу Союза работников городских предприятий за 1932 г. в Москве было 13 прачечных «с пропускной способностью в 65 тыс. тонн белья в год. Это составляет в части обслуживания ... массового белья – 90%. Что же касается обслуживания стиркой индивидуального белья, то мы обслуживаем всего 2-3%»⁸¹³. Это означало, что только 2-3% населения Москвы обслуживалось прачечными, а остальные работницы продолжали стирать в тех условиях, в которых они жили, т.е. в рабочих бараках, перенаселенных коммунальных квартирах. Основными причинами, которые указывались в качестве непопулярности прачечных среди женского населения: «невыполнение заказов в срок, неудовлетворительное качество стирки белья / брак, рвань, порча / систематическая недодача белья клиентам..., было выявлено несколько случаев кражи белья»⁸¹⁴ и, главным образом, очень высокая стоимость этой услуги – стирка 1 килограмма белья в прачечной стоила 37,4 копейки⁸¹⁵ (т.е. стоимости одного обеда в столовой).

⁸¹¹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 46. Л. 159

⁸¹² ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 5. Д. 19. Л. 9

⁸¹³ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 71. Л. 19

⁸¹⁴ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 5. Д. 19. Л. 10

⁸¹⁵ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 5. Д. 19. Л. 9

В работе прачечных выявлялось множество недочетов: порча и потеря белья, неотлаженность процесса приема и выдачи белья, что приводило к путанице и задержке со стиркой и возвратом, использование некачественных средств для стирки или их полное отсутствие⁸¹⁶. Общественность должна была принять участие в обследовании прачечных и устранении существующих недостатков⁸¹⁷. В задачи активистов входило: «ликвидировать обезличку путем твердаго прикрепления за каждым рабочим машины и инструментов; ввести решительную борьбу с браком простоями, кражами и прогулами; организовать индивидуальное соревнование; проверить качество стирматериалов, и добиться получения таковых регулярно и более лучшего качества»⁸¹⁸. Но работа активистов затрагивала только вопросы внутренней организации процесса работы прачечных. Если в вопросах организации самодеятельных столовых и дошкольных учреждений общественность могла принимать самостоятельное участие в их устройстве, то в вопросах налаживания общественной системы стирки белья, усилиями активистов решить этот вопрос было невозможно. Требовалось слишком много средств для организации прачечных, поэтому силами общественности этот вопрос не мог быть решен.

Как было указано выше, значительная часть рабочего жилья не была снабжена ванными и душевыми комнатами, более того, в значительной части рабочих бараков даже отсутствовала действующая канализация. По этой причине важную роль в быту пролетариата по обеспечению нормальных санитарно-гигиенических условий играли общественные бани. Повышение санитарно-гигиенического состояния бань, увеличение их посещаемости рассматривалось с целью превращения их в «одно из звеньев культурного

⁸¹⁶ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 51. Л. 14

⁸¹⁷ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 25

⁸¹⁸ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 22

быта наших рабочих»⁸¹⁹ и обеспечивало поддержание должного уровня санитарно-гигиенического состояния города, что было важно для обеспечения эпидемиологической безопасности городов.

Но несмотря на важность работы общественных бань, в их организации и работе постоянно возникало много перебоев. Так, например, в начале 1930-х гг. в Москве наблюдались постоянные перебои с обеспечением бань необходимым топливом и поэтому время от времени приостанавливали свою работу в ожидании поставки необходимого для работы топлива⁸²⁰: «собрались люди, очереди, нефти нет, ну и стой»⁸²¹. Общественных бань в Москве в начале 1930-х гг. не хватало для удовлетворения потребностей населения, отмечалась, что «существующие прачечные и бани Москвы совершенно не удовлетворяют возросших потребностей населения»⁸²².

Спрос на посещение общественных бань был достаточно высоким среди населения, существенно превышая планируемую пропускательную способность (например, по плану в банях № 1 (Домниковские бани) пропускная способность за декабрь 1931 г. устанавливалась в размере 71000 человек, а фактическая – 100219 человек⁸²³). В среднем за 1931 г. по пяти баням Октябрьского района Москвы посещаемость, делимая на всех жителей района, составляла 16 моек в год⁸²⁴ (в Дзержинском районе 14 моек в год⁸²⁵). Непопулярностью пользовались только посещение душевых (по плану 15000,

⁸¹⁹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 32. Л. 44

⁸²⁰ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 61

⁸²¹ ЦГАМ Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 33. Л. 12

⁸²² ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 17. Л. 5

⁸²³ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 17. Л. 2

⁸²⁴ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 17. Л. 26

⁸²⁵ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 17. Л. 115

а по факту посещений было 10112⁸²⁶). В 1938 г. в Смольнинском районе Ленинграда имелось 4 бани, которые «при населении в районе 129 000 человек»⁸²⁷ спрос трудящихся удовлетворить никак не могли». В соответствии с планом улучшения жилищно-бытовых условий населения Москвы и Ленинграда, продолжалось строительство банных комплексов, но масштабы строительства и темпы не всегда успевали за ростом нужды граждан в связи с ростом городского населения. Часто причинами задержек в реализации проектов по строительству становились: ошибки в расчете данных, отсутствие нарядов на закупку необходимого оборудования и т.д.⁸²⁸.

По причине серьезной нехватки бань и душевых для обслуживания рабочего населения обсуждался вопрос увеличения рабочего дня бань из-за образования очередей и невозможности части пролетариата, работающего, например, в дневное время, пользоваться услугами общественных бань. По этой причине постепенно увеличивался рабочий день бань и душевых с 8-ми часового до 12-ти часового⁸²⁹, также было увеличено количество дней работы бань – отныне они работали 7 дней в неделю. Но и эти изменения не могли существенно решить проблему, т.к. посещение рабочим населением бань не поддавалось равномерному распределению. В итоге если днем посетителей было достаточно мало, то в вечернее время и в выходные дни постоянно наблюдались очереди.

Обслуживание в банях делилось на три разряда, разница между оплатой первого и третьего составляла около 80%⁸³⁰. Большой популярностью пользовались услуги третьего разряда, среди всех

⁸²⁶ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 17. Л. 2

⁸²⁷ ЦГА СПб Ф. 4. Оп. 5. Д. 41. Л. 10

⁸²⁸ ГАРФ Ф. А-520. Оп. 1. Д. 10. Л. 61-62

⁸²⁹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 17. Л. 1

⁸³⁰ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 17. Л. 8

посетителей очень незначительный процент был детей (около 5%)⁸³¹, что свидетельствует о том, что детей в основном продолжали мыть дома.

Общее санитарно-гигиеническое состояние московских бань в 1931-1933 гг. оставляло желать лучшего: стены в бане покрыты темной плесенью и сыростью, с потолка отваливалась штукатурка, грязь, пыль, канализация в бане отсутствовала⁸³². Например, котлы в банях на Красной Пресне находились в ветхом состоянии, трубопровод горячей воды и вентиляционная система требовали капитального ремонта⁸³³. Ситуация в Ленинграде в 1938 г. наблюдалась схожая – санитарное состояние бань рассматривалось как крайне неудовлетворительное, а оборудование (души, трубопроводы, вентиляция) устаревшим и ветхим⁸³⁴.

Таким образом, отсутствие необходимого для удовлетворения нужд трудящихся количества бань являлось серьезной проблемой. В большинстве рабочих бараков не было возможности полноценно мыться, также нет сведений о том, чтобы возможность пользоваться душевыми была на предприятиях. Это приводило к серьезной угрозе распространения различных заболеваний в Москве и Ленинграде: недостаточность возможности помыться, скученность в общежитиях и бараках, клопы и иные насекомые в общежитиях – все это стало серьезной угрозой для жителей советских городов в эпоху индустриализации.

1930-е гг. стали новым этапом в развитии советского коммунального рабочего быта. С одной стороны, государство берет на себя выполнение

⁸³¹ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 17. Л. 100; ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 17. Л. 104; ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 17. Л. 108

⁸³² ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 2. Д. 20. Л. 127

⁸³³ ЦГАМ Ф. Р-2633. Оп. 5. Д. 19. Л. 8

⁸³⁴ ЦГА СПб Ф. 4. Оп. 5. Д. 41. Л. 15

задачи централизованного массового жилищного и коммунально-бытового строительства, что приводит к увеличению жилой площади в Москве и Ленинграде, с другой стороны массовый приток населения в столичные города препятствует удовлетворению нужд рабочего населения в жилье. Большая часть рабочих продолжает ютиться в рабочих общежитиях и бараках, условия жизни в которых не соответствуют идеалам «культурного жилища». В этот период российской истории распределение жилья и бытовых услуг становится мощным механизмом для поощрения трудящихся. В качестве награды за ударный труд используется не только расселение в лучших квартирах, но и обслуживание в заводских столовых.

Испытывая нужду привлечения женщин в производство, меняется и система организации иных объектов коммунального хозяйства – начинается централизованная организация яслей и детских садов. Если в предыдущий период основную долю дошкольных учреждений создавали сами рабочие на основе кооперации или этим процессом руководили заводы и предприятия, то в 1930-х гг. ситуация приобретает формы централизованного регулирования. Но и здесь не удалось достигнуть тех успехов, которые планировались. Число организуемых дошкольных учреждений не соответствовало спросу.

Меняются и формы взаимодействия государства и общества – в период военного коммунизма и НЭПа к созданию объектов коммунального обслуживания активно привлекалось население, которое также участвовало и в жилищном строительстве через кооперацию. В период индустриализации ситуация коренным образом меняется – частная инициатива существенно ограничивается, оставляя возможность для личного участия только в пределах контроля за деятельностью функционирующих объектов коммунально-бытового обслуживания.

Таким образом, в 1930-х гг. ситуация с организацией жилищно-бытового устройства меняется существенно, но по-прежнему не способна удовлетворить потребности рабочего населения в доступе к достойным условиям жилья и быта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После Октябрьской революции 1917 г. Советская власть столкнулась с необходимостью приступить к реализации социального проекта, который разрабатывался в теоретических работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и других деятелей коммунистического движения. Еще в работах социалистов-утопистов (Р. Оуэна, Ш. Фурье, А. Сен-Симона) была обозначена важность условий среды, в т.ч. и бытовых условий, на формирование нового общества, построенного на социалистических началах. Бытовая организация должна была оказывать влияние на мировоззрение человека, а также формировать его социальное начало – отказ от частной собственности, коллективизация быта стать основой социальной трансформации. Реорганизация жилищно-бытовых условий должна была изменить и положение женщины в новом социалистическом обществе, стать базой для женской эмансипации. Эти идеи были поддержаны и идеологами коммунизма К. Марксом и Ф. Энгельсом, а в дальнейшем и деятелями РСДРП(б).

Существенной же проблемой стало то, что теоретическое обоснование важности бытовой реорганизации не нашло воплощения в разработке плана его реализации. Не было выработано конкретных идей о форме жилищно-бытового устройства будущего социалистического общества. И именно поэтому после Октябрьской революции Советская власть приступила к поискам возможности реализации теоретической идеи коллективизации быта без какого-либо плана его осуществления, находясь в тех экономических условиях, в которых находилось государство на момент 1917 г. Период с 1917 г. и до конца 1920-х гг. стал самым сложным этапом в формировании практической концепции реализации проекта бытовой трансформации. Взяв за основу дореволюционный, иностранный опыт, проекты социалистов-

утопистов и основные постулаты классиков марксизма, архитекторы, социологи, партийные лидеры РСДРП(б), гигиенисты начинают разрабатывать принципы бытового устройства. Именно в это десятилетие рождаются самые утопические идеи в отношении формы будущего рабочего быта.

Параллельно осуществлялся процесс перераспределения имевшегося жилого фонда, что соответствовало идеи ликвидации частной собственности и ее распределения по уравнилельно-классовому принципу. На практике на первом этапе в 1917-1921-е гг. приоритет в получении лучших квартир отдавался партийной элите. В эпоху НЭПа учитывалась платежеспособность нанимателя, возможность содержания и ремонта жилья. В 1928-1930-е гг. распределение жилья становится средством поощрения трудящихся.

Несмотря на крайнюю бедность государства и невозможность до 1924 г. осуществлять жилищное строительство, в этот период были предложены и апробированы на практике основные типы советского жилья, получившие распространение в последующие десятилетия. Невзирая на обилие проектов в 1920-е гг., государство не осмелилось принять единую концепцию жилищно-бытового устройства и план ее реализации, что было обусловлено рядом факторов, в т.ч. и отсутствием должной материальной базы для воплощения столь грандиозного и крайне утопичного проекта.

На этом этапе большое значение имело участие общественности в реализации проекта по благоустройству быта. Жилищно-строительная кооперация, получившая достаточно широкое распространение с 1924 г., должна была помочь государству в решении насущных проблем возобновления жилищного строительства. Через кооперативное строительство рассматривались и предпочтения населения в жилищно-бытовом устройстве. Граждане, получив возможность самостоятельно улучшать свои жилищные условия, отдали предпочтение индивидуалистским

формам организации жилья и быта. Строительство индивидуального типа квартир стало доминирующим в кооперативном строительстве в 1920-е гг.

Привлечение общественности к разработке и реализации проекта жилищно-бытовой трансформации реализовывалось через периодические издания, ставшие одним из самых доступных в 1920-х гг. средств массовой информации, используемых в советском государстве. На страницах «женских журналов» «Работница», «Женское дело» пропагандировались идеи коллективизации быта и привлечения женского актива к ее реализации. Женщинам предлагалось самостоятельно участвовать в организации домовых столовых, яслей и детских садов, настаивать на идеях коллективизации быта при кооперативном строительстве. Женская активность в решении данного вопроса должна была стать и основой для раскрепощения советской женщины. Но и здесь государство не добилось значительного успеха. Если партийные активистки еще и принимали участие в организации столовых и прачечных, то со стороны рядовых работниц энтузиазма в решении данных вопросов не наблюдалось. После эпохи военного коммунизма необходимость пользоваться общественными столовыми отпала, работницы вернулись на кухни каждая к своему «котелку» без стремления коллективизации данных бытовых практик. Единственное, где женщины-работницы проявляли активность – это создание яслей и детских садов на коллективных началах.

Следует отметить, что слабая вовлеченность советских граждан в решение вопроса обобществления быта была связана и с достаточно слабой пропагандистской активностью в решении этой проблемы. На страницах периодических изданий достаточно мало внимания уделялось этому вопросу, не удалось создать систему взаимосвязи государства и общественной инициативы. Фактически, женщинам было предложено взять решение проблемы в свои руки и решать их исключительно собственными усилиями,

основываясь только на пропагандистских лозунгах без какой-либо реальной и существенной помощи с чьей-либо стороны.

Только к концу 1920-х гг., с началом первой пятилетки, когда становится очевидной нужда государства в участии женщин в производстве, пропаганда коллективизации быта усиливается, из формально-агитационной формы, характерной для начала 1920-х гг., приобретая форму более практическую: даются конкретные рекомендации как организовывать, например, самодеятельные столовые, ясли. Но и в этот важный для государства момент советские женщины не проявили того энтузиазма, на который рассчитывало советское руководство. Отсутствие подготовленной инфраструктуры для реализации женской самодеятельной активности; нехватка материальных средств; неготовность к слоому традиционного семейного уклада; слабость государственной пропагандистской активности стали существенными препятствиями на пути к жилищно-бытовой трансформации. Советские женщины (и общество в целом) не приняли тех идей, которые были предложены теоретиками марксизма, не готовы были жертвовать своим удобством и привычками для реализации масштабного проекта бытовой трансформации.

Таким образом, система организации социалистического жилья не была реализована в советской действительности в 1920-х гг. Немногочисленные попытки создания домов-коммун не получили никакого серьезного распространения. Единственной формой организации жилья на социалистических началах, получившей распространение в 1920-х гг., стало создание рабочих общежитий, но и эта идея дискредитировала себя бесхозяйственностью – то, что находилось в общей собственности, быстро подвергалось разрушению и захламлению. В итоге обобществление жилища все же произошло, но в крайне искаженной и вынужденной форме, которая была далека от идеала, создаваемого в проектах идеологов марксизма.

Перенаселенность Москвы и Ленинграда к концу 1920-х гг. вынудила интенсивно «уплотнять» имеющийся жилой фонд, что привело к широкому распространению коммунальных квартир.

Граждане, участвовавшие в постоянных бытовых войнах, возникавших между вынужденными соседями по причине недостаточности площади жилья, необходимой для нормальной жизни, приобретали стойкое нежелание в дальнейшем участвовать в экспериментах по организации быта на социалистических началах. Как только у населения появляется возможность хотя какого-то выбора формы жилой организации через кооперативное строительство, оно делает выбор в пользу индивидуального устройства своего жилища, отделенного от вынужденного соседства.

Исследование бытовой действительности рабочих Москвы и Ленинграда в 1917-1920-х гг. выявило крайне искаженную от пропагандируемой действительность, в которой жило советское рабочее население в этот период. Скученность проживания в рабочих общежитиях и перенаселенных коммунальных квартирах, антисанитарные условия в рабочих столовых, нехватка детских садов и яслей, злоупотребления при распределении жилья – все это породило конфликт между пропагандируемыми идеалами и действительностью. Советские граждане, чувствуя отчужденность в решении своих жилищно-бытовых проблем, стремились всячески отгородиться от реализации тех идеалов, которые им предлагались.

К началу 1930-х гг. в решении проблемы жилищно-бытового устройства меняется многое. Столкнувшись с неприятием идеи коллективизации быта среди рабочего населения, государство берет курс на массовое строительство индивидуального типа квартир, получившего поддержку граждан в эпоху кооперативного строительства. Стандартизируются проекты жилищно-бытового строительства. Официально

не отвергая идею продолжения поиска подлинно советского типа расселения и организации быта, государство ограничивает какую-либо инициативу населения в решении данной проблемы, отказавшись от кооперативного строительства, монополизировав строительство жилых домов и распределение жилой площади среди населения. Централизация строительства должна была решить проблему острой нехватки жилья в Москве и Ленинграде, которая обострилась в эпоху первой пятилетки. Свою роль сыграла и смена архитектурной концепции – реализация проекта строительства Большой Москвы предполагала создание комплексов, для которых было свойственно единство архитектурной формы.

Централизация жилищно-бытового строительства также должна была способствовать минимизации расходов, столь ценных в эпоху индустриализации. В период форсированной модернизации жилищно-бытовое устройство должно было стать одним из мотивирующих стимулов к усилению трудовой активности: распределение жилья, улучшение бытового обслуживания должно было побуждать к ударному труду. Растущая нужда вовлечения женщин в производство в Москве и Ленинграде в начале 1930-х гг. также создавала необходимость расширения отдельных элементов коллективизации быта: создание общественных столовых и дошкольных заведений приобретало новую актуальность. Организация питания в столовых решала и проблему продуктового распределения.

Изменения отразились и в пропаганде. На страницах периодических журналов все меньше внимания уделяется пропаганде идеи участия женщин в решении проблемы реорганизации быта на социалистических началах. К середине 1930-х гг. фактически единственным доступным для женщин (и всего населения) способом вовлечения в решение данной проблемы становится участие в обследовании работающих заведений и оценке их деятельности. Приостановление кооперативного строительства и иной

самодеятельной активности, возможной и столь ожидаемой государством в 1920-е гг., практически полностью исключает население из участия в решении данной задачи.

Но и начатое централизованное жилищно-бытовое строительство в начале 1930-х гг., в силу недостаточного экономического благосостояния, не могло в короткие сроки решить жилищную проблему и создать условия для обобществления быта. Исследование фактических условий проживания рабочих в Ленинграде и Москве в 1930-х гг. выявило крайнюю форму антисанитарии и запущенности рабочих бараков, в которых продолжало жить большая часть рабочего населения. Пропаганда декларировала первостепенное удовлетворение нужд рабочего класса, на практике же реализация этой задачи оставалась на второстепенных позициях. От самих рабочих требовалось вести тот образ жизни, который должен был соответствовать социалистическим представлениям о «культурном» быте, но на практике скученность, антисанитария, не давали такой возможности, усугубляя конфликт между пропагандой и действительностью. Скученность проживания порождала усиление недоверия между людьми, вынуждая прятать личные вещи, искать возможность получения лучшего пайка или иных благ, не гнушаясь тех методов, которые совсем не соответствовали идеалам «нового советского человека».

В начале 1930-х гг. не только решение жилищной проблемы не получило достойного решения, способного всецело удовлетворить нужды рабочих, но и воплощение иных форм коллективизации быта не было реализовано в должном масштабе. Государство полностью взяло на себя задачу по созданию системы общественного питания, но нехватка средств не дала возможности в полной мере ее реализовать. Расположение фабрик-кухонь и столовых при них не позволяло большей части населения пользоваться их услугами. Также питание в столовых, обеспечиваемых

фабриками-кухнями, по-прежнему оставалось достаточно дорогостоящим для большинства советских граждан. Антисанитария, транспортная недоступность, дороговизна обедов и их часто низкое качество приводило к тому, что, как и в 1920-х гг., система общественного питания по-прежнему не привлекала внимания граждан, не смогла полностью реализовать поставленную перед системой общепита задачу – освободить женщину-хозяйку от необходимости приготовления пищи. Тем не менее, функцию распределения продовольствия рабочие столовые выполняли, также обеспечивали горячими обедами рабочих во время работы.

Практически в схожем состоянии находилась и система общественного воспитания детей. Несмотря на большую заинтересованность населения в использовании возможности пользоваться детскими садами и яслями, из-за материальной несостоятельности государство эту задачу в полной мере решить не смогло и дошкольных учреждений по-прежнему не хватало для обеспечения нужд трудящихся, даже несмотря на то, что государство приветствовало и поощряло финансовую помощь в организации яслей со стороны родителей. А те граждане, которые получали доступ к воспитанию детей в дошкольных учреждениях, сталкивались с множеством проблем, связанных с ненадлежащим санитарно-гигиеническим состоянием яслей и детских садов и в связи с этим с распространением заболеваний, перебоями в снабжении дошкольных учреждений.

Не меньшие проблемы охватывали и область гигиенического обслуживания населения. Отсутствие необходимых ресурсов для удовлетворения нужд трудящихся в должном количестве бань являлось серьезной проблемой. Нехватка топлива, отдаленность от места жительства и работы, антисанитарные условия, неудобство времени работы – все это создавало дополнительные сложности в организации быта рабочих.

Таким образом, несмотря на стремление власти в реорганизации быта на общественных началах в 1917-1941 гг., данный проект не получил должной реализации. Немногочисленные проекты по жилищному строительству, организации системы общественного питания и воспитания детей никак не могли решить бытовые проблемы советских трудящихся в Москве и Ленинграде. Приток населения в эпоху индустриализации практически сводили на нет все усилия по строительству новых домов и объектов бытового обслуживания. Индивидуальные квартиры, строящиеся в Москве, расселялись покомнатно, а большинство рабочих по-прежнему было вынуждено жить в общежитиях и бараках. Фабрики-кухни, которые должны были удовлетворить нужду населения в дешевом и доступном питании, удовлетворяли потребности очень незначительной части населения. Остальные же граждане вынуждены были жить в тех условиях, которые мало соответствовали тем идеалам, которые пропагандировались.

Но, несмотря на нереализованность проекта обобществления быта в тех масштабах, в которых предполагалась его реализация в теоретических работах идеологов марксизма и деятелей РСДРП(б) до Октябрьской революции и в первые годы после нее, разработка идеи социалистического жилищно-бытового устройства стала базой для дальнейшего его развития уже в послевоенный период. Утопичность самой идеи полной коллективизации быта, материальная база государства, неподготовленность населения к столь масштабным бытовым трансформациям стала главными препятствиями к ее воплощению. В условиях массового притока населения в столичные города в 1920-1930-е гг., было невозможно организовать переустройство городов в столь сжатые сроки и фактически реализовать те проекты, которые разрабатывались советскими архитекторами в начале 1920-х гг. Выбранная государственная модель бытовой организации, несмотря на ее несоответствие теоретическим принципам, представляется вполне

оправданной. Но именно в этот период на базе созданных фабрик-кухонь будет организована система обеспечения обедами рабочих и служащих фабрик и заводов. Система дошкольного воспитания детей в дальнейшем получит все большее распространение и охватит практически все население Советского государства, создавая условия для активного вовлечения советских женщин в производственные отношения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ИСТОЧНИКИ

1.1. Неопубликованные источники

17 фондов из четырех архивов:

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ).

1. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 168 «Даниловская прядильно-ткацкая и красильно-набивная фабрика (быв. Товарищество Даниловской мануфактуры) Моссовпархода». Оп. 1. На документальные материалы Даниловской прядильно-ткацкой и красильно-набивной фабрики (быв. товарищество Даниловской мануфактуры) Моссовнархоза. Д. 6, 12, 14, 19.
2. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 718 Московский Городской Совет Профсоюзов. Оп. 7. Инвентарная опись на документальные материалы Московского Городского Совета Профессиональных Союзов. Д. 42, 59.
3. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 718 «Московский Городской Совет Профсоюзов». Оп. 8. Московский городской Совет Профессиональных Союзов М.Г.С.П.С. Отдел организации рабочего снабжения и быта. Д. 16, 33, 38, 39, 43, 57.
4. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 2313 Сокольнический Районный отдел Коммунального Хозяйства. Оп. 1. Протоколы Коллегии Московского Коммунального хозяйства, Жилищного Совета МКХ заведующих п\отделами Коммунального Отдела районной конфликтной комиссии пленума секции Жилищного Земельного п\отд. и др. о ходе жилищной компании. Д. 6.

5. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 2458. Московский городской комитет профсоюза работников кооперации и государственной торговли, г. Москва, 1931-1934. Оп. 1. Документальных материалов постоянного срока хранения за 1931-1934. Д. 186.
6. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 2458. Московский городской комитет профсоюза работников кооперации и государственной торговли, г. Москва, 1931-1934. Оп. 1. Документальных материалов постоянного срока хранения за 1931-1934. Д. 369.
7. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 2633. Московский городской комитет профессионального союза рабочих городских предприятий и домашних работниц г. Москва 1932-1934. Оп. 1. Описание документальных материалов постоянного срока хранения за 1932-1934 гг. Д. 11, 17, 32, 35, 46, 48, 51, 71.
8. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 2633. Московский городской комитет профессионального союза рабочих городских предприятий и домашних работниц. Оп. 2. Бауманский районный комитет профессионального союза рабочих городских предприятий и домашних работниц. г. Москва. 1932-1934. Д. 13, 20.
9. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 2633. Московский городской комитет профессионального союза рабочих городских предприятий и домашних работниц. Оп. 5. Краснопресненский районный комитет профессионального союза рабочих городских предприятий и домашних работниц. г. Москва. 1932-1934. Д. 5, 19.

10. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 2633 Московский городской комитет профессионального союза рабочих городских предприятий и домашних работниц. Оп. 6. Ленинский районный комитет профессионального союза рабочих городских предприятий и домашних работниц. г. Москва. 1932-1934. Д. 3, 9, 14, 22.
11. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 2633 Московский городской комитет профессионального союза рабочих городских предприятий и домашних работниц. Оп. 11. Фрунзенский районный комитет профессионального союза рабочих городских предприятий и домашних работниц. г. Москва. 1932-1934. Д. 22.

Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)

12. Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-1 Исполнительный Комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Охтинского района г. Петрограда. Сведения о работе отдела коммунального хозяйства за первое полугодие 1919 г. Оп. 1. Архивная опись дел постоянного хранения. Д. 7.
13. Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-4 Смольнинский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург. 1919–1993. Оп. 1. Архивная опись дел постоянного хранения. 1919-1922. Д. 30, 79.
14. Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-4 Смольнинский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург. 1919–1993. Оп. 5. Архивная опись дел постоянного хранения (Исполнительный комитет). 1936–1950. Д. 41, 66, 110.

15. Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).
Ф. Р-8. Ленинградский губернский отдел рабоче-крестьянской инспекции (ЛЕНИНГРАДРАБКРИН) народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. Ленинград. 1918–1927. Оп. 1. Архивная опись дел постоянного хранения (общее делопроизводство). 1917-1927. Д. 1267, 1268, 1269, 1277, 1278.
16. Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).
Ф. Р-54 1-ый Городской районный совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Петрограда и его исполнительный комитет. Петроград. 1917–1922. Оп. 1. Архивная опись дел постоянного хранения. 1917–1922. Д. 53.
17. Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).
Ф. Р-55 2-й Городской районный совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Петрограда. Петроград. 1917–1922. Оп. 1. Архивная опись дел постоянного хранения. 1917–1922. Д. 17.
18. Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).
Ф. Р-101 Петергофский районный совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Петрограда и его исполнительный комитет. Петроград. 1917–1919. Оп. 1. Архивная опись дел постоянного хранения. 1917–1919. Д. 74.
19. Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).
Ф. Р-102. Петергофский районный совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Петрограда и его исполнительный комитет. Петроград. 1919–1922. Оп. 1. Архивная опись дел постоянного хранения. 1919–1922. Д. 23, 84, 87.

**Центральный Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга
(ЦГИА СПб)**

- 20.Центральный Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2114 Покровская Мария Ивановна (1852-не ранее 1922) – врач. Оп. 1. Д. 1Б.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

- 21.Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-259. Совет Министров РСФСР (Совмин РСФСР). Оп. 8б. Общий отдел, переписка. 1924 г. Д. 104, 265, 274, 275.
- 22.Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-262. Государственный плановый комитет РСФСР (Госплан РСФСР). Оп. 1. Документальные материалы за 1925-1946 гг., 1947 г. Д. 193, 516, 3146.
- 23.Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-314. Главное управление коммунального хозяйства при Совете Народных Комиссаров РСФСР; Министерство жилищно-коммунального хозяйства РСФСР. Оп. 1. Документальные материалы Главного управления коммунального хозяйства при СНК РСФСР, Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР. 1930-1945 гг. Д. 1, 70, 74, 730.
- 24.Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 520. Государственная контора по проектированию бань и прачечных (Банпрачпроект) Главного управления бань и прачечных Наркомата коммунального хозяйства РСФСР. 1932-1941. Оп. 1. Опись документальных материалов постоянного хранения за 1937-1941 гг. Д. 10.

1.2. Опубликованные источники

Постановления

- 25.23 ноября (6 декабря). Проект декрета об отмене права частной собственности на городские недвижимости // Декреты Советской власти : [сборник]: в 13 т. – Москва, 1957. – Т. 1. – С. 132-133.
26. Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Декреты Советской власти : [сборник]: в 13 т. – Москва, 1957. – Т. 1. – С. 17.
27. Постановление ЦИК СССР N 112, СНК СССР N 1843 от 17.10.1937 О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5780> (дата обращения: 20.01.2024).
28. Постановление СНК СССР от 03.09.1934 N 2050 О прекращении беспроектного и бессметного строительства // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4011.htm (дата обращения: 20.01.2024).
29. Постановление СНК СССР от 23.04.1934 N 945 Об улучшении жилищного строительства // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16621> (дата обращения: 20.01.2024).
30. Постановление СНК СССР от 04.12.1933 Об обязательном строительстве торговых помещений в новых домах // Библиотека

- нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3942.htm (дата обращения: 20.01.2024).
31. Постановление ЦИК СССР N 70, СНК СССР N 1219 от 27.06.1933 О составлении и утверждении проектов планировки и социалистической реконструкции городов и других населенных мест Союза ССР // КонсультантПлюс. [Б. м.], 2024. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16044> (дата обращения: 20.01.2024).
32. Постановление ЦК ВКП(б) от 28-31 октября 1931 г. О развертывании советской торговли и улучшении снабжения рабочих // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1971. – Т. 5. 1931-1941. – М. : Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС, 1971. – С. 16-19.
33. Постановление ЦК ВКП(б) от 19 августа 1931 г. О мерах улучшения общественного питания. Цит. по. : Перчик Л. Жилищный вопрос при капитализме и социализме. – 2-е доп. изд-е. – Л. : Соцэкгиз, 1934. – С. 71.
34. Пленум ЦК ВКП(б). Москва. 11-15 июня 1931 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988): в 15 т. – Т. 5. 1929-1932. – М., 1984. – С. 315.
35. Постановление ЦК ВКП(б) О работе по перестройке быта. 16 мая 1930 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988): в 15 т. Т. 5 : 1929-1932. М., 1984. С. 118.

36. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20.08.1928 О порядке эксплуатации и использования жилищного фонда, принадлежащего местным советам, предприятиям промышленности и транспорта // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3435.htm (дата обращения: 20.01.2024).
37. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30.07.1928 Об условиях эксплуатации жилых домов, возведенных государственными органами // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3400.htm (дата обращения: 20.01.2024).
38. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 04.01.1928 О жилищной политике // КонсультантПлюс. [Б. м.], 2024. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14332> (дата обращения: 20.01.2024).
39. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 16.05.1924 О содействии кооперативному строительству рабочих жилищ // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2029.htm (дата обращения: 20.01.2024).
40. Декрет СНК РСФСР от 25.05.1920 О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения // Электронная библиотека исторических документов. [Б. м.], 2024. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/10780-25-maya-dekret-snk-o-merah->

- pravilnogo-raspredeleniya-zhilisch-sredi-trudyaschegosya-naseleniya (дата обращения: 20.01.2024).
41. Постановление СНК РСФСР от 18.06.1919 О санитарной охране жилищ // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2024. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_464.htm (дата обращения: 20.01.2024).
42. Декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. Об отмене частной собственности на недвижимости в городах // КонсультантПлюс. [Б. м.], 2011. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6113> (дата обращения: 20.01.2024).
43. Постановление НКВД РСФСР от 30.10.1917 О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса // КонсультантПлюс. [Б. м.], 2024. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44175&dst=100038> (дата обращения: 20.01.2024).
44. Постановление НКВД РСФСР от 30.10.1917 О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса // КонсультантПлюс. [Б. м.], 2024. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3939> (дата обращения: 20.01.2024).
45. Пятнадцатый съезд ВКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988): в 15 т. – Т. 4. 1926-1929. – Москва, 1984. – С. 263.

46. Аскиназий С.И. Советское жилищное право. – М., 1940. – С. 32-33.
47. Бебель А. Женщина и социализм / А. Бебель – 3-е изд. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 485 с.
48. Гинзбург М.Я. Жилище : Опыт пятилетней работы над проблемой жилища / М.Я. Гинзбург. – Москва : Госстройиздат, 1934. – 192 с.
49. Гинзбург М.Я. Стиль и эпоха / М.Я. Гинзбург. – Москва : Государственное издательство, 1924. – 238 с.
50. Доклад В.И. Межлаука // Совещание по вопросам строительства в ЦК ВКП(б). – Москва, 1936. – С. 11.
51. Кобалевский В.Л. Организация и экономика жилищного хозяйства СССР. – Москва, 1940. – С. 134.
52. Кобленц И. Жилищное право. – Москва, 1924. – С. 40.
53. Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. – Санкт-Петербург, 1909. – 437 с.
54. Крупская Н.К. Женщина-работница // Педагогические сочинения: в 10 т. – Т. 1. – Москва, 1957. – С. 74.
55. Крупская Н.К. Народное образование и демократия // Педагогические сочинения : в 6 т. – Т. 1. – Москва, 1978. – С. 292-293.
56. Крупская Н.К. О бытовых коммунах // О бытовых вопросах : Сборник статей / Н.К. Крупская. – Москва : Государственное издательство, 1930. – С. 30-32.
57. Ларин Ю. Жилище и быт / Ю. Ларин. – Москва : Власть советов, 1931. – 127 с.
58. Лопяло К. Жилище – рабочим! / К. Лопяло. – М. : Профиздат, 1932. – 96 с.
59. Ленин В.И. Аграрный вопрос и «критики Маркса» / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 5. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1967. – С. 95-268.

60. Ленин В.И. В бюро женского съезда Петроградской губернии / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 40. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1974. – С. 50.
61. Ленин В.И. Великий почин / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 42. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1970. – С. 1-29.
62. Ленин В.И. Директива Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о рабочей инспекции / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 40. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1974. – С. 64.
63. Ленин В.И. Дума и русские либералы / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 15. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1972. – С. 250-253.
64. Ленин В.И. К деревенской бедноте / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 7. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1967. – С. 129-203.
65. Ленин В.И. К международному дню работниц / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 40. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1974. – С. 192-193.
66. Ленин В.И. Капиталистический строй современного земледелия / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 19. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1968. – С. 319-344.
67. Ленин В.И. Ко всем рабочим и работницам города Петербурга и окрестностей / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 12. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1968. – С. 200-203.
68. Ленин В.И. Конец войны Италии с Турцией / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 22. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1968. – С. 113-114.

69. Ленин В.И. Марксизм о государстве / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 33. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1969. – С. 123-307.
70. Ленин В.И. Международный день работниц / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 42. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1970. – С. 368-370.
71. Ленин В.И. Международный социалистический конгресс в Штутгарте / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 16. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1973. – С. 79-89.
72. Ленин В.И. Новый фабричный закон / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 2. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1967. – С. 263-314.
73. Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 39. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1970. – С. 198-205.
74. Ленин В.И. О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 21. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1968. – С. 11-21.
75. Ленин В.И. О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 25. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1969. – С. 183-206.
76. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 25. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1969. – С. 255-320.

77. Ленин В.И. О промышленных судах / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 4. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1967. – С. 274—287.
78. Ленин В.И. Переселенческий вопрос / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 21. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1968. – С. 325-336.
79. Ленин В.И. Письмо И.Ф. Арманд (17 января 1915) / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 49. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1970. – С. 51-52.
80. Ленин В.И. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 38. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1969. – С. 417-446.
81. Ленин В.И. Проект декларации ЦК РСДРП / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 26. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1969. – С. 128-129.
82. Ленин В.И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 2. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1967. – С. 81-110.
83. Ленин В.И. Проект программы нашей партии / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 4. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1967. – С. 211-239.
84. Ленин В.И. Проект резолюции международной женской социалистической конференции / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 26. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1969. – С. 206-208.

85. Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 37. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1969. – С. 185-187.
86. Ленин В.И. Советская власть и положение женщины / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 39. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1970. – С. 285-288.
87. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 34. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1969. – С. 287-339.
88. Ленин В.И. Уроки московского восстания / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 13. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1972. – С. 369-377.
89. Ленин В.И. Экономическое содержание народничества / В.И. Ленин // Ленин Владимир Ильич. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 1. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1967. – С. 347-534.
90. Лопяло К. Жилище – рабочим! / К. Лопяло. – М. : Профиздат, 1932. – 96 с.
91. Маркс К. Второй набросок «Гражданской войны во Франции» // Сочинения: в 50 т. Т. 17 / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1960. – С. 576-616.
92. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Сочинения: в 50 т. Т. 4 / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1955. – С. 419-459.
93. Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение : хрестоматия / Э. Миловидова. – Москва; Ленинград, 1929. – 507 с.

94. Милютин Н.А. Соцгород: Проблема строительства социалистических городов / Н.А. Милютин. – Москва; Ленинград : Государственное издательство, 1930. – 83 с.
95. Молотов В.М. О строительстве и задачах строителей. Речь 14 декабря 1935 г. – Москва, 1935. – С. 22-23.
96. Оуэн Р. Дальнейшее развитие плана, содержащегося в докладе Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих / Р. Оуэн // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. / Оуэн Р. : пер. с англ. и ком. С.А. Фейгиной. – Москва; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1950. – С. 109-139.
97. Оуэн Р. Доклад, представленный Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих / Р. Оуэн // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. / Оуэн Р. : пер. с англ. и ком. С.А. Фейгиной. – Москва; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1950. – С. 86-108.
98. Оуэн Р. Из книги о новом нравственном мире / Р. Оуэн // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. / Оуэн Р. : пер. с англ. и ком. С.А. Фейгиной. – Москва; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1950. – С. 5-116.
99. Оуэн Р. Революция в сознании и деятельности человеческого рода, или грядущий переход от неразумия к разумности / Р. Оуэн // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. / Оуэн Р. : пер. с англ. и ком. С.А. Фейгиной. – Москва; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1950. – С. 117-174.
100. Пузис Г. Коммунальное и жилищное хозяйство СССР за 15 лет. [Б. м.], – 1932. – С. 60.
101. Сабсович Л. Социалистические города. – М. 1930. – 124 с.

102. Сен-Симон А. Взгляд на собственность и законодательство / А. Сен-Симон // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. / Сен-Симон А. : пер. с фр. под ред. и с ком. Л.С. Цетлина. – Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1948. – С. 350-427.
103. Сен-Симон А. Письма женевского обитателя к современникам / А. Сен-Симон // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. / Сен-Симон А. : пер. с фр. под ред. и с ком. Л.С. Цетлина. – Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1948. – С. 105-145.
104. Сен-Симон А. Продолжение брошюры «О Бурбонах и Стюартах» / А. Сен-Симон // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. / Сен-Симон А. : пер. с фр. под ред. и с ком. Л.С. Цетлина. – Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1948. – С. 102-120.
105. Сталин И.В. Коротко о партийных разногласиях. Т.1. С. 89-С. 98 // И.В. Сталин. Сочинения: в 13 т. – Т. 1. – Москва, 1954. – С. 89-130.
106. Фишер П. На подступах ко второй пятилетке / П. Фишер. – Москва : Госстройиздат, 1932. – 96 с.
107. Фурье Ш. Новый промышленный и общественный мир или изобретение метода привлекательной и естественной индустрии организованной по сериям построенным на страстях / Ш. Фурье // Избранные сочинения : в 2 т. Т. 2. / Шарль Фурье ; под ред. и с вступ. ст. А. Дворцова. – Москва : ОГИЗ. Соцэкгиз, 1939. – 466 с.
108. Фурье Ш. Описание различных ветвей частных или домашних судеб / Ш. Фурье // Избранные сочинения: в 3 т. Т. 1. / Фурье Ш. : под ред. А. Дворцова. – Москва : Государственное социально-публичное издательство, 1938. – С. 125-197.
109. Фурье Ш. Подтверждение, основанное на несостоятельности неточных наук во всех вопросах механизма цивилизации / Ш. Фурье // Избранные сочинения: в 3 т. Т. 1. / Фурье Ш. : под ред. А. Дворцова. –

- Москва : Государственное социально-публичное издательство, 1938. – С. 198-306.
110. Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб / Ш. Фурье // Избранные сочинения : в 2 т. Т. 1. / Шарль Фурье ; под ред. и с вступ. ст. А. Дворцова. – Москва : ОГИЗ. Соцэкгиз, 1938. – 310 с.
111. Хрущев Н.С. Речь на совещании по вопросам строительства. 14 декабря 1935 г. – Москва, 1935. – С. 20.
112. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Сочинения: в 50 т. Т. 4 / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1955. – С. 322-339.
113. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Сочинения: в 50 т. Т. 20 / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1961. – С. 629-654.
114. Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Сочинения: в 50 т. Т. 18 / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1955. – С. 203-284.
115. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Сочинения: в 50 т. Т. 21 / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1961. – С. 23-178.

Периодическая печать

116. **Архитектура СССР. – Москва : Орган союза советских архитекторов, 1933-1940. – № 1-12.**
117. **Женский журнал. – Москва : Акционерное издательское общество «Огонёк», 1926-1930. – № 1-12.**

118. **Огонёк.** – Москва : Акционерное издательское общество «Огонёк», 1923-1941. – № 1-12.
119. **Работница.** – Москва : Издание отдела по работе среди женщин Центрального комитета российской коммунистической партии, 1923-1941. – № 1-48.
120. **Современная архитектура.** – Москва : Государственное издательство, 1926-1930. – № 1-6.
121. **Строительство Москвы.** – Москва : Издание Московского Совета Раб., Кр. И Кр. Деп. М., 1924-1937. – № 1-12.
122. "Неделя охраны материнства и младенчества" // Работница. – № 6. – 1923. – С. 34-35.
123. 8-е марта // Женский журнал. – № 3. – 1928. – С. 1.
124. Агранова С. Воспитаем молодое поколение в духе ленинизма // Работница. № 25. 1935. С. 2-3.
125. Акимов М. Дадим стране десятки тысяч тракторов. Соберем 20 тысяч вагонов яиц / М. Акимов // Работница. – № 16. – 1930. – С. 18.
126. Алексеева Н. Обед из столовой на дом // Женский журнал. – № 2. – 1930. – С. 23.
127. Антипов П.И., Кочетов А.А. Типы рабочего жилья // За новое жилище. – М., 1930. – С. 107.
128. Анчарова А. Стране нужны рабочие руки. Жены рабочих, вас ждут фабрика и завод! / А. Анчарова // Работница. – № 33. – 1930. – С. 15-16.

129. Анчарова М. 900 тысяч женщин – на производство / А. Анчарова // Работница. – № 36. – 1930. – С. 14-15.
130. Анчарова М. Организуем бытовую кооперацию / М. Анчарова // Работница. – № 13. – 1931. – С. 10.
131. Артамонов М. Из жизни столицы // Огонек. – № 31. – 1923. – С. 7.
132. Артюхина А. За социалистическую переделку быта // Работница. – № 4. – 1930. – С. 1.
133. Архитектура в борьбе за качество // Архитектура СССР. – 1933. – № 2. – С. 3.
134. Аскиназий С.И. Советское жилищное право. – М., 1940. – С. 32-33.
135. Балужева П. Ярцевским ткачихам не хватает яслей // Работница. № 10. 1927. С. 14.
136. Без бытовых пут // Женский журнал. – № 3. – 1929. – С. 3.
137. Беседы по коллективизации быта // Женский журнал. – № 3. – 1930. – С. 22.
138. Блохин В. Отделка и детали // Архитектура СССР. – 1934. – № 6. – С. 28.
139. Богат А. За 3 млн 775 тысяч ясельных коек! // Работница. – № 6. – 1932. – С. 15.
140. Богомолова А. В поход за культуру // Работница. № 40. 1929. С. 15.
141. Быт работниц по их письмам // Работница. – № 1. – 1926. – С. 15.
142. Вальденберг Р. Механизация строительных работ // Архитектура СССР. – 1938. – № 11. – С. 14.

143. Вендеров Б. Второй конкурс Московского Совета Р.К. и К.Д. на проект Дома-Коммуны // Строительство Москвы. – 1926. – № 6. – С. 1.
144. Вендеров Б. Дома для рабочих // Строительство Москвы. – 1926. – № 3. – С. 9.
145. Воблый И. Как оформлять красную столицу // Строительство Москвы. 1931. № 3. С. 34.
146. Вутке О. За новую планировку квартир // Строительство Москвы. 1935. № 1. С. 16.
147. Гальперин М. Нужно улучшить бытовое обслуживание работниц // Работница. – 1929. – № 42. – С. 15.
148. Гинзбург М.Я. Жилище : Опыт пятилетней работы над проблемой жилища / М.Я. Гинзбург. – М. : Госстройиздат, 1934. – 192 с.
149. Гинзбург М.Я. Новые методы архитектурного мышления / М.Я. Гинзбург // Современная архитектура. – 1926. – № 1. – С. 1-4.
150. Гинзбург М.Я. Проблемы типизации жилья в РСФСР - доклад М.Я. Гинзбурга на пленуме СТРОЙКОМА РСФСР / М.Я. Гинзбург // Современная архитектура. – 1929. – № 1. – С. 4-6.
151. Гинзбург М.Я. Новые методы архитектурного мышления / М.Я. Гинзбург // Современная архитектура. – 1926. – № 1. – С. 1-4.
152. Гинзбург М.Я. Проблемы типизации жилья в РСФСР - доклад М.Я. Гинзбурга на пленуме СТРОЙКОМА РСФСР / М.Я. Гинзбург // Современная архитектура. – 1929. – № 1. – С. 4-6.
153. Гинзбург М.Я. Функциональный метод и форма / М.Я. Гинзбург // Современная архитектура. – 1926. – № 4. – С. 89-92.

154. Гинзбург М.Я. Целевая установка в современной архитектуре / М.Я. Гинзбург // Современная архитектура. – 1927. – № 1. – С. 8-10.
155. Гинзбург М.Я. Функциональный метод и форма / М.Я. Гинзбург // Современная архитектура. – 1926. – № 4. – С. 89-92.
156. Гинзбург М.Я. Целевая установка в современной архитектуре / М.Я. Гинзбург // Современная архитектура. – 1927. – № 1. – С. 8-10.
157. Голос работницы // Работница. – № 5. – 1923. – С. 15-16.
158. Горбунова А. Организуем платные детские дома // Работница. – № 33. – 1930. – С. 18.
159. Города-сады // Огонек. – № 3. – 1923. – С. 18-19.
160. Готовимся к всеармейскому совещанию жен командиров Красной армии // Работница. № 27. 1936. С. 14-15.
161. Данилевская М. Общественное питание на службу пятилетке / М. Данилевская // Работница. – № 6. – 1932. – С. 18.
162. Делегатское собрание – лицом к общественному питанию // Работница. № 50-51. 1931. С. 22-23.
163. Дети и родители // Работница. – № 6. – 1926. – С. 14.
164. Детская // Женский журнал. – № 6. – 1927. – С. 3.
165. Детские сады – школа октябрят // Работница. – № 20. – 1926. – С. 23.
166. Джус К. Конкурс на типовые проекты жилых секций // Архитектура СССР. – М., 1938. – № 11. – С. 69.
167. Длугач И. Опыт проектирования жилого комплекса на магистрали // Архитектура СССР. – 1939. – № 8. – С. 37-40.
168. Дождались! // Работница. – № 28. – 1927. – С. 17.

169. Доклад В.И. Межлаука // Совецание по вопросам строительства в ЦК ВКП(б). – М., 1936. – С. 11.
170. Дололова П. Обеспечить нормальное обслуживание рабочих // Работница. № 1. 1932. С. 25.
171. Дом в три дня // Огонек. – № 47. – 1924. – С. 15.
172. Дома-коммуны в Москве // Огонек. – №7. – 1923. – С. 22.
173. Досекин В. Кооперация – друг работницы и крестьянки / В. Досекин // Работница. – № 4. – 1923. – С. 17.
174. Елецкая П.Л. Забота советского государства о здоровье детей // Работница. № 23. 1935. С. 10.
175. Елпидифорова Е. Живем по новому / Е. Елпидифорова // Работница. – № 16. – 1924. – С. 16-17.
176. Еще одно достижение // За новый быт. – № 1. – 1925. – С. 8-9.
177. Жен рабочих – на производство! // Работница. – № 33. – 1930. – С. 14.
178. Женская безработица // Работница. – № 17. – 1930. – С. 12.
179. Женская страда // Работница. – № 10. – С. 17.
180. Жилищный кризис в Москве // Огонек. – № 1. – 1923. – С. 17-18.
181. Жилстроительство – важнейший участок стройфронта // Строительство Москвы. 1931. № 11. С. 1.
182. За здорового ребенка, за культурную семью // Работница. № 10. 1935. С. 8-9.
183. Загадочная картинка // Работница. – № 4. – 1929. – С. 20.
184. Зальцман А. Глубина корпуса и экономика жилищного строительства // Архитектура СССР. – 1939. – № 8. – С. 20-23.

185. Запирайте двери // Женский журнал. – № 7. – 1927. – С. 33.
186. Из душных каморок навстречу социалистическому быту // Женский журнал. – № 3. – 1930. – С. 4-5.
187. Илюшина М. Я голосую за бытовую коммуны / М. Илюшина // Работница. – № 16. – 1931. – С. 5-6.
188. Илюшина М. Я голосую за дом-коммуны / М. Илюшина // Работница. – № 19. – 1931. – С. 4-5.
189. Илюшина М. Я голосую за коммуны / М. Илюшина // Работница. – № 21. – 1931. – С. 5-6.
190. Илюшина М. Я голосую за самодеятельные детсады / М. Илюшина // Работница. – № 18. – 1931. – С. 5-6.
191. Иоффе С. Дома на Большой калужской улице в Москве // Архитектура СССР. – 1939. – № 10. – С. 14.
192. Иоффе С. Отделочные работы // Архитектура СССР. – 1938. – № 11. – С. 16.
193. Ишкова. Поднимем качество марксистско-ленинского образования // Работница. № 11. 1935. С. 2-3.
194. Как живет 2-ая республиканская костромская текстильная фабрика // Работница. – № 4. – 1923. – С. 18-19.
195. Как мы организовали общее питание // Женский журнал. – № 5. – 1928. – С. 20.
196. Как приблизить общественное питание к рабочей семье // Работница. № 11. 1930. С. 15.
197. Как работают жены рабочих – домохозяйки // Работница. – № 18. – 1930. – С. 13.

198. Какая нам нужна комната // Женский журнал. – № 5. – 1927. – С. 37.
199. Каким должен быть «женский журнал» // Женский журнал. – № 1. – 1927. – С. 1.
200. Калинин А. Новый быт и кооперация / А. Калинин // Работница. – № 12. – 1925. – С. 8.
201. Кальма А. Без бытовых пут // Женский журнал. – 1929. – № 3. – С. 3.
202. Каптельцева Н. Делегатские собрания - школа коммунизма / Н. Капцева // Работница. – № 16. – 1924. – С. 4-5.
203. Качурина В. Новые школы – дворцы / В. Качурина // Работница. – № 3. – 1928. – С. 7-10.
204. Кобалевский В.Л. Организация и экономика жилищного хозяйства СССР. – М., 1940. – С. 134.
205. Кобленц И. Жилищное право. – М., 1924. – С. 40.
206. Кожаный П. За здоровое и дешевое питание / П. Кожаный // Работница. – № 11. – 1930. – С. 14-15.
207. Кожаный П. Об общественном питании / П. Кожаный // Работница. – № 10. – 1923. – С. 22.
208. Колли Н. Архитектурный облик столицы // Архитектура СССР. – 1940. – № 4. – С. 7-8.
209. Кооперативная столовая // Женский журнал. – 1929. – № 4. – С. 23.
210. Красин Г. О типах жилых домов в муниципальном строительстве 1927 года // Строительство Москвы. – 1926. – № 10. – С. 13.

211. Крупская Н.К. Воспитание подрастающего поколения в коммунистическом духе - важнейшая задача // Работница. – № 13. – 1935. – С. 4-5.
212. Культурно воспитать детей // Работница. – № 5-6. – 1935. – С. 21.
213. Куропаткова. Церковь под столовую / Куропаткова // Работница. – № 6. – 1925. – С. 13.
214. Лавров В. Теория и практика коммунального жилища (по поводу дома-коммуны РЖСКТ «1-е Замоскворецкое Объединение» Хавский пер.) // Строительство Москвы. – 1929. – № 12. – С. 3-5.
215. Лопатин П. Главная улица молодой столицы // Работница. – № 24. – 1935. – С. 8-9.
216. Лопатин П. Молодость старого города // Работница. – № 23. – 1935. – С. 6-7.
217. Маллори Д. Борьба за новый быт // Огонек. – № 19. – 1924. – С. 11.
218. Маллори Д. У джутовок / Д. Маллоди // Работница. – № 6. – 1925. – С. 12.
219. Маматов П.А. Разборные бараки для рабочих на строительный сезон // Строительство Москвы. – 1926. – № 4. – С. 8-9.
220. Мансветов В. Реальная зарплата должны быть увеличена с помощью и участием домашних хозяек // Женский журнал. – № 4. – 1930. – С. 4.
221. Международный день работницы // Работница. – № 4. – 1923. – С. 2.
222. Микерина Е. Включили в колдоговор // Работница. – № 9. – 1928. – С. 16.

223. Микулина Е. По рабочим столовым // Работница. – № 5. – 1929. – С. 4.
224. Микулина Е. Три кухни // Огонек. – № 47. – 1929. – С. 11-12.
225. Милютин Н. Социалистическая планировка городов и новое жилье // Строительство Москвы. – 1931. – № 6. – С. 3-6.
226. Мойрова В.А. Бомба в старый быт // Огонек. – № 23. – 1928. – С. 7-8.
227. Молотов В.М. О строительстве и задачах строителей. Речь 14 декабря 1935 г. – М., 1935. – С. 22-23.
228. Мостаков А. Московское жилищное строительство // Строительство Москвы. 1930. № 7. С. 25.
229. Мостаков А. Типы московских улиц и силуэт города // Архитектура СССР. – 1940. – № 4. – С. 32.
230. Наказ // Работница. – № 39. – 1927. – С. 17.
231. Наказ делегатке // Работница. – № 10. – 1923. – С. 12.
232. Наумова А. На магнитогорском строительстве / А. Наумова // Работница. – № 8. – 1931. – С. 8-9.
233. Наши дошкольные учреждения не могут обслужить всех детей // Работница. – № 24. – 1926. – С. 29-30.
234. Неева. Фабрики-кухни // Работница. – № 5. – 1929. – С. 7-8.
235. Николаева К. РКП и задачи работниц / К. Николаева // Работница. – № 16. – 1924. – С. 2-3.
236. Нисневич Н. Создание яслей – должно стать делом самого населения // Женский журнал. – № 12. – 1930. – С. 21.

237. Новые достижения НАРПИТ'а // Женский журнал. – № 1. – 1926. – С. 4.
238. Нужна ли работнице организация быта на общественных началах // Работница. – № 2. – 1923. – С. 17.
239. Нюрина Ф. Миллионы – от кухни к станку / Ф. Нюрина // Работница. – № 4. – 1931. – С. 3-4.
240. О старом и новом // Работница. – 1925. – № 3. – С. 13.
241. Организация архитектурной и планировочной работы // Архитектура СССР. – 1933. – № 5. – С. 3.
242. Организация коллективного питания в доме // Женский журнал. – № 10. – 1929. – С. 24.
243. Организовали общественную столовую // Работница. – 1928. – № 15. – С. 16.
244. Организуем общественный сбор грибов и ягод // Работница. – № 20. – 1930. – С. 15.
245. Организуют общественную прачечную // Работница. – 1928. – № 15. – С. 16.
246. Османова. Жены командиров - националки включились в работу // Работница. № 35. 1936. С. 15.
247. Островская Н. Через жилкооперацию к культурному быту // Женский журнал. – № 7. – 1929. – С. 4.
248. От корыта и проруби // Работница. – № 18. – 1928. – С. 14.
249. От проекта к его реализации // Архитектура СССР. – 1933. – № 1. – С. 33.
250. От редакции // Работница. – № 1. – 1923. – С. 1.

251. Откуда они - беспризорные дети? // Работница. – № 5. – 1923. – С. 4-5.
252. Охитович М.А. Заметки по теории расселения // Современная архитектура. – 1930. – № 1-2. – С. 7-15.
253. Охитович М.А. К проблеме города // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 130-134.;
254. Паэгли А. Быт работниц «Цинделевски» / А. Паэгли // Работница. – № 10. – 1925. – С. 10.
255. Первая фабрика-кухня в СССР // Огонек. – № 17. – 1925. – С. 13.
256. Первомайский подарок // Работница. – № 14. – 1938. – С. 10-11.
257. Передача дома Моссоветом рабочим фаб. "Динамо" // Огонек. – № 31. – 1923. – С. 10.
258. План социалистической Москвы // Архитектура СССР. – 1935. – № 8. – С. 1-4.
259. Погодин Н. В московской квартире тесновато... // Огонек. – № 9. – 1927. – С. 9-10.
260. Погодин Н. Пойдемте в советскую чайную! // Огонек. – № 3. – 1928. – С. 11.
261. Помощь беспризорным // Работница. – № 6. – 1926. – С. 17-18.
262. Попов (Сибиряк) Н. Итоги муниципального (рабочего) строительства // Строительство Москвы. – 1925. – № 11. – С. 5.
263. Попов В. Создадим массовый культурный стандарт жилья // Строительство Москвы. 1930. № 11. С. 21.
264. Попова Л. Как мы организовали общее питание // Женский журнал. – 1928. – № 5. – С. 20.

265. Постройки акционерного общества «Московское рабочее жилищное строительство» // Строительство Москвы. – 1924. – № 2. – С. 6.
266. Пятилетка общественного питания // Женский журнал. – № 11. – 1929. – С. 14.
267. Пятнадцатый съезд ВКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988): в 15 т. – Т. 4. 1926-1929. – М., 1984. – С. 263.
268. Работа жен ИТР на Урале // Работница. – № 13. – 1936. – С. 12-13.
269. Работница и жилищное строительство // Работница. – № 3. – 1926. – С. 9-10.
270. Работницы в бытовом походе // Работница. № 21. 1929. С. 14.
271. Работницы улучшают свой быт // Работница. – № 4. – 1923. – С. 19.
272. Работницы, организуйте детплощадки // Работница. – № 11. – 1927. – С. 12-13.
273. Рабочее жилищное строительство // Строительство Москвы. – 1924. – № 1. – С. 6.
274. Рабочее строительство в СССР // Огонек. – № 49. – 1925. – С. 14.
275. Рабочий поселок в Иваново-Вознесенске // Огонек. – № 1. – 1926. – С. 16.
276. Равняйтесь по Глуховке // Работница. – № 9. – 1928. – С. 15.
277. Равняйтесь по работницам Пролетарского района // Работница. № 1. 1932. С. 10.

278. Рудакова И. Казарму сделали уютной // Работница. № 35. 1936. С. 12-13.
279. Сазонова П. Больше самостоятельности в перестройке быта / П. Сазонова // Работница. – № 11. – 1932. – С. 12-13.
280. Сазонова П. В борьбе за культурное и красивое жилище первое место принадлежит домохозяйке-общественнице // Работница. № 5. 1936. С. 17-18.
281. Сазонова П.Г. В поход за красивые и удобные жилища // Работница. № 14-15. С. 6-7.
282. Самый большой дом // Огонек. – № 18. – 1928. – С. 17.
283. Самый чистый и здоровый город мира // Работница. № 25. 1935. С. 12.
284. Санжарь Н. «Прохоровка» / Н. Санжарь // Работница. – № 10. – 1923. – С. 23-24.
285. Светлов А. Коммуна "Пролетарка" // Огонек. – № 52. – 1924. – С. 16.
286. Секрет хорошей столовой // Работница. № 38. 1930. С. 16-17.
287. Семья в СССР // Работница. – № 30. – 1936. – С. 9-10.
288. Сергеева В. В гостях у маленьких коммунаров / В. Сергеева // Работница. – № 3. – 1923. – С. 13-14.
289. Советские фарфорщики. Борьба за просторную жизнь // Огонек. – № 43. – 1925. – С. 13-14.
290. Солдатов С. Река Москва в планировке и архитектуре города // Архитектура СССР. – 1940. – № 4. – С. 26.

291. Соловьева Л. Общественное питание на службу пятилетке / Л. Соловьева // Работница. – № 26. – 1931. – С. 10.
292. Соломонов М. Что дал смотр самодеятельным столовым? // Женский журнал. – № 8. – 1930. – С. 4.
293. Сомов И. Домашние хозяйки – кадры общественного питания // Женский журнал. – № 11. – 1930. – С. 7.
294. Сталинская забота о матери и ребенке // Работница. № 17. 1937. С. 3-4.
295. Сталинская забота о матери и ребенке // Работница. № 17. 1938. С. 10-11.
296. Степанова Н.П. Мы активно участвуем в строительстве детских // Работница. № 33. 1936. С. 3-4.
297. Строящийся Ленинград // Огонек. – № 47. – 1926. – С. 14.
298. Стыдно оставаться вдали от общественной работы // Работница. № 13. 1936. С. 16.
299. Сумели добиться // Работница. – № 22. – 1924. – С. 27.
300. Счастливое детство, счастливая юность // Работница. № 26. 1935. С. 8-9.
301. Тайга отступила // Работница. – № 1. – 1937. – С. 11.
302. Творческие пути советской архитектуры и проблема архитектурного наследия // Архитектура СССР. – 1933. – № 3-4. – С. 22.
303. Терехов К. Наша столовая / К. Терехов // Работница. – № 12. – 1925. – С. 13-14.

304. Тихомиров Л. Строительство г. Коломны и уезда. Жилищно-строительная кооперация и рабочее строительство // Строительство Москвы. – 1926. – № 1. – С. 5.
305. У галошниц // Работница. – № 20. – 1924. – С. 25-27.
306. У работниц Кулебакского завода // Работница. – № 7. – 1925. – С. 11.
307. У работниц Ленских приисков // Работница. – № 19. – 1924. – С. 6.
308. Федорова В. Детские комнаты при клубах // Работница. – № 6. – 1926. – С. 14.
309. Фонарева В. Жена командара // Работница. № 29. 1936. С. 12.
310. Халатов А. Возрождение общественного питания // Огонек. – № 11. – 1923. – С. 13.
311. Холодный Т. Мария Ивановна и другие // Работница. № 20. 1932. С. 8-9.
312. Целосани М. За культурную столовую // Работница. № 26. 1938. С. 11.
313. Чего партия требует от коммунистов в личной жизни // Работница. № 9. 1936. С. 3-4.
314. Челиков. Просим помощи, в долгу не останемся // Работница. – № 40. – 1930. – С. 16-17.
315. Чернышева Е. Жены начальствующего состава Красной армии в борьбе за новый быт // Работница. № 11. 1930. С. 17.
316. Чернышева Е. Как строится новая жизнь // Работница. – № 24. – 1924. – С. 17-18.

317. Чистова А., Морозова П. Конкурс на лучшее воспитание детей // Работница. – № 5-6. – 1935. – С. 17-20.
318. Шестакова Е. 8-е марта // Женский журнал. – № 3. – 1929. – С. 2.
319. Шукаева. Ясли в коммуне // Работница. – № 33. – 1930. – С. 18.
320. Юнпроф М. У ярцевских текстильщиц // Работница. – № 12. – 1925. – С. 12.
321. Ясли – родное детище работницы // Работница. – № 6. – 1926. – С. 14.
322. Ясли на "Балашихе" // Работница. – № 6. – 1923. – С. 15.

2. ЛИТЕРАТУРА

323. Алибекова Г.Х. Социальные причины сохранения остатков фактического неравенства женщин в быту при социализме и пути их преодоления : автореферат дис. ... канд. философ. наук / Г.Х. Алибекова. – Махачкала, 1972. – 25 с.
324. Балахнина М.В. Социально-бытовое положение женщин-работниц Западной Сибири, 1921-1929 гг. : дис. ... канд. ист. наук / М.В. Балахнина. – Новосибирск, 1997. – 200 с.
325. Баранов К. Быт спецпоселенцев в 30-40-е гг. как фрагмент истории советской повседневности / К. Баранов // Опыт историко-антропологических исследований. 2004. Сборник научных работ студентов и аспирантов. – Москва : ЭКОН-ИНФОРМ, 2003. – С. 216-220.
326. Барщ М.О., Зундблат Г.А. Архитектура жилья // Архитектура СССР. – 1934. – № 6. – С. 15-19.
327. Барышева Е.В. Повседневный абсурд, или Абсурд повседневности и политическая рациональность 1920-1930-х гг. / Е.В. Барышева // Вестник РГГУ: Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». – 2014. – № 1 (123). – С. 57-65.
328. Барышева Е.В. Идеи «автоматизации» и развития гармоничной личности в СССР // IV Гастевские чтения. – Москва, 2022. – С. 12-17.
329. Барышева Е.В. Советские государственные праздники как коммуникативный проект власти и общества // История российской государственности. – Москва, 2021. – С. 394-399.

330. Барышева Е.В. «Новая женщина» в контексте советской праздничной культуры 1920-1930-х гг. // Вестник архивиста. – № 3. – Москва, 2019. – С. 887-899.
331. Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР / В.Л. Бильшай. – Москва : Госполитиздат, 1959. – 264 с.
332. Борьба партии за социалистический быт (1921-1937 гг.) : Сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ин-т им. А.С. Серафимовича / Редкол.: А.И. Бухарев. – Волгоград : ВГПИ, 1985. – 128 с.
333. Бравая Р.М. Охрана материнства и младенчества на Западе и в СССР : исторический очерк / Р.М. Бравая. – Москва : Государственное медицинское издательство, 1929. – 259 с.
334. Вожева Л.Б. Деятельность партийных организаций Урала по улучшению жилищно-бытовых условий рабочего класса в годы второй пятилетки / Л.Б. Вожева // Борьба партии за социалистический быт (1921-1937 гг.). : Сб. науч. тр. – Волгоград : ВГПИ, 1985. – С. 14-29.
335. Волчо Е.В. Городские женщины Западной Сибири в 1930-е годы : дис. ... канд. ист. наук / Е.В. Волчо. – Новосибирск, 2008. – 217 с.
336. Вольфсон С.Я. Семья и брак в их историческом развитии / С.Я. Вольфсон. – Москва : Соцэкгиз, 1937. – 245 с.
337. Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 12. Кн. 1 : Архитектура СССР / Под ред. Н.В. Барabanова, Н.П. Былинкина, А.В. Иконникова [и др.]. – Москва : Стройиздат, 1975. – 783 с.
338. Гаврилкина М.П. Общее и особенное в решении женского вопроса в СССР / М.П. Гаврилкина. – Москва, 1974. – 26 с.
339. Галкова О.В. Производственные и бытовые коммуны рабочей молодежи (1926-1932 гг.) / О.В. Галкова // Борьба партии за

- социалистический быт (1921-1937 гг.). : Сб. науч. тр. – Волгоград : ВГПИ, 1985. – С. 111-124.
340. Гордон Л., Клопов В., Груздева Е. Этапы жизненного цикла и быт работающей женщины. XII Международный семинар по исследованию семьи // Л. Гордон, В. Клопов, Е. Груздева. – Москва, 1972. – 14 с.
341. Градскова Ю.В. Конструирование гендерных различий в контексте советского культурного эксперимента 1920-х годов / Ю.В. Градскова // Женщины в Истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Вып. 2. – Минск : БГПУ, 2002. – С. 252.
342. Груздева Е.Б., Чертихина Э.С. Труд и быт советских женщин / Е.Б. Груздева, Э.С. Чертихина. – Москва : Политиздат, 1983. – 220 с.
343. Давыдов Д.В. «Комсомолки краситься и пудриться не должны!» : Особенности борьбы за «новый быт» в 1920-е годы / Д.В. Давыдов // Родина: Исторический научно-популярный журнал. – № 5 (Май), 2016. – С. 117-119.
344. Ельникова Г.А. Духовные и социокультурные основания Российского феминизма : автореф. дис. на соиск. уч. степени. док. социолог. наук / Г.А. Ельникова. – Белгород, 2004. – 41 с.
345. Ерёмин И.В. Быт и поведение командира Красной армии в 1930-е годы / И.В. Ерёмин // Российский научный журнал. История, педагогика, психология, философия, право. – № 3 (34). – Рязань, 2013. – С. 59-64.
346. Жданко А. Этнографическое исследование культуры и быта колхозного крестьянства СССР / А. Жданко // Acta ethnographica: academiae scientiarum hungaricae / Gy. Ortutay. – Budapest : Magyar Tudomanyos Akademia, 1956. – P. 211-224.

347. Женщина страны социализма. – Сталинград : Обл. кн-во., 1938. – 40 с.
348. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Советский этакратический гендерный порядок / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / Под ред. Н.Л. Пушкаревой. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – С. 436-463.
349. Иконников А.В. Архитектура Москвы. XX век / А.В. Иконников. – Москва : Московский рабочий, 1984. – 222 с. : ил.
350. Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура / А.В. Иконников. – Москва : Архитектура-С, 2004. – 399 с. : ил.
351. Исаев В.И. Быт рабочих Сибири в начальный период реконструкции народного хозяйства. 1926-1932 гг. (Условия и тенденции становления социалистического образа жизни) : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук / В.И. Исаев. – Новосибирск, 1981. – 19 с.
352. История советской архитектуры, 1917-1954 гг. / Н.П. Былинкин, В.Н. Калмыкова, А.В. Рябушин [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Стройиздат, 1985. – 256 с.
353. Кабалевский В.Л. Организация и экономика жилищного хозяйства СССР / В.Л. Кабалевский. – Москва : Наркомхоз РСФСР, 1940. – 248 с.
354. Кавалеров А.И. Быт развитого социализма: сущность и основные черты / А.И. Кавалеров. – Львов : Изд-во при Львов. ун-те, 1985. – 145 с.

355. Карасева Л.Е. Советские женщины в борьбе за построение коммунизма / Л.Е. Карасева. – Москва, 1954. – 84 с.
356. Карпова Г.Г., Ярская-Смирнова Е.Р. Гендерная идеология и социальная политика в официальном дискурсе международного женского дня 1920-2001 годы / Г.Г. Карпова, Е.Р. Ярская-Смирнова // Женщины в Истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Вып. 2. – Минск : БГПУ, 2002. – С. 261-289.
357. Квон Ки Сук. Социально-философский анализ проблемы равенства полов и положения женщины в семье и в обществе (на примере России) : автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. филос. наук / Ки Сук Квон. – Москва, 2002. – 27 с.
358. Кириллов В.В. Путь поиска и эксперимента / В.В. Кириллов. – Москва : Издательство Московского университета, 1974. – 223 с.
359. Ковалев К.Н. Историческое развитие быта женщины, брака и семьи / К.Н. Ковалев. – Москва : Прометей, 1931. – 184 с.
360. Коржихина Т.П. Из истории борьбы советских государственных и общественных организаций за новый быт в 20-е годы / Т.П. Коржихина // Из истории партийно-государственного руководства культурным строительством в СССР : сборник статей. – Москва : Институт истории СССР АН СССР, 1983. – С. 126-146.
361. Косенкова Ю.Л. Управление застройкой городов в первые послереволюционные годы // Архитектурное наследие / Отв. ред. И.А. Бондаренко. – Москва : КомКнига, 2008. – Вып. 49. – С. 291-300.
362. Косенкова Ю.Л. Трансформации гипотетической модели человека в градостроительстве советского периода // Петербургский исторический журнал. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2022. – № 4 (36). – С. 72-89.

363. Косенкова Ю.Л. Наркомат коммунального хозяйства РСФСР в системе управления градостроительством 1930-х годов: черты преемственности // АСADEMIA. Архитектура и строительство. – Москва : Российская академия архитектуры и строительных наук, 2022. – № 4. – С. 91-98.
364. Косенкова Ю.Л. Большая управленческая триада в советском градостроительстве 1930-х годов: между порядком и хаосом // Архитектурное наследство. Москва : Издательский дом "Коло", 2022. – № 76. – С. 231-242.
365. Костюрина Н.Ю. Досуг и быт нового советского города 1930-х годов: проекты и действительность / Н.Ю. Костюрина // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – № 3 (127). – Владивосток : Издательство «Дальнаука» ДВО РАН, 2006. – С. 148-155.
366. Крупянская В.Ю. Некоторые соображения по поводу этнографического изучения рабочих / В.Ю. Крупянская // Acta ethnographica: academiae scientiarum hungaricae / Gy. Ortutay. – Budapest : Magyar Tudományok Akademia, 1956. – P. 317-330.
367. Кулик В.Н. Женщина и революционные события 1917 года: некоторые уроки для современной России / В.Н. Кулик // Женщины с социальной истории России. Сборник научных трудов. – Тверь : Universitet, 1997. – С. 81-85.
368. Куликова Д.Н. Социальные проблемы женщин Западной Сибири и пути их решения : 1921-1925 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Д.Н. Куликова. – Барнаул, 2004. – 154 с.
369. Куренкова Ю.О. Участие женщин Южного Урала в Советском строительстве в 1920-е годы / Ю.О. Куренкова // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. статей. Вып. 1. Часть 2. Актуальные

- проблемы краеведения. – Челябинск : Совет Урал. Бирюк. чтения, 2003. – С. 121-127.
370. Кюхер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928-1941 / К. Кюхер. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2012. – 350 с.
371. Лагутин Н.С., Сергеева Г.П. Социально-экономическое положение женщин в СССР // Н.С. Лагутин, Г.П. Сергеева. – Москва : Знание, 1975. – 39 с.
372. Ладыкина Т.А. Утопия феминистского Города-солнца (взгляд феминизма на идеально устроенное общество) / Т.А. Ладыкина // Философский век. Альманах. Вып. 12. Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. – С. 217-226.
373. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930 годы / Н.Б. Лебина. – Санкт-Петербург : Журнал «Нева»; Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999. – 320 с.
374. Лысакова А.С. Ликвидация остатков неравенства женщины в быту в процессе коммунистического строительства в СССР : автореферат дис. ... канд. философ. наук / А.С. Лысакова. – Москва, 1966. – 18 с.
375. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / А. Людтке // Социальная история. Ежегодник. 1998/99 / Отв.ред. К.М. Андерсон, Л.И. Бородкин. – Москва : РОССПЭН, 1999. – С. 77.
376. Макаров А.Н. «Такому человек нужен телефон»: Быт рабочих Магнитогорска в фотохронике 1930 - х годов / А.Н. Макаров // Родина: Российский исторический журнал. – № 11 (Ноябрь) 2011. – С. 108-111.

377. Мандалян Т. Вопросы экономики и техники нашего строительства / Т. Мандалян. – Москва, 1932. – 88 с.
378. Маслова Г.С. Селения и постройки колхозов Московской области (по материалам экспедиции 1950 г.) / Г.С. Маслова // Советская этнография. № 2. – Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1951. – С. 42-72.
379. Меерович М.Г. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку / М.Г. Меерович. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 352 с.
380. Меерович М.Г. Как власть народ к труду приучала: Жилище в СССР – средство управления людьми. 1917-1941 гг. / М.Г. Меерович. – Stuttgart : Ibidem-Verlag, 2005. – 138 с.
381. Меерович М.Г. Квадратные метры, определяющие сознание: государственная жилищная политика в СССР. 1921-1941 гг. / М.Г. Меерович. – Stuttgart : Ibidem-Verlag, 2005. – 210 с.
382. Меерович М.Г. Рабочие поселки-сады в послереволюционной России // Архитектурное наследие / Отв. ред. И.А. Бондаренко. – Москва : КомКнига, 2008. – Вып. 49. – С. 301-311.
383. Меерович М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924-1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты) / М.Г. Меерович. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2004. – 274 с. : ил., табл.
384. Меерович М.Г., Конышева Е.В., Хмельницкий Д.С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928-1932 гг.) / М.Г. Меерович, Е.В. Конышева, Д.С. Хмельницкий. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 268 с.

385. Минаева О.Д. Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920-1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ / О.Д. Минаева. – Москва : МедиаМир, 2015. – 232 с.
386. Мирошниченко М.И. «Старому быту гроб, даешь физкультуру и спорт!»: физкультурницы и спортсменки Урала во второй половине 1920 - х гг. / М.И. Мирошниченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: Научно-теоретический и прикладной журнал. – № 1 (39): в 2-х ч. – Ч. 1. – Москва : Грамота, 2014. – С. 153-154.
387. Наши женщины : Рассказы о работницах города Ленина. – Ленинград : Лениблиздат, 1938. – 216 с.
388. Нефагина Г.Л. Быт художественной интеллигенции Петрограда в 1920-е годы / Г.Л. Нефагина // Феномены повседневности: гуманитарные исследования. Философия. Культурология. История. Филология. Искусствоведение: Материалы междунар. науч. конф. «Пушкинские чтения – 2005». Санкт-Петербург 6-7 июня 2005 года. / Ред.-сост. И.А. Манкевич. – Санкт-Петербург : Астерион, 2005. – С. 220-227.
389. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. – Москва, 2008. – С. 230.
390. Орлов И.Б. «Коммунальная страна»: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941 гг.). – Москва : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. – 344 с.

391. Орлов И.Б. Советское жилищное хозяйство в 1920-1930-е гг.: между классовой линией и самокупаемостью // Современные проблемы сервиса и туризма. – Пушкино : Российский государственный университет туризма и сервиса, 2014. – Т. 8. № 2. – С. 78-85.
392. Папина О.В. Роль женщин в социальном и культурном развитии Хакасии 1923-1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук / О.В. Папина. – Абакан, 2008. – 179 с.
393. Пастущин В.Ю. Быт рабочих Бориславского нефтяного района (1815-1953 годы) : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук / В.Ю. Пастущин. – Киев, 1954. – 13 с.
394. Перчик Л. Жилищный вопрос при капитализме и социализме / Л. Перчик. – 2-е доп. изд-е. – Ленинград : Соцэкгиз, 1934. – 126 с.
395. Полетаев В.Е. Жилищное строительство в Москве в 1931-1934 гг. / В.Е. Полетаев // Исторические записки. – 1960. – Вып. 66. – С. 3-19.
396. Полякова У.М. Историко-бытовые экспедиции Государственного исторического музея в 1958 г. / У.М. Полякова // Советская этнография. – № 4. – Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1952. – С. 116-123.
397. Привалова Т.В. Быт российской деревни 60-е годы XIX – 20-е годы XX в. / Т.В. Привалова. – Москва : Российская академия наук. Институт российской истории, 2000. – 199 с.
398. Пушкарева Л.П. Сопровождение авторского коллектива по темам «Семья и семейный быт колхозного крестьянства народов СССР» / Л.П. Пушкарева // Советская этнография. – № 1. – Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1955. – С. 173-175.

399. Пушкарева Н.Л. Феминизм в России / Н.Л. Пушкарева // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – № 5. – Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2003. – С. 167-188.
400. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе / Н.Л. Пушкарева, С.В. Любичанковский // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – № 1. – Т. 4. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 9.
401. Пшенко К.А. Борьба коммунистической партии за утверждение черт социалистического образа жизни у студенчества в сфере быта (1926-1932 гг.) / К.А. Пшенко // Борьба партии за социалистический быт (1921-1937 гг.). : Сб. науч. тр. – Волгоград : ВГПИ, 1985. – С. 102-110.
402. Резник А. Быт или не быт? Лев Троцкий, политика и культура в 1920-е годы / А. Резник // Неприкосновенный запас : дебаты о политике и культуре. - № 4 (090). – Москва : Новое литературное обозрение, 2013. – С. 88-106.
403. Робакидзе А.И. К некоторым спорным вопросам этнографического изучения нового быта / А.И. Робакидзе // Советская этнография. – № 2. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1952. – С. 129-137.
404. Рогожкин Д.А. Бытовые изменения в жизни губернского города в период НЭПа (по материалам Рязани) / Д.А. Рогожкин // Российский научный журнал. История, педагогика, психология, философия, право. – № 3 (34). – Рязань, 2013. – С. 54-58.
405. Рольф М. Советские массовые праздники / М. Рольф. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 439 с.

406. Рябушин А.В., Шишкина И.В. Советская архитектура / А.В. Рябушин, И.В. Шишкина. – Москва : Стройиздат, 1984. – 216 с. : ил.
407. Рязанское село Кораблино (история, экономика, быт, культура, люди села) / Отв. ред. В.И. Селиванов // Ученые записки. Т. XVIII. – Рязань : Рязанский государственный педагогический институт, 1957. – 437 с.
408. Село Вирятино в прошлом и настоящем : опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1958. – 278 с.
409. Сеницын В.Г. Быт эпохи строительства коммунизма / В.Г. Сеницын. – Челябинск : Челябинское книжное изд-во, 1963. – 260 с.
410. Сидорчук И.В., Ульянова С.Б. «Семью рабочего – в клуб»: организация свободного времени семейных рабочих в контексте советской досуговой политики 1920-х – первой половины 1930-х гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – Т. 10. – № 4 (40). – Омск, 2023. – С. 24-30.
411. Сидорчук И.В., Ульянова С.Б. Обеденный перерыв в системе трудовых отношений на советских предприятиях в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – № 3 (96). – Орел, 2022. – С. 79-82.
412. Скорнякова С.С. Феминизм и марксизм: два подхода к решению «женского вопроса» / С.С. Скорнякова // Феминизм и российская культура: Сборник трудов. – Санкт-Петербург : Международный институт «Женщина и управление», 1995. – С. 60-66.
413. Сохань И.В. «Долой кухонное рабство!»: к вопросу о гендерных трансформациях структур быта в Советской России 1920-х гг. / И.В.

- Сохань // Женщина в российском обществе: Российский научный журнал. – N. 4 (61) / 2011. – Иваново, 2011. – С. 88 - 95.
414. Тарасюк А.Я. Быт советских женщин как показатель традиций и нововведений повседневной жизни в первое послереволюционное десятилетие (на материалах Зауралья) // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. статей / Науч. ред. проф. С.С. Загребин. – Вып. 2. Из истории Южного Урала и российских регионов. – Челябинск : Совет Уральских Бирюковских чтений, 2004. – С. 266-271.
415. Тарасюк А.Я. Общественно-политическая сфера реализации основных направлений женской инициативы (на материалах Тюменского края). 1917-1930 / А.Я. Тарасюк // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. статей. Вып. 1. Часть 2. Актуальные проблемы краеведения. – Челябинск : Совет Урал. Бирюк. чтения, 2003. – С. 115-121.
416. Титова В.И. Бытовые условия жизни Владимирской интеллигенции в 20 гг. XX века / В.И. Титова // Известные и неизвестные события и имена в истории и культуре Владимирской земли : Материалы областной краеведческой конференции 18 апреля 2003 г. / Владимирский фонд культуры; Владимирское областное общество краеведов; ГУ «Владимирская областная научная библиотека». – Владимир, 2003. – С. 143-147.
417. Тишкин Г.А. Женский вопрос в истории России / Г.А. Тишкин // Феминизм и российская культура: Сборник трудов. – Санкт-Петербург : Международный институт «Женщина и управление», 1995. – С. 138-167.
418. Ткаченко В.М. Ликвидация остатков неравного положения женщин в быту – закономерный процесс строительства коммунизма :

- автореферат дис. ... канд. философ. наук / В.М. Ткаченко. – Минск, 1966. – 22 с.
419. Ткаченко В.М. Опыт решения женского вопроса в СССР / В.М. Ткаченко. – Минск : Знание, 1975. – 20 с.
420. Токарев С.А. Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии / С.А. Токарев // Советская этнография. – № 2. – Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1951. – С. 160-178.
421. Троцкий Л.Д. Преданная революция / Л.Д. Троцкий. – Москва, 1991. – 256 с.
422. Успенская В.И. Суфражизм в истории феминизма и русские феминистки / В.И. Успенская // Женщины с социальной истории России. Сборник научных трудов. – Тверь : Universitet, 1997. – С. 70-80.
423. Фролова Г.И. Деятельность партийных организаций Нижнего Поволжья по вовлечению женщин в борьбу за Новый быт в годы первых пятилеток / Г.И. Фролова // Борьба партии за социалистический быт (1921-1937 гг.). : Сб. науч. тр. – Волгоград : ВГПИ, 1985. – С. 44-56.
424. Хабибрахманова О.А. Жилищный передел: проблемы жилья и научная интеллигенция Татарстана 1920-1930-х гг. / О.А. Хабибрахманова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 17., № 3. – Самара : Издательство Самарского научного центра РАН, 2015. – С. 100-103.
425. Хазанова В.Э. Из истории советской архитектуры первых послереволюционных лет : Гражданская архитектура РСФСР 1917-1925 гг. : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Москва, 1965. – 22 с.

426. Хазанова В.Э. Концепции социалистического города в свете ленинских идей // Ленинское идейное наследие и культура эпохи развитого социализма. – Москва, 1981. – С. 122-133.
427. Хазанова В.Э. Опыт изучения истории советской архитектуры 1917-1932 гг. : научный доклад на соискание ученой степени доктора искусствоведения / В.Э. Хазанова. – Москва : [б. и.], 1996. – 80 с.
428. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки / В.Э. Хазанова. – Москва : Наука, 1980. – 364 с.
429. Хазанова В.Э. Советская архитектура первых лет Октября. 1917-1925 гг. / В.Э. Хазанова. – Москва : Наука, 1970. – 214 с.
430. Хан-Магомедов С.О. Архитектор Константин Мельников (Пионеры советской архитектуры) / С.О. Хан-Магомедов. – Москва : Знание, 1981. – 48 с.
431. Хан-Магомедов С.О. Архитектура и утопия // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1996. – № 2. – С. 164-170.
432. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. // Кн. 2: Социальные проблемы / С.О. Хан-Магомедов. – Москва : Стройиздат, 2001. – 712 с. : ил.
433. Хан-Магомедов С.О. ВХУТЕМАС-ВХУТЕИН / С.О. Хан-Магомедов. – Москва : Знание, 1990. – 62 с.
434. Хан-Магомедов С.О. Илья Голосов / С.О. Хан-Магомедов. – Москва : Стройиздат, 1988. – 232 с.
435. Хан-Магомедов С.О. Кривоарбатский переулок 10 / С.О. Хан-Магомедов. – Москва : Московский рабочий, 1984. – 61 с.

436. Хан-Магомедов С.О. М.Я. Гинзбург / С.О. Хан-Магомедов. – Москва : Стройиздат, 1972. – 184 с.
437. Хан-Магомедов С.О. Николай Ладовский (Пионеры советской архитектуры) / С.О. Хан-Магомедов. – Москва : Знание, 1984. – 64 с.
438. Хан-Магомедов С.О. Пионеры советского дизайна / С.О. Хан-Магомедов. – Москва : Галарт, 1995. – 423 с.
439. Хан-Магомедов С.О. Творческие течения, концепции и организации советского авангарда / С.О. Хан-Магомедов. – Москва : Архитектура, 1997. – 325 с.
440. Хигер Р.Я. Пути архитектурной мысли / Р.Я. Хигер. – Москва : Государственное Издательство Изобразительных Искусств, 1933. – 143 с.
441. Хлевнюк О.В. О роли партийно-государственного руководства в переустройстве быта на социалистических началах в годы первой пятилетки / О.В. Хлевнюк // Из истории партийно-государственного руководства культурным строительством в СССР : сборник статей. – Москва : Институт истории СССР АН СССР, 1983. – С. 147-158.
442. Хмельницкий Д. Николай Милютин в истории советской архитектуры // Николай Милютин / Хмельницкий Д., Милютина Е. – Москва, 2013. – С. 5-291.
443. Цепилова В.И. Деятельность партийных организаций по укреплению материальных предпосылок социалистического быта рабочих Урала (1928-1932 гг.) / В.И. Цепилова // Борьба партии за социалистический быт (1921-1937 гг.). : Сб. науч. тр. – Волгоград : ВГПИ, 1985. – С. 3-14.

444. Чвикалов И.М. Некоторые аспекты деятельности коммунистической партии по улучшению быта колхозного крестьянства в годы второй пятилетки / И.М. Чвикалов // Борьба партии за социалистический быт (1921-1937 гг.). : Сб. науч. тр. – Волгоград : ВГПИ, 1985. – С. 29-44.
445. Чижикова Л. Совецание авторского коллектива по теме «Современное жилище колхозного крестьянства народов СССР» / Л. Чижикова // Советская этнография. 1955. – № 1. – С. 175-177.
446. Чикалова И.Р. И. Арманд и А. Коллонтай: феминизм, коммунизм и женский вопрос в послереволюционной России / И.Р. Чикалова // Женщины в Истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Вып. 2. – Минск : БГПУ, 2002. – С. 241-250.
447. Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937) / П.М. Чирков. – Москва : Мысль, 1978. – 255 с.
448. Чистиков А.Н. «Остров» Смольный (жизнь и быт петроградской бюрократии в 1918 - 1920 гг.) / А.Н. Чистиков // История Петербурга. – № 3. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 72-76.
449. Чистякова И.К. Картинки труда и быта рабочих фабрики «Пионер» в г. Владимире / И.К. Чистякова // Известные и неизвестные события и имена в истории и культуре Владимирской земли : Материалы областной краеведческой конференции 18 апреля 2003 г. / Владимирский фонд культуры; Владимирское областное общество краеведов; ГУ «Владимирская областная научная библиотека». – Владимир, 2003. – С. 121-126.
450. Чумакова Т.Е. Труд и быт женщин (социально-правовые аспекты) / Т.Е. Чумакова. – Минск : Наука и техника, 1978. – 152 с.

451. Шевцова О.Н. Социальные проблемы женщин Западной Сибири и пути их решения, 1926-1929 гг. : дис. ... канд. ист. наук / О.Н. Шевцова. – Кемерово, 1999. – 145 с.
452. Шильников А.С. Советская историческая литература о деятельности коммунистической партии по изменению социального положения трудящихся женщин (1921-1933 гг.) // Партийное руководство государственным и общественным организациям Сибири / А.С. Шильников. – Томск, 1980. – С. 49-55.
453. Шмелев С.А. Красное «комсомольское рождество» и проблема формирования нового быта в начале 1920-х гг. / С.А. Шмелев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 17., № 3. – Самара : Издательство Самарского научного центра РАН, 2015. – С. 92-99.
454. Buckley M. Women and ideology in the Soviet Union / Mary Buckley. – Michigan : The University of Michigan Press, 1989. – 288 p.
455. Gasiorowska X. Women in Soviet fiction, 1917-1964 / Xenia Gasiorowska. – Madison : University of Wisconsin Press; First Edition edition, 1968. – 288 p.
456. Koenker D.P. Men against Women on the Shop Floor in Early Soviet Russia: Gender and Class in the Socialist Workplace / Diane P. Koenker // The American Historical Review. – Vol. 100, No. 5 (Dec., 1995). – Oxford : Oxford University Press. – p. 1438-1464.
457. Mandel W.M. Soviet women / William M. Mandel. – New York : Anchor Books, 1975. – 349 p.
458. Stites R. The women's liberation movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860-1930 / Richard Stites. – Princeton : Princeton University Press, 1978. – 464 p.

459. Wendy Z.G. *Women, the State and revolution: Soviet family policy and social life, 1917-1936* / Wendy Z. Goldman. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – 351 p.

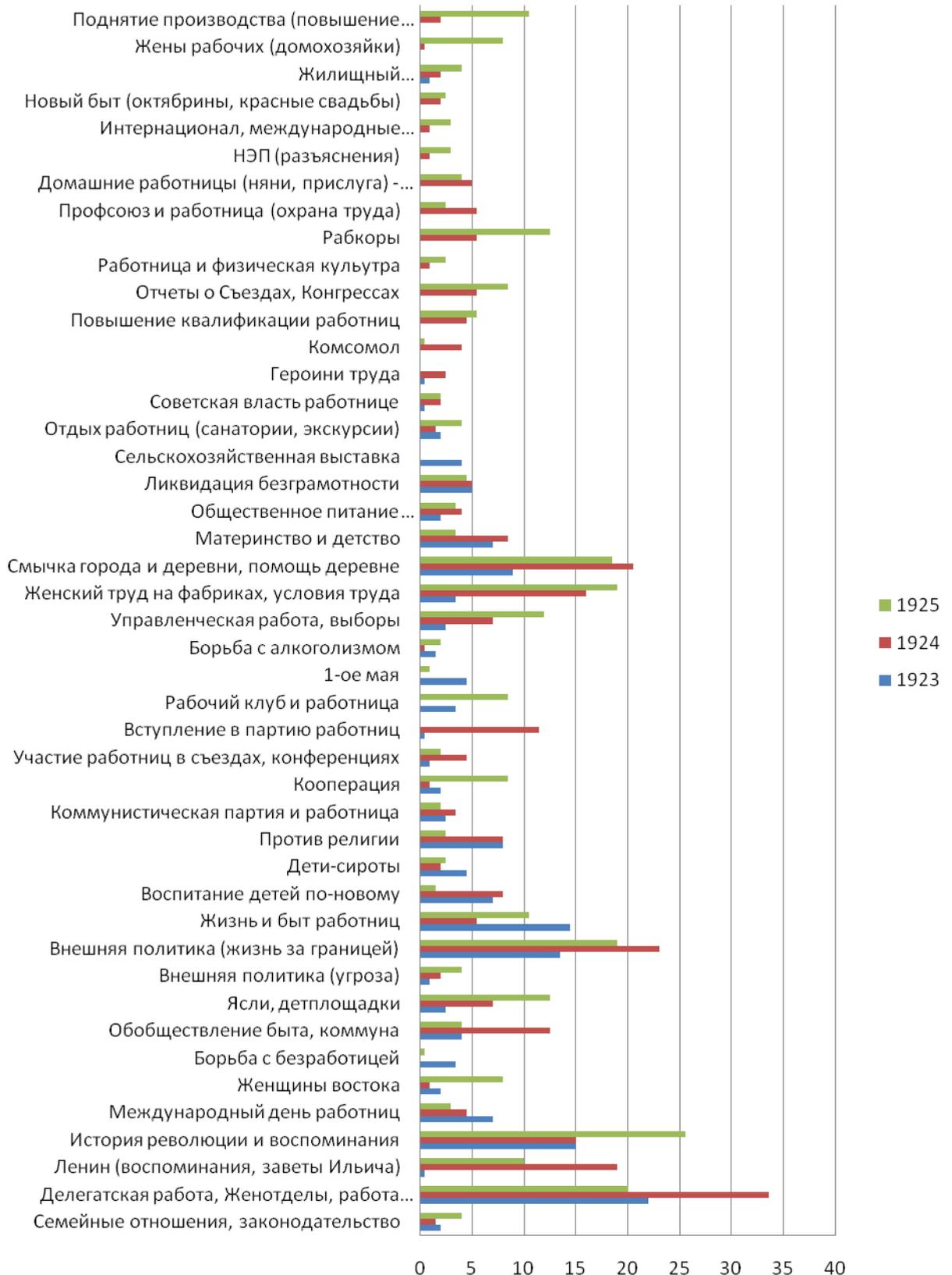
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица 1. Тематический анализ журнала «Работница» за 1923-1925 гг.			
	1923	1924	1925
Семейные отношения, законодательство	2	1,5	4
Делегатская работа, Женотделы, работа среди женщин	22	33,5	20
Ленин (воспоминания, заветы Ильича)	0,5	19	10
История революции и воспоминания	15	15	25,5
Международный день работниц	7	4,5	3
Женщины востока	2	1	8
Борьба с безработицей	3,5		0,5
Обобществление быта, коммуна	4	12,5	4
Ясли, детплощадки	2,5	7	12,5
Внешняя политика (угроза)	1	2	4
Внешняя политика (жизнь за границей)	13,5	23	19
Жизнь и быт работниц	14,5	5,5	10,5
Воспитание детей по-новому	7	8	1,5
Дети-сироты	4,5	2	2,5
Против религии	8	8	2,5
Коммунистическая партия и работница	2,5	3,5	2
Кооперация	2	1	8,5
Участие работниц в съездах, конференциях	1	4,5	2
Вступление в партию работниц	0,5	11,5	
Рабочий клуб и работница	3,5		8,5
1-ое мая	4,5		1
Борьба с алкоголизмом	1,5	0,5	2

Управленческая работа, выборы	2,5	7	12
Женский труд на фабриках, условия труда	3,5	16	19
Смычка города и деревни, помощь деревне	9	20,5	18,5
Материнство и детство	7	8,5	3,5
Общественное питание (организация, контроль)	2	4	3,5
Ликвидация безграмотности	5	5	4,5
Сельскохозяйственная выставка	4		
Отдых работниц (санатории, экскурсии)	2	1,5	4
Советская власть работнице	0,5	2	2
Героини труда	0,5	2,5	
Комсомол		4	0,5
Повышение квалификации работниц		4,5	5,5
Отчеты о Съездах, Конгрессах		5,5	8,5
Работница и физическая культура		1	2,5
Рабкоры		5,5	12,5
Профсоюз и работница (охрана труда)		5,5	2,5
Домашние работницы (няни, прислуга) - эксплуатация		5	4
НЭП (разъяснения)		1	3
Интернационал, международные связи, Коминтерн		1	3
Новый быт (октябрины, красные свадьбы)		2	2,5
Жилищный вопрос, кооперация, строительство	1	2	4
Жены рабочих (домохозяйки)		0,5	8
Поднятие производства (повышение выработки)		2	10,5

**Диаграмма 1. Тематический анализ журнала
"Работница" за 1923-1925 гг.**

Представленные в Таблице 1 и Диаграмме 1 данные были выявлены на основе тематического анализа контента журнала «Работница» в период между 1923-1925 гг. по всем 59 выпускам журнала, вышедшим за указанный период. Из анализа были исключены рассказы и стихотворения, такие разделы как «Наука», «Справочный отдел», «Литературные пробеги», «Малым детям», «Страничка Крокодила», «Почтовый ящик», «Охрана здоровья» и другие схожие специальные разделы.

Сообщения, публиковавшиеся в журнале, были разделены на две категории: «статьи» и «заметки» (в анализе «статьи» учитывались с коэффициентом 1, а «заметки» с коэффициентом 0,5), категории определялись не по принципу объема сообщения, а по смысловой законченности. Сообщения с мест, отчеты работниц о проделанной работе учитывались с коэффициентом 0,5.

После проведения тематического анализа из сводной таблицы были исключены темы, совокупное упоминание которых за период между 1923-1925 гг. не превышало 3. Таким образом, были исключены следующие темы: «Решение хозяйственных проблем», «Интернационал», «Налоги», «Социальное обеспечение», «Союз Советских социалистических республик», «Школа (помощь)», «Национальный вопрос», «Фашизм», «Красная Армия», «Преодоление предрассудков», «Борьба с проституцией», «Борьба с нэпманом», «Промыслы, кустарная промышленность», «Улучшение условий труда», «Облигации выигрышного займа, золотой заем, сберегательная книжка», «Празднование Октябрьской революции», «Мода», «Конкуренция мужчин и женщин (в труде)», «Уход за кожей, лицом», «Противостояние города и деревни» и др. Результаты тематического анализа контента журнала «Работница» за 1923-1925 гг. представлены в Таблице 1 и Диаграмме 1.

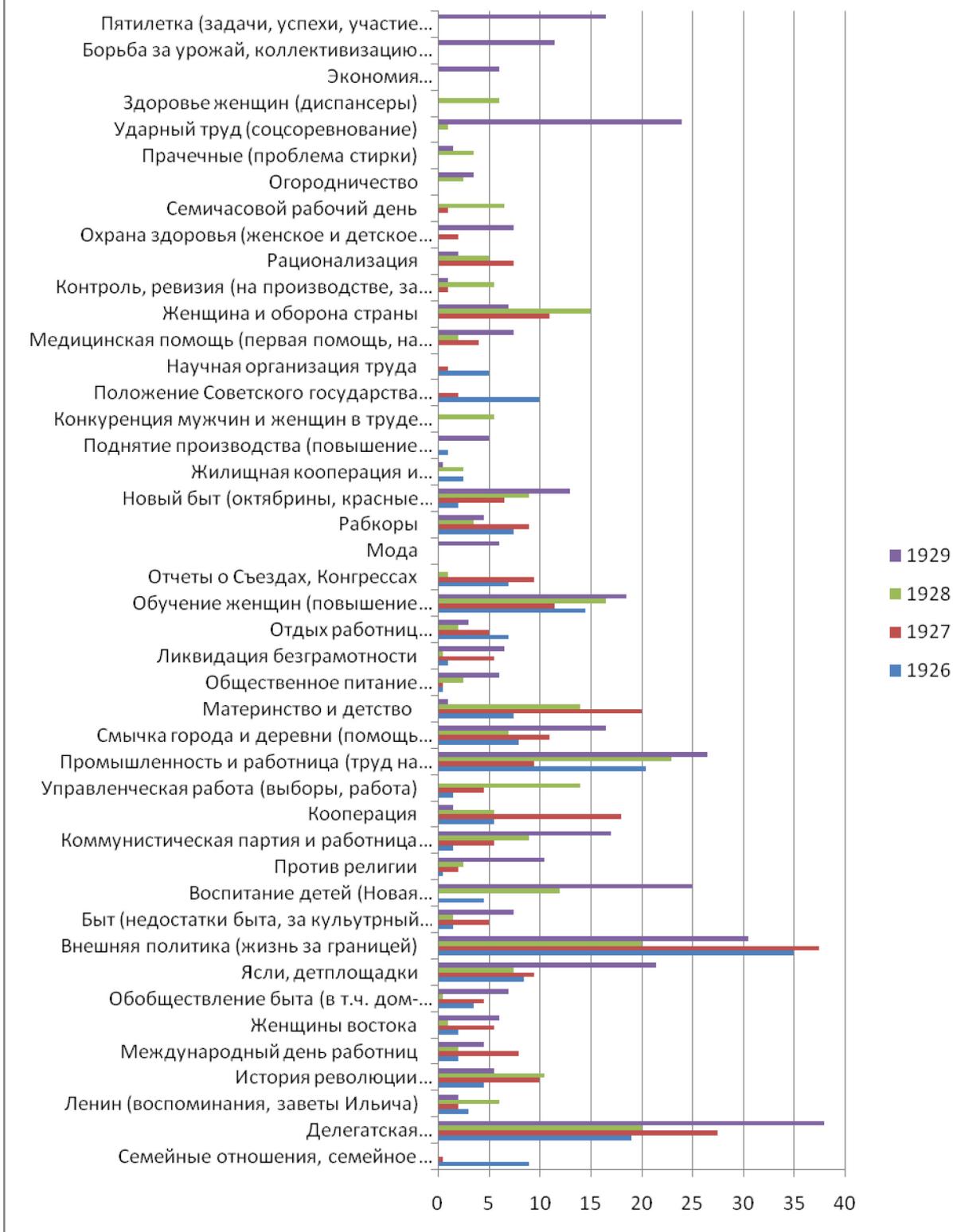
Приложение 2

Таблица 2. Тематический анализ журнала "Работница" за 1926-1929 гг.				
	1926	1927	1928	1929
Семейные отношения, семейное законодательство	9	0,5		
Делегатская работа, Женотделы, Профорганизаторы, Выборы	19	27,5	20	38
Ленин (воспоминания, заветы Ильича)	3	2	6	2
История революции (воспоминания, революционеры)	4,5	10	10,5	5,5
Международный день работниц	2	8	2	4,5
Женщины востока	2	5,5	1	6
Обобществление быта (в т.ч. дом-коммуна, коммуна)	3,5	4,5	0,5	7
Ясли, детплощадки	8,5	9,5	7,5	21,5
Внешняя политика (жизнь за границей)	35	37,5	20	30,5
Быт (недостатки быта, за культурный быт, помощь в быту)	1,5	5	1,5	7,5
Воспитание детей (Новая школа, пионерское движение)	4,5		12	25
Против религии	0,5	2	2,5	10,5
Коммунистическая партия и работница (призыв в партию)	1,5	5,5	9	17
Кооперация	5,5	18	5,5	1,5
Управленческая работа (выборы, работа)	1,5	4,5	14	
Промышленность и работница (труд на фабриках, условия труда)	20,5	9,5	23	26,5
Смычка города и деревни (помощь деревне), партия и деревня	8	11	7	16,5
Материнство и детство	7,5	20	14	1
Общественное питание (организация, контроль)	0,5	0,5	2,5	6
Ликвидация безграмотности	1	5,5	0,5	6,5

Отдых работниц (санатории, экскурсии, правильный отдых)	7	5	2	3
Обучение женщин (повышение квалификации, рабфаки)	14,5	11,5	16,5	18,5
Отчеты о Съездах, Конгрессах	7	9,5	1	
Мода				6
Рабкоры	7,5	9	3,5	4,5
Новый быт (октябрины, красные свадьбы, против насилия в семье)	2	6,5	9	13
Жилищная кооперация и строительство, жилищный вопрос	2,5		2,5	0,5
Поднятие производства (повышение выработки), рабочие вопросы	1			5
Конкуренция мужчин и женщин в труде (дискриминация)			5,5	
Положение Советского государства (режим экономии)	10	2		
Научная организация труда	5	1		
Медицинская помощь (первая помощь, на войне)		4	2	7,5
Женщина и оборона страны		11	15	7
Контроль, ревизия (на производстве, за яслями и др.)		1	5,5	1
Рационализация		7,5	5	2
Охрана здоровья (женское и детское здоровье)		2		7,5
Семичасовой рабочий день		1	6,5	
Огородничество			2,5	3,5
Прачечные (проблема стирки)			3,5	1,5
Ударный труд (соцсоревнование)			1	24
Здоровье женщин (диспансеры)			6	
Экономия (продовольствия, топлива, продовольственный кризис)				6
Борьба за урожай, коллективизацию (хлебозаготовка)				11,5

Пятилетка (задачи, успехи, участие женского актива, непрерывная неделя)				16,5
---	--	--	--	------

**Диаграмма 2. Тематический анализ журнала
"Работница" за 1926-1929 гг.**

Представленные в Таблице 2 и Диаграмме 2 данные были выявлены на основе тематического анализа контента журнала «Работница» Тематический анализ контента журнала «Работница» в период между 1926-1929 гг. проводился по всем 160 выпускам журнала, вышедшим за указанный период. Из анализа были исключены рассказы и стихотворения, такие разделы как «Наука», «Справочный отдел», «Литературные пробеги», «Малым детям», «Страничка Крокодила», «Почтовый ящик», «Охрана здоровья» и другие схожие специальные разделы, имеющие развлекательный или просветительский характер.

Сообщения, публиковавшиеся в журнале, были разделены на две категории: «статьи» и «заметки» (в анализе «статьи» учитывались с коэффициентом 1, а «заметки» с коэффициентом 0,5), категории определялись не по принципу объема сообщения, а по смысловой законченности. Сообщения с мест, отчеты работниц о проделанной работе учитывались с коэффициентом 0,5.

После проведения тематического анализа из сводной таблицы были исключены темы, совокупное упоминание которых за период между 1926-1929 гг. не превышало 5 (количество исключаемых тем было увеличено с 3 до 5 из-за большого количества затрагиваемых в журнале тем, но за исключением тем, относящихся к жилью и быту). Таким образом, были исключены следующие темы: «Социальное обеспечение», «Союз Советских социалистических республик», «Борьба с безработицей», «Женская безработица», «Социальное страхование (пенсии)», «1-ое мая», «Борьба с проституцией», «Промыслы, кустарная промышленность», «Сельскохозяйственная выставка», «Наука (промышленности, хозяйке)», «Празднование Октябрьской революции», «Советская власть работнице, достижения», «Комсомол», «Работница и физическая культура», «Профсоюз и работница (охрана труда)», «Домашние работницы (няни, прислуга) –

эксплуатация», «НЭП (разъяснения)», «Задачи работниц», «Аборт (обсуждение вопроса)», «Международный юношеский день (молодежь)», «Индустриализация», «Общественная работа и семья», «Техническое совершенствование производства», «Организация кружков», «Конкуренция женщин на производстве», «Колхозы (агитация)», «Изобретения и работница», «Привлечение к труду (профилактории)», «Шахтинское дело», «Электрификация», «Борьба с очередями», «Уборка», «Борьба с бюрократизмом», «Культработа», «Борьба с антисемитизмом», «Школа (помощь)», «Внешняя политика (угроза)», «Дети-сироты (борьба с беспризорность)», «Красная Армия (служба в армии, военная подготовка)», «Съезды работниц (участие работниц в съездах, конференциях)», «Рабочий клуб», «Борьба с алкоголизмом», «Облигации выигрышного займа, золотой заем, сберегательная книжка», «Интернационал и работница (международные связи)», «Коминтерн», «Жены рабочих (домохозяйки, общественная работа)», «Рецепты», «Спекуляция (обман в торговле)», «Борьба с вредителями (нэпманами, кулаками)» и др.. Результаты тематического анализа контента журнала «Работница» за 1925-1929 гг. представлены в Таблице 2 и Диаграмме 2.